

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

2024. Том 6. Номер 2

Главный редактор

В.Н. Шевченко (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Зам. главного редактора

В.И. Спиридонова (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

И.М. Угрин (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Заведующий редакцией

Б.В. Грачев (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Кара-Мурза Алексей Алексеевич (Институт философии РАН), Лепский Владимир Евгеньевич (Институт философии РАН), Лисеев Игорь Константинович (Институт философии РАН), Никольский Сергей Анатольевич (Институт философии РАН), Резник Юрий Михайлович (Институт философии РАН), Сиземская Ирина Николаевна (Институт философии РАН), Смирнов Андрей Вадимович (Институт философии РАН), Степанянц Мариэтта Тиграновна (Институт философии РАН), Федорова Мария Михайловна (Институт философии РАН).

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 2 раза в год.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-76168 от 08 июля 2019 г.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

При частичном или полном воспроизведении опубликованных материалов ссылка на «Проблемы цивилизационного развития» обязательна. Ответственность за достоверность приведенных сведений несут авторы статей.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 422.

Тел.: +7 (495) 697-91-89

E-mail: info@civstudies.ru

Сайт: <https://civstudies.ru>

—≡ CIVILIZATION ≡—
STUDIES REVIEW

2024. Volume 6. Number 2

Editor-in-Chief:

Vladimir N. Shevchenko (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria I. Spiridonova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Executive Editor:

Ivan M. Ugrin (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Managing Editor:

Bogdan V. Grachev (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Editorial Board

Alexey A. Kara-Murza (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Vladimir E. Lepskiy (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Igor K. Liseev (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Sergey A. Nickolsky (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Yuriy M. Reznik (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Irina N. Sizemskaya (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Andrey V. Smirnov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Marietta T. Stepanyants (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Maria M. Fedorova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia).

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Frequency: 2 times per year.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FC77-76168 on 08 July 2019.

All materials published in the “Civilization studies review” undergo peer review process.

No materials published in “Civilization studies review” can be reproduced, in full or in part, without an explicit reference to the Journal. Statements of fact and opinion in the articles in “Civilization studies review” are those of the respective authors and contributors and not of “Civilization studies review”.

Editorial address: 109240, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russian Federation.

Tel.: +7 (495) 697-91-89

E-mail: info@civstudies.ru

Website: <https://civstudies.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.И. СПИРИДОНОВА Идея государства в структуре понятия «государства-цивилизации»: западный и незападный взгляд на проблему.....	5
А.В. НИКАНДРОВ Будущее цивилизации в российской политической науке и американской идеологии и пропаганде:	
А.С. Панаарин против Ф. Фукуямы и С. Хантингтона.....	28
Л.А. АСЛАНОВ Информационная сущность локальных цивилизаций.....	47

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

А.Г. СЫТИН Цивилизационная проблематика в теоретическом наследии В.Н. Расторгуева.....	64
Ю.М. РЕЗНИК Цивилизационные модели в современной России: системные и внесистемные признаки.....	73
Б.В. ГРАЧЕВ, Д.И. ДУБРОВСКИЙ О месте российской цивилизации в современном мире.....	92

* * *

Содержание десяти номеров журнала «Проблемы цивилизационного развития»: 2019. Том 1. № 1 – 2024. Том 6. № 1.....	110
--	-----

TABLE OF CONTENTS

METHODOLOGY OF CIVILIZATIONAL APPROACH

VALERIA I. SPIRIDONOVA The idea of the State in the structure of the concept of “Civilization-State”: western and non-western perspectives on the problem.....	5
ALEKSEY V. NIKANDROV The future of civilization in Russian political science and American ideology and propaganda: Alexander Panarin vs Francis Fukuyama and Samuel Huntington.....	28
LEONID A. ASLANOV The informational essence of local civilizations.....	47

CIVILIZATIONAL APPROACH IN RUSSIAN PHILOSOPHY

ANDREI G. SYTIN Civilizational issues in theoretical heritage of V.N. Rastorguev.....	64
YURIY M. REZNIK Civilization models in modern Russia: systemic and non-systemic features.....	73
BOGDAN V. GRACHEV, DAVID I. DUBROVSKY Place of Russian civilization in the modern world	92

* * *

Content of the ten issues of “Civilization studies review” 2019. Vol. 1. No. 1 – 2024. Vol. 6. No. 1.....	110
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.И. Спиридонова

Идея государства в структуре понятия «государства-цивилизации»: западный и незападный взгляд на проблему

Valeria I. Spiridonova

The idea of the State in the structure of the concept of “Civilization-State”: western and non-western perspectives on the problem

Появление нового субъекта мировой политики – «государства-цивилизации» как реакции на американскую гегемонию, вызвало резкую критику в западном научном сообществе. Главное возражение, которое выдвигается, состоит, по мысли западных критиков, в несовместимости институциональной сущности государства, как его понимают на Западе, с понятием «органической» природы цивилизации. Такой подход показывает, что существуют радикальные мировоззренческие противоречия в толковании государства и государственности в западной и незападной мысли. Вскрытию сущности этого противоречия посвящена данная статья.

Понимание государства прошло на Западе длительный путь от его аристотелевской этической интерпретации как добродетели и телеологии «благой цели» до современной американской концепции «государства-предприятия», – модели, которую они стремятся распространить на весь мир.

Современная западная форма государственности не является универсальной, а всего лишь локально-цивилизационной формой для евро-американского региона, которая сложилась под влиянием конкретных социально-политических условий развития. Отсутствие катастрофически разрушительных внешних факторов, грозящих уничтожением всей западной цивилизации, сделало возможным создание более низкого уровня политической централизации и более высокого уровня политической автономии. Второй особенностью западной модели стала особая роль рыночных отношений и элиты, с ними связанной, что привело к общему умалению роли государства и сведению его к функции обслуживания. Кульминацией эволюции идеи государственности стала американская модель «государства-предприятия».

В незападной научной мысли государство, принявшее мобилизационную форму как итог социально-исторического развития в условиях мощных внешних вызовов

экзистенциального характера, сохраняет коннотацию этической ценности. Оно приобретает значение высшей ценности, приводящей к разной степени его сакрализации. Последняя имеет свои особенности в современной китайской модели государства-цивилизации, а также в российской, которые обсуждаются в данной статье. Феномен сакрализации имеет место и в западной модели развития. Место «сакрального» в этой социально-политической структуре занял рынок. Именно он стал той «невидимой рукой», магической силой, которая заняла место Бога после повсеместной девальвации, а то и полного отказа от христианства в Новое и Новейшее Время. Государство является сущностно необходимым элементом цивилизационного восстановления общества после глубоких кризисов, и, таким образом, формула «государства-цивилизации» для обозначения новых субъектов мировой политики получает дополнительную позитивную аргументацию в условиях современной глубинной трансформации структуры мира.

Ключевые слова: идея государства, государство-цивилизация, «государство-предприятие», трансформация мирового порядка, сакрализация, мобилизация, высшее благо.

The emergence of a new subject of world politics – the “Civilization-State” which is a reply to the challenges of American hegemony, has caused sharp criticism in the Western scientific community. The main objection that is put forward is the incompatibility of the institutional essence of the State (as it is understood in the West) with the notion of the “organic” nature of Civilization. Such an approach shows that there is a deep contradiction in the interpretation of the State and Statehood in Western and non-Western thought. This article is devoted to revealing the essence of this contradiction.

The idea of the State in the West has been transformed over the centuries from its Aristotelian ethical interpretation as virtue and “Good purpose” to the modern American concept of the “State-Enterprise”. That model is seeking to extend all over the World.

But the modern Western form of Statehood is not universal. It is a local-civilizational form suitable for the Euro-American region. This form has developed under the influence of specific socio-political circumstances. The absence of catastrophically destructive outsider factors threatening to destroy the Western civilization resulted in a lower level of political centralization and a higher level of political autonomy. The second feature of the Western model was the particular role of market relations and the role of elite. As a result a diminution of the role of the state occurred. The function was reduced to a service one. The evolution of Western idea of Statehood culminated in the American model of the “State-Enterprise”.

In non-Western scientific thought, the State has taken the mobilization form as a result of socio-historical development and powerful external existential challenges. The State retains the connotation of ethical Value. It acquires the meaning of the top Value, and has brought to life different degrees of its sacralization. The latter has its own peculiarities in the modern Chinese model of Civilization-State, as well as in the Russian one. The both are discussed in this article.

The phenomenon of sacralization also takes place in the Western model. The market took the place of the “Sacred” in the Western socio-political structure. It became the “invisible hand”, the magic power that replaced the God as a result of a widespread devaluation, even complete abandonment of Christianity paradigm in the New Modern Times.

The State is a necessary element of Civilizational Renaissance of society at the end of deep crises. Thus, the formula the “Civilization-State” given to new subjects of world politics has received an additional positive argument considering the modern profound transformation of the World structure.

Keywords: idea of the State, Civilization-State, “State-Enterprise”, transformation of the world order, sacralization, mobilization, the highest Good.

Введение

В начале XXI в. на мировой арене появился новый субъект политики – «государство-цивилизация». Таковыми объявили себя Китай, Россия, Индия, а затем к этому процессу присоединились Турция, Египет и ряд стран Латинской Америки. Поскольку в евро-атлантическом сообществе появление государства-цивилизации с самого начала было воспринято как элемент, разрушающий существующий мировой порядок и несущий угрозу американской гегемонии, оно было подвергнуто жесткой теоретической критике. Государства-цивилизации были объявлены «консервативными, если не сказать буквально – реакционными политическими проектами» [30, с. 238]. Несколько позже в западном научном сообществе началось углубленное осмысление новой категории. Главное направление исследований было сосредоточено на аргументах, оспаривающих обоснованность нового словосочетания, состоящего из двух компонентов – «государство» и «цивилизация». По мнению западных исследователей, они трудно совместимы. Ибо государство в европейской парадигме не более, чем инструмент управления, «правительственный аппарат». Тогда как «цивилизация», хотя и «расплывчатое», до конца не проясненное понятие, но все же – чуть не живое существо – по крайней мере, «организм», который рождается, живет и умирает. Эти рассуждения показывают, что западные аналитики крайне далеки от незападного толкования смысла и идеи государства, которое выходит далеко за рамки узко функциональной его интерпретации как «механизма» и которое для стран не-Запада не только не утратило свое этическое основание «добродетели», но и сохранило в полной мере телеологию «благой цели».

Таким образом, в строго политологическом, казалось бы, споре о «государстве-цивилизации» был поставлен вопрос о необходимости осмысления коренного различия в самом подходе к пониманию смысла и функции государства в западной и восточной мысли. В этом контексте знаменательно высказывание российского востоковеда Ю.В. Любимова о том, что следует различать *государство* как исторически устоявшуюся систему самоорганизации общества и *государство* как надстроечную (институализированную) часть социально-политического устройства [9, с. 566]. Действительно, именно этот вопрос является центральным не только в контексте прояснения сущности нового концепта и нового субъекта мировой политики – «государства-цивилизации», но и в более широкой перспективе – осознания сущностного расхождения между двумя мировосприятиями, двумя теоретическими подходами и двумя социальными способами действия – евро-американским, «западным», и оформившимся совсем недавно – так называемым «незападным».

Государство на Западе и на Востоке

Развитие идеи государства на Западе прошло долгий путь от аристотелевского взгляда, который видел его высшее предназначение в реализации благого и добродетельного существования общества, до современной узкофункциональной его интерпретации как аппарата управления. «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим», утверждает Аристотель [1, с. 375]. Государство для него – носитель нравственного идеала, оно ответственно за «поле общего» и стремится к нравственной цели «добра», таким образом, само превращаясь в добродетель, в этическое начало общества. При этом Аристотель признает давление конкретно-исторических условий существования, которые заставляют искать собственный, наиболее эффективный в данной общественно-исторической среде вид и форму государственного устройства. Нужно осознать, пишет он, «кому какой вид наиболее подходит... Хороший законодатель и истинный государственный муж не должны упускать из виду как подлинно наилучший вид государственного устройства, так и относительно наилучший при соответствующих обстоятельствах...» [1, с. 486–487]. Не существует единой, пусть и доказавшей свою эффективность в рамках определенных социальных систем, формы управления – таковой, например, как демократия. Ее вариации или иные формы не только допустимы, но являются насущно необходимыми для стран, находящихся в иных природно-хозяйственных и социально-политических условиях.

Аристотелевский подход, однако, претерпел значительную эволюцию в западной мысли. С усилением индивидуалистических начал и возвышением роли рынка и финансов в структуре общества и власти меняется отношение к государству, вымываются этические коннотации, роль государства сначала минимизируется, а затем оно объявляется «неизбежным злом» и помехой прогрессивному развитию. Как замечает В. Зомбарт, «плоское, торговое понимание государства приводит в конце концов к тому, что можно назвать «страхом» перед ним. Чем меньше государства, тем лучше – этот мотив перепевают все английские теоретики, начиная с Локка. Идеал, к которому движется «индустриальное общество», состоит в полном избавлении от государства» [6, с. 24].

Кульминацией этого процесса в современном мире стал американский вариант концептуализации государства как «предприятия». Уже Ф. Хайек сужает его понимание до административно-аппаратной функции. Государство

для него – не фундаментальная категория общественного устройства, а всего лишь одна из многих подобных организаций, институтов. Его деятельность строго ограничена управленческой функцией. «В свободном обществе, – пишет Ф. Хайек, – государство – одна из многих организаций, необходимых лишь для того, чтобы обеспечить внешние рамки, в которых зарождается и существует спонтанный порядок» [18, с. 207]. «Эта организация», подчеркивает американский исследователь, «ни в коем случае не идентична самому обществу» [Там же] и «ограничена правительственным аппаратом» [Там же].

Современный американский вариант интерпретации государственности все более приобретает характерные черты «бизнес-корпорации». Намечился переход от формулы «государства-нации» к формату «нации-корпорации» («*entreprise-nation*») [28]. В классической модели «государства-нации» доминирует «государственная идеология», носителями которой являются «традиционные интеллектуалы», связанные с партийными структурами, и профессионалы государственной бюрократии. Управление осуществляется политической элитой общества. В «нации-корпорации» формируется новый тип гегемонии – гегемония, которая воспроизводится через предприятия, но предприятия особого рода – медиа предприятия. Появляется новый тип современного интеллектуала, образец «элиты» нового типа – так называемые «комменеджеры» (производное от: «коммуникация» и «менеджер») [28]. Их главной задачей становится управление потоками информации и финансов, используя медиатехнологии, а целью – производство «верований», «ценностей» и «смыслов». Новая модель управления как основная матрица распространяется не только на рыночную экономику, но на гражданское общество и государственный аппарат. Как пишет П. Мюссо, актуализируется «процесс генерализации модели предприятия на все общество, что позволяет определить современную политическую американскую форму гегемонии как исходящую от нации-предприятия» [Там же]. Именно эту модель государственности США как мировой гегемон пытаются распространить на весь мир.

Государство как этический центр общества в новой модели превращается в помеху и требует упразднения. Одновременно разворачивается процесс элиминации государственного слоя классического типа, сопровождаемый вырождением политического класса и политической элиты как таковой, что особенно заметно в европейском ареале, который является ближайшим «партнером-подчиненным» в структуре господства глобального гегемона. «Мы живем в эпоху, когда власть заявляет о своем собственном исчезновении» [27, с. 64], – констатирует этот факт Пьер Лежандр, французский историк права.

Стремление США распространить эту модель, реализующую их доминирование, на весь мир встречает сопротивление незападной части человечества. Это подкрепляется тем, что глубинные представления о сущности государства, как они сложились исторически и практически в этих регионах, коренным образом расходятся с евро-американскими.

На Востоке особая роль государства, которое приобрело статус сакральной ценности, исторически связана, как указывают исследователи-востоковеды [9; 11], с серьезными внешними вызовами, которые постоянно или длительное время угрожали самому существованию этих стран. По сравнению с ними европейские народы, считает А.Л. Рябинин, развивались в тепличных условиях. Западная Европа эволюционировала «в состоянии относительного покоя: она не сталкивалась с крупными варварскими вторжениями, с нападениями кочевников, способными стереть с лица земли целые города и страны» [11, с. 60]. В итоге там появилась возможность конструировать более низкий уровень политической централизации и более высокий уровень политической автономии. Именно такова была история античной и средневековой Европы. Первая породила эгейскую полисную структуру свободных городов, вторая создала свободные цеха, торговые гильдии, и впоследствии – парламентские системы. Все это позднее стало осмысливаться как фундамент политических режимов демократического характера. В более поздние эпохи, с началом эры колонизации, к благоприятным особенностям внутреннего исторического развития европейских стран добавились дополнительные преференции – возможность существовать за счет других народов, покоренных в ходе освоения новых земель. Это позволяло экономить свои или иметь дополнительные ресурсы для развития, насаждая представителей собственной элиты в качестве управляющих благоприобретенными колониальными территориями.

На примере ряда восточных государств А.Л. Рябинин показывает, что на каком-то этапе в крупных восточных государствах – части Древней Месопотамии, Китае, некоторых частях Индии – также складывались социально-политические (феодалные, а затем демократические) системы, сходные с западноевропейскими. Однако от них пришлось отказаться под давлением обострившихся внешних вторжений. Для того, чтобы противостоять варварам, было необходимо выработать мобилизационную модель, которая не позволяла обществу «расслабиться» в той степени, как это было в демократических странах Западной Европы. Иначе им грозил распад и исчезновение как единых государственных формирований.

В древнекитайских царствах в период под названием «Чюньцю» в VIII–VII вв. до н.э. существовал феодализм, т.е. социально-политическая и политико-административная система, типологически сходная с той, которая была распространена в Западной Европе в XI–XIII вв. Но децентрализация

власти прекратила свое существование, как только страну атаковали иноземцы, причем сразу с двух сторон – как на севере, так и на юге. Необходимо было централизованным путем собирать силы для противостояния нападавшим. «Этот процесс занял более четырех веков и закончился образованием общекитайской империи под управлением династии Цинь» [11, с. 64]. В эту эпоху вместо феодальных уделов возникают «условные должностные владения», которые превращаются в «жалованье за службу». Одновременно на руководящие должности назначаются чиновники, полностью зависящие от императора и всецело ему подчиненные. С тех пор китайское государство никогда не доходило до прежнего уровня децентрализации. Для удержания власти в такой огромной империи, как Китай, централизация верховной власти была необходима, в противном случае империя обречена была на распад.

Схожая ситуация имела место в Северной Индии в VIII в. Состояние, подобное классической античности, можно обнаружить у древних горцев Йемена, средневековых швейцарцев и басков, в современных горных общинах Албании и Черногории, в вольных обществах Кавказа, в некоторых горных районах Афганистана, в горном Ассаме, в некоторых частях бывшей Бирмы, на Филиппинах [Цит по: 11, с. 65]. Фактор внешней безопасности здесь также является решающим. Подобные общества находятся в условиях естественной природной изоляции горных политий, что предохраняет их от нападения, создавая эффект «круговой» обороны.

В этой связи отмечается еще одна особенность развития европейских обществ. Их уникальность состоит не только в том, что там представились исторические возможности развития демократий, сколько в том, что «в этой демократии приоритет предоставлялся богатым и состоятельным людям, связанным прежде всего с рынком» [11, с. 66]. Даже на начальной стадии формирования (не говоря уже о позднем капитализме) общество, например, в Афинах, после реформ Солона структурировалось на основе имущественного ценза. Полисные должности могли занимать исключительно состоятельные члены общества, а самые высокие (архонтов и казначеев) – очень богатые. Эта же система репродуцируется в Древнем Риме. С развитием такой политической системы государству, вполне понятно, отводится служебная и второстепенная роль. Его предназначение – в обслуживании интересов рынка и частного собственника и ограждении их от опасностей потери своего богатства. «В европейской рыночно-частновладельческой структуре частная собственность и рынок – основа всего, генеральный фундамент процветания общества и государства. Государство здесь служит рынку и частному собственнику, который уважается в высшем качестве гражданина (не подданного!) и как таковой через систему демократии избирает и контролирует органы власти и администрации» [Цит. по: 11, с. 67].

Исследования древних обществ свидетельствуют о том, что выбор централизации в ущерб демократическим началам первоначально был не только безальтернативным, но и магистральным во всемирной истории, в истории всех государств. Но это возможно было на доклассическом этапе развития. О том свидетельствует общественная динамика в самые ранние эпохи существования Европы, шедшей в этом направлении. Действительно, минойская и микенская Греция были «цивилизациями дворцов» и развивались по восточному пути. Черты привычного сегодня так называемого «западно-го» развития начали зарождаться только в Гомеровской Греции и проявились в полной мере в Греции Классической и позднее [11, с. 59].

Таким образом, выясняется, что радикальное изменение характера развития любого общества происходит под влиянием внешнего фактора. Именно это случилось в большинстве с незападными странами. Угрозы экзистенциального характера сформировали условия для особой позиции государства в политической структуре восточных социумов. Возникли обоснованные предпосылки для сакрализации государства. Поэтому ныне именно это обстоятельство и его последствия составляют коренное отличие незападных обществ от европейских. Более или менее явная сакрализация государства – их фундаментальное качество. Следует, однако, заметить, что «сакральное» не ушло окончательно даже из самих европейских обществ. На самом деле в западных странах место «сакрального» в социально-политической структуре занял рынок. Именно он стал той «невидимой рукой», магической силой, которая заняла место Бога после повсеместной девальвации, а то и полного отказа от христианства в Новое и Новейшее время.

«Сакральное» как необходимый элемент общества

На значимость религиозного фактора, формирующего определенный тип духовности общества как основы его цивилизационного типа, указывали О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, С. Хантингтон.

О. Шпенглер, определяя суть культуры (цивилизации), ключевыми понятиями которой у него были «прасимвол», душа, стиль существования, «имманентная государственная идея», писал: «У каждой культуры есть религия. Это лишь иное наименование ее бытия. Все формы, в которых она выражается, все искусства, доктрины, обычаи, все метафизические и математические миры форм, каждый орнамент, каждая колонна, каждый стих, каждая идея в глубине глубин религиозны... Сущность всякой культуры – религия» [23, с. 545–546]. Согласно Ф. Броделю, «в сердце любой цивилизации утверждаются религиозные ценности» [2, с. 60]. А. Дж. Тойнби рассматривал сами цивилизации и их столкновения в качестве «увертюры существующих высших религий» [14, с. 475]. И потому у него «подъемы и падения цивили-

заций сравниваются с оборотами колеса, целью которого является передвижение вперед колесницы Религии» [14, с. 840]. С другой стороны, сами религии выступают «в качестве чистого инструмента для воспроизводства цивилизаций» [15, с. 218]. С. Хантингтон, который развивал идеи А. Тойнби, акцентируя их конфликтный потенциал как результат «встречи» цивилизаций, в определенной мере подвел итог: «Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия» [19, с. 48]. И сегодня несмотря на то, что в обществе происходят определенные трансформации в сторону возрастания фундаментально светских элементов его функционирования, понятие о существовании сакрального центра общества продолжает существовать. Анализируя это явление, В.Л. Цымбурский определяет его как наличие «сакральной вертикали». «В каждый период своего зрелого существования “цивилизация – высокая культура” выступает как тип духовности и социальности, подведенный под религиозно или квазисекularно трактуемую сакральную вертикаль», – пишет он [21, с. 108]. При этом, продолжает он, необходимо формулируются представления о Трансцендентном, т.е. «о последних причинах, целях и нормах существования мира и человечества» [21, с. 105]. В то же время реализация этого процесса требует, чтобы общество сплотилось вокруг некой «сакральной вертикали, проецирующей само бытие данной группы народов с их традицией государственного строительства в трансцендентный план» [Там же].

С этой идеей в определенной мере, но с отсылкой к иной терминологии согласны и западные исследователи. Так, американский социолог Э. Шилз, представитель структурного функционализма – последней большой социальной теории на Западе – утверждает, что в каждом обществе присутствует макросоциальный центр, который помимо институциональной природы имеет ценностно-смысловую характеристику и носит сакральный характер. Он представляет собой набор определенных ценностей и убеждений, которые составляют «официальную» религию данного социума. «Центр, или центральная зона, – это феномен сферы ценностей и представлений, – пишет он. – Это центр порядка символов, ценностей и убеждений, управляющих обществом... Центральная зона имеет природу сакрального. В этом смысле каждое общество имеет «официальную» религию, даже если это общество или его выразители и интерпретаторы представляют его более или менее корректно как светское, плюралистическое и толерантное общество» [31, с. 117]. Такой центр играет решающую роль в интеграции социальных сил именно благодаря тому, что он содержит нередуцируемые, окончательные, критически важные для выживания общества ценности [Цит. по: 20]. Благодаря этим ценностям происходит самоидентификация членов общества и образуется единая общность. Существование центральной ценностной системы влияет на всех членов общества вне зависимости от степени

осознания ими ее природы или существа, поскольку обусловлено «базовой человеческой потребностью во включенности в нечто, способное трансцендировать, преобразить и возвысить повседневный индивидуальный опыт» [Цит. по: 20].

«Сакральная вертикаль», отмечает В. Цымбурский, исторически достаточно подвижна и в определенные периоды может быть даже утрачена обществом, но она способна восстанавливаться. Когда начинается новый цикл цивилизационного развития, происходит ее «подновление». Межвременье, или периоды смуты, заканчиваются именно тогда, когда «утверждается определенный тип государственной социальности» [21, с. 105].

Очень важен момент, который выделяет, таким образом, В. Цымбурский, а именно то, что происходит не просто возрождение общества как такового, а восстановление, возобновление его *государственной оформленности*. Это есть первое условие выхода из цивилизационного кризиса. В современном мире, который претерпевает радикальные изменения своей глубинной структуры, сопровождаемые катастрофическими сломами, складывается новая терминология выхода из кризиса. Формула «государства-цивилизации» предстает, таким образом, не только теоретически оправданной, но практически субстанциально необходимой.

Дело в том, что у «государства» в его соотнесенности с «цивилизацией» есть еще одна функция. Как заметил О. Шпенглер, переходу к цивилизационному состоянию предшествует *государственное оформление народа*. И это следует понимать не в узком смысле ухода от состояния дикости или варварства, согласно «идеологизированной», «прогрессистской», колониальной по замыслу европейской схеме, которая главным образом реализует проект самоопределения европейцев в качестве «высшей расы» человечества и обоснования их исключительности, «превосходства» по отношению к остальному миру. В *многоцивилизационном* мире процесс становления каждой отдельной цивилизации нуждается в государственности, в государственной оформленности. Когда выработаны и осознаны обществом его особые, отличные от окружающего «фона» мировоззренческие предпочтения, необходима государственная оболочка, которая будет скреплять, охранять, защищать такое мировоззренческое «ядро» – особое видение высших ценностей и смыслов, характерных именно для данной цивилизационной сущности. Именно благодаря «огосударствлению» данного типа социальности цивилизация сможет эволюционировать и развиваться в мире других смежных цивилизаций.

Та же идея проговаривается Н.Я. Данилевским. Государство, по его мнению, необходимо прежде всего для охранения бытия «народности» – того, что ныне именуется национальной идентичностью [5, с. 267]. Транслируя эту идею на современность, мы видим, что именно национально самобытная идентичность, достигшая определенной степени зрелости, отображается

на данном этапе понятием «государства-цивилизации». По Н.Я. Данилевскому, именно государство должно преобразовывать «этнографическое» состояние предбытия в цивилизационное состояние. «...Государства... ограждают свою политическую независимость, без которой... цивилизация ни начаться, ни развиваться, ни укрепиться не может» [5, с. 137]. Переходный период безгосударственности, «смуты», который неоднократно переживала Россия, возвращает народ в состояние этнографического материала, преодоление которого требует обновленной формы «имманентной государственности». Сегодня таковой становится категория «государства-цивилизации».

В сходном ключе рассматривает отношение государства к цивилизации А. Тойнби. Он пишет, что государства следует «считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают» [16, с. 211]. Чтобы понять, что представляет собой, к примеру, западная цивилизация, надо из всего исторического материала выделить наименьший блок такого материала – «интеллигибельную единицу» общественной жизни цивилизации, в которой будут зафиксированы и схвачены ее типические черты. В реальной жизни составными частями исторического процесса выступают государственные образования, в рамках которых эти черты себя проявляют. Причем одни из таких государств выглядят как преемственные по отношению к другим. Так, для того, чтобы осознать цивилизацию США, нужно обратиться к конкретно-историческим государствам Западной Европы, и далее вглубь истории до греко-римского мира. «Именно эти пределы во времени и пространстве и дают нам интеллигибельную единицу общественной жизни, составными частями которой являются и Соединенные Штаты, и Великобритания, и Франция, и Голландия» [16, с. 210]. В этом контексте получается, что государства кристаллизуют развитие цивилизации во времени и пространстве.

Именно эту функцию кристаллизации зрелой национальной идентичности актуализирует сегодня концепт «государства-цивилизации».

Восприятие государства в китайском варианте «государства-цивилизации»

Первой страной, которая в XXI в. заявила о своей приверженности идее «государства-цивилизации», как известно, был Китай. Поэтому необходимо понять, насколько в этой формуле для него был важен акцент на значимости государственного оформления цивилизационной идеи.

Несмотря на то, что само конфуцианство представляет собой вариант светской религии и не трактует трансцендентные основы идеи спасения, китайская концепция «государства-цивилизации» также близка к пониманию государства как сакрального центра общества. Государство имеет отчетливо

выраженную этическую значимость. Чжан Вейвэй, автор самого фундаментального на данный момент исследования китайского варианта «государства-цивилизации», вспоминает Г.В. Лейбница, который писал о том, что китайцы развивали то, что он называл «естественной религией», и что есть, по его мнению, светское применение этики к сферам социального, экономического и политического. «Верно, что китайское общество за всю свою долгую историю всегда было скорее светским, чем религиозным, но верно и то, что китайская культура, сформировавшаяся под влиянием конфуцианства, моралистична и гуманистична» [33, с. 59], пишет он. Поэтому китайское государство находится в совершенно иных отношениях с обществом по сравнению с западным. Оно пользуется гораздо большим естественным авторитетом, легитимностью и уважением. Несмотря на отсутствие западной формы избирательной демократии, его легитимность лежит глубоко в истории Китая.

Государство здесь рассматривается как «хранитель (guardian), опекун, попечитель (custodian). Оно есть воплощенная «телесность» (embodiment) китайской цивилизации. Долг государства – защищать ее единство... Это тот момент, который кардинально отличает его от того, как государство воспринимается в западных обществах», – подчеркивает Чж. Венвэй [33, с. 59]. Другими словами, государство в китайском массовом сознании тесно увязано с этическим понятием добродетели, что совершенно неприменимо к современной евро-американской его трактовке. Государство воспринимается в Китае не только как аппарат управления, но как устроитель мира, как этическая доминанта. Эти этические требования были позднее соотнесены с особым цивилизационным типом сакрализации китайской государственности.

Исторически был период, когда Китай вынужден был подстраиваться под модель «государства-нации». Как пишет профессор политических наук Массачусетского технологического института, специалист по Китаю Люциан Пай: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX в.» [26]. Характерно, что эта эпоха китайской истории воспринимается как «отход от идеи “Неба”» [33, с. 49–50]. И хотя в китайском прочтении «Небо» понимается не в том трансцендентном ключе, как это имеет место, в частности, в христианской традиции, здесь, принимая во внимание особенности системы конфуцианства, происходит сближение с идеей политической сакрализации, о которой шла речь выше.

Идея Небесного Мандата, которая оформила этическую доминанту, оставаясь главной на всем протяжении китайской истории, стала основополагающей и наиболее устойчивой частью китайской официальной идеологии [10, с. 367–368]. Правитель не был носителем божественного начала в том смысле, как это принято в христианской традиции, однако он был носителем

сакральности в том смысле, что должен был воплощать все наиболее ценные человеческие качества, а также проводить политику, нацеленную на сохранение гармонии, порядка и стабильности в мире и обществе.

В современной китайской политической теории подчеркивается важность момента солидарности общества, в основе которого лежат четыре «сверх-» – сверхбольшое население, сверхбольшая территория, сверхдлительная традиция, сверхбогатая культура. Все они становятся дополнительным аргументом для поддержания центральной роли государства, создания «сильного государства» как основания для сохранения исторической солидарности. Ибо, согласно Чж. Венвэю, «государство-цивилизация» – это «континент», это продукт «сотен государств, слившихся в одно» за долгую и непрерывную историю Китая. «Как единое государство, оно характеризуется беспрецедентной сплоченностью и компетентностью в вопросах макроуправления, а как “сотни государств в одном” – наибольшим внутренним разнообразием» [33, с. 67]. Тем самым лишний раз акцентируется стержневой цивилизационный характер государства в китайской истории и современности.

Особенности сакрализации государства в России

В российской истории духовной вехой мировоззренческого отделения от западного взгляда на государство стал рубеж разделения христианства на две ветви – на западно-ромейскую (католическую) и восточно-ромейскую (православную), который стал исходной точкой и символом исторической судьбы Европы и России с точки зрения сохранения *уровня трансцендентности* общественного сознания. С этого момента историческая судьба Запада пошла по пути папоцезаризма, который должен был вобрать в себя духовную жизнь общества и, на первый взгляд, подчинить ее идеям *высшего* блага, усилить общее трансцендентное духовное состояние и направленность общественного сознания. В действительности произошло обратное. Папство оказалось вовлеченным в светскую борьбу за власть, что в дальнейшем привело к Реформации, которая в реальности способствовала снижению уровня трансцендентности общественного сознания. С одной стороны, возникло явление, которое М. Вебер назвал «духом капитализма», протестантское отношение к ведению хозяйства, дисциплинировавшее общество и способствовавшее развитию предпринимательства. С другой стороны, эта тенденция увеличила светскую укорененность общественного сознания, а также содействовала превращению рынка и рыночных отношений в центральный элемент общественной структуры, что привело в итоге к «смерти Бога», отказу от стремления к высшим ценностям. Их место заняла «невидимая рука рынка», ставшая «всеведущим», «вездесущим» и «всемогущим» Богом современности.

Восточно-ромейская, православная ветвь христианства сохранила направленность к «высшему благу». Церковь оказалась отделенной от государства и охраняла полноценное духовное водительство в личном сознании. В общественном поле цезарепапизм привел к тому, что место сакрального центра общества заняло государство с сильной централизацией власти, которое вобрало в себя, помимо институционально устроительной функции, идею **общего блага как отражения «высшего блага»** и, таким образом, было поставлено в ряд **«добродетелей» и «высших ценностей»**. Именно этот его аспект был трансформирован впоследствии в идею «социального государства». Было сохранено также его гармонизирующее воздействие на общество через миссию справедливого арбитра, который призван уравнивать мнения сторон. Государство восточной традиции – это не только институт, учреждение, аппарат управления, это – «катехон», «удерживающий» и «государь», «господарь», т.е. субъект, выступающий как отражение Бога, отвечающий перед Богом в стремлении к реализации «высшего блага». В этом контексте, помимо трансцендентной функции государства, показательна судьба церкви как института. Если западное христианство пришло к понятию «личной церкви», восточное удержало смысл «соборной» церкви как всеобщего устройства. Как отражение такого трансцендентного характера и как носитель элемента трансцендентности, Власть и Государство в российском контексте приобретают сакральное значение *сверхценности*.

В функциональном плане это признавали не только мыслители консервативного толка, но и крупнейшие российские либеральные теоретики. Изменения в таком обществе, по мысли Б.Н. Чичерина, возможны только под лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Общество особенно испытывает нужду в сильной власти в период радикальных преобразований, когда, как писал Чичерин, «старое рушилось, новое не успело окрепнуть; никто не знает, за что держаться. В такие времена наименее возможно внутреннее общественное единство, согласное действие различных общественных сил, а потому там необходимее крепкая власть, которая могла бы сдерживать влекущиеся врозь стихии» [22, с. 165].

На всем протяжении российской истории к помощи государств прибегают в кризисные «последние» времена – в периоды смуты, краха, социальных катастроф, когда обществу и государству грозит уничтожение. Государство, пишет исследователь русского Средневековья А.Л. Юрганов, рассматривается как «контрапункт эсхатологической идеи «конца света», главное средство коллективного спасения» [25, с. 439]. При этом сакральная сущность идеи спасения переносится на государство, которое, будучи главной опорой и главным историческим деятелем, само неизбежно сакрализуется общественным сознанием. Идея «спасения» воспринимается и транслируется не только как спасение личности от чар падшего мира, но через собственное

спасение – спасение «позитивного» человечества. Этот тезис, заложенный еще в период Московского царства, становится одной из фундаментальных ценностей российского бытия.

Сквозная идея Московского царства – идея религиозного спасения себя и праведных «других» как христианского царства. Концепция «Москва – Третий Рим» подразумевала, что Московское царство будет последним, которое поддерживает праведность христианского учения в последние дни мира, предшествующие концу света. Для И. Пересветова, автора первой в России утопии, ведущим мотивом «Сказания о Магмете-салтане» является укрепление централизованного государства и акцент на роли и значении православного царя, способного устроить истинное православное царство для спасения «люди своя». Центральной темой российской историософии, таким образом, становится сотериологическая функция государства.

Даже такая прозаическая вещь, как приращение территориальных владений России, мыслилась как расширение «святой земли», христианской ойкумены. Главная миссия государства состояла в том, чтобы «прикрыть», защитить собранные народы от влияния антихриста, который был предвестием конца времен. И потому в территориально-собирательном плане российская держава выступала не в роли агрессора и завоевателя, а как «сеятель добра», жертвующий своими богатствами и склонный скорее отдавать, нежели брать. Ее главными качествами оказываются опека и патернализм, а не покорение и господство над входящими под ее длань народами. В ее «имперской» политике нет жесткого диктата метрополии, обычного для колониальных завоеваний, нацеленных на выкачивание ресурсов, использование дешевого труда коренных жителей, вытеснение «варваров» с их земель под предлогом «более рационального землепользования» «цивилизованными» народами.

Принимая во внимание огромное влияние территориального фактора, тесно сопряженного с многоэтничностью и многоконфессиональностью, главной задачей российского государства на всем протяжении его истории стала сочлененная со спасением собирательная задача. Здесь немаловажную роль сыграло византийское наследие, которое вооружило русский народ строем идей для создания мировой державы. Сущность византийской культуры определялась сочетанием самых разнородных направлений, шедших с Востока (из Палестины, Сирии, Персии, Малой Азии), с Запада (из Европы) и даже с Юга (из Африки). Византийский «симфонизм», будучи унаследован Россией как принцип, трансформировался в государственно-культурную объединительную задачу русского народа. При расширении государства на Восток русские не вытесняли и не стремились к безапелляционному доминированию над местным населением по праву завоевателя, а, напротив, легко перенимали его привычки и обычаи, вживались в новую среду, одновременно приобщая жителей к своей культуре. Это означало, что русское

имперское «миссионерство» носило симбиотический характер. Характеризуя это явление, даже такой критически настроенный исследователь, как Г. Федотов писал: «Правда, Россия является Империей своеобразной... Ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин... И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере. Общий баланс, вероятно, положительный... И если бы мир мог еще существовать как равновесие Империй, то среди них почетное место занимала бы Империя Российская» [17].

В отличие от европейской, византийская политическая идея, по мысли Вл. Соловьева, «признает в государстве сверхправовое начало» [13, с. 557], которое стремится соответствовать высшей правде. Вл. Соловьев также считает, что главной задачей России, которая наследует эту идею, становится объединительная, собирательная идея, которая в контексте соловьевского универсализма из внутренней цели российского государства перерастает в цель собирательной всемирной духовности.

Следствием сотериологического восприятия государства стала сакрализация власти, отмечает А.Л. Юрганов, ибо особенность власти русского царя видится в осуществлении «синергийности» [25, с. 275]. Власть православного царя воспринималась как посредническая между Богом и человеком, он олицетворял собой коллективную ответственность перед Богом, ответственность за всех.

Оценка роли монарха, президента, первого лица государства как защитника народа, как формы симбиотического единства со страной и ее судьбой не раз проявлялась в истории. В долгий период монгольского данничества на Руси центральная власть была посредником между ордой и народом. И хотя тяготы поборов были велики, зло осознавалось как внешнее, вненациональное, поскольку княжеская власть была ограждением от прямого контакта с завоевателями. Власть была заодно с народом, таким же страдательным элементом, но при этом она принимала первой нежелательные последствия от сношений с ханской верхушкой. Такова же позднее была и роль «служилого дворянства» в Российской империи, представители которого принимали на себя тяготы военной обороны государства и народа в битвах с завоевателями.

Особая значимость сильной государственной власти и, в частности, фигуры первого лица управленческой иерархии в жизни русского государства и общества сформировали в научной литературе представление о России как о специфическом типе государственности, которая рождается, живет и процветает благодаря особой энергетике власти. Появилось специфическое

обозначение такого рода социальной жизнедеятельности – «потестарное» государство. Идея государства в российском сознании возвышается до осознания его как «моральной личности». Как отмечал К.Д. Кавелин, анализируя «тайный смысл» русской истории, «царь, по представлениям великорусского народа, стал воплощением государства... Царь есть само государство – идеальное, благотворное...» [8, с. 221].

Не понимая этического вектора и моральной значимости российской государственности, европейские исследователи, отмечает К.Д. Кавелин, подвели этот тип правления под шаблон восточной деспотии. На самом деле, такой род власти был «в России деятельным органом развития и прогресса в европейском смысле» [Там же]. Тайна несокрушимости этой власти в русской жизни в течение столетий, полагает он, состоит в том, что симбиоз сильной власти и народа составляет глубинно народный идеал. «Народ и царская власть сжились у нас, как Англия со своим парламентом: оба учреждения глубоко национальны» [8, с. 222]. И в рамках этого тесного союза, несмотря на внутренние потрясения и «внешние замешательства», все движется и изменяется по инициативе этой самой власти.

Следует отметить, что в России так же, как и в других «незападных» странах, были исторические периоды преимущественно демократического европейского типа правления, но под давлением внешнего фактора нашествий они оказывались несостоятельными, что дополнялось давлением территориального фактора «больших пространств». Праформы чисто демократического устройства были испробованы на Руси в формате «вече» и «казачьего круга». Однако вече, рожденное на Севере Руси, показывало свою жизнеспособность только до определенных масштабов пространственного расширения.

Как только территория, обнимаемая таким правлением, увеличивалась, вече оказывалось неспособным приноровиться к изменившимся условиям. Из него либо выделялись новые единицы управления, которые делались самостоятельными (Псков, Вятка), либо же оно сохранялось как верхушечная форма иерархии, а внизу устанавливались жесткие модели властвования. (Таково было управление регионом Севера как колониальной империи Новгорода.) Что касается казачьего государственного устройства, то оно удерживалось только как локально-ограниченная модель власти [4, с. 35–37]. Пространственный фактор тесно сопряжен с этноконфессиональной многоликостью интегрированных на одной территории народов – государственная проблема, также требующая своего решения.

Центральной проблемой поиска возможности сосуществования разных этносов и разных религий в своей глубинной сущности есть не что иное, как примирение разных вариаций взглядов на трансцендентное. Надо заметить, что такое комплексное существование разных религий издревле свойственно

для большинства незападных стран. В этом отношении прав В. Цымбурский, который справедливо замечает, что «духовная маркированность этих цивилизаций выражается в своего рода «гаммах» из нескольких религий, причем в пределах одной эпохи какая-то из религий – будь то конфуцианство, синтоизм, индуизм или буддизм – может исполнять в «гамме» основную, тонообразующую роль, тогда как иные религии разнообразят «гамму» дополнительными возможностями осмысления судеб космоса и человека» [21, с. 106]. Исторически сложилось так, что в итоге длительного естественного их сосуществования возникало состояние веротерпимости между разными конфессиями и комплиментарность ценностного порядка. Речь идет именно о взаимодополнении, а вовсе не о доминации, которая характерна для западной культуры. Причем эта черта присуща большинству незападных стран.

Такой исторический контекст определил разные принципы цивилизационного строительства Запада и Востока в целом, что отражается и в архитектуре сакральности этих регионов. Как замечает Цымбурский, «цивилизации евро-азиатского Востока не склонны предоставлять свою сакральную вертикаль в монополию единственному видению Трансцендентного» [Там же]. Во внутренней жизни Китая, например, религии не соперничали друг с другом, уживаясь вполне мирно. «На службе чиновник был конфуцианцем (иначе он не был бы чиновником), но, придя домой и сняв парадный халат, мог стать буддистом, а заболев, пойти к знахарю-даосу и стать даосом» [12, с. 429].

В результате современная переориентация России на евразийскую цивилизационную платформу предполагает вполне комплиментарное сосуществование «высоко чтимых картин Трансцендентного» [21, с. 111], которые не только не соперничают между собой, но гармонично сосуществуют. При этом новая форма – «государство-цивилизация», объединяя несколько этнически разнородных пространств, создает необходимость их консолидации.

Проблема доминирования одной духовно-религиозной составляющей – это идея, привнесенная в российскую и иные восточные культуры из средневекового Запада, который был единственной цивилизацией, отмеченной Крестовыми походами мессианско-религиозного толка. В этом отношении показательны современные исследования, посвященные анализу исторических различий распространения влияния крупных цивилизаций, или «высоких культур», на другие страны и народы. В них выделяются разные варианты «цивилизаторской миссии». Одной из самых ранних называется китайская, которая коренным образом отличается от всех позднейших евроамериканских, т.е. западных версий. Хотя Китай долгое время доминировал в азиатской сфере влияния, китайская империя не проводила крестовых походов, не отправляла миссионеров и не поддерживала насильственную китаизацию. Китайцы были глубоко убеждены в собственном культурном

превосходстве и естественном позитивном влиянии их миропонимания на окружавшие их народы. Поэтому их цивилизаторская миссия была «исключительно неколониалистской и полностью оторванной от какого бы то ни было религиозного диктата» [29, с. 11–12]. О «цивилизаторской миссии» России в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока говорилось выше.

Таким образом, реальной опасностью появления негативного сценария развития страны остаются отклонения от собственной, «имманентной государственной матрицы» [23, с. 197] (термин О. Шпенглера), которая принимает вид исторических «псевдоморфоз». Испытывая сильное и травматическое влияние Запада, Россия неоднократно в своей истории пыталась выстроить свое существование, перенимая идеи и ценности, которые ей чужды. Последствия такого заимствования приводили к состоянию, которое О. Шпенглер и называл «псевдоморфозом».

Историческими псевдоморфозами он именует «случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимется из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни» [24, с. 193]. По О. Шпенглеру, трагичность всякого псевдоморфоза состоит в том, что заимствование чужой культуры для реципиента превращается в полную противоположность искомым позитивным свойствам, приводит к «выворачиванию наизнанку» таковых «при полном бессилии самому освободиться» от полученных негативных завоеваний [23, с. 380, 379].

В 90-х гг. XX в. Россия погрузилась в очередной подобный исторический псевдоморфоз. Но начиная с нулевых годов нового столетия она нашла в себе силы для возрождения, и начался процесс его преодоления. Ныне восстанавливается ее аутентичная цивилизационная сущность, и, соответственно, российская цивилизация находится в поиске новой формы, чтобы выразить исконную идею «имманентной государственности», которая на данном этапе отображается формулой «государства-цивилизации».

Заключение

Происходящие на наших глазах события по трансформации мирового порядка – это не только и не столько борьба между сверхдержавами за гегемонию. Это борьба двух мировосприятий, двух фундаментальных путей грядущего развития. Возрождающиеся национальные идентичности сегодня принимают вид «государств-цивилизаций». Центральной темой переосмысления идеи государства становятся расхождения в их интерпретации в западной и незападной мысли. Немаловажное значение здесь имеет

осознание функции сакрального, которое, как утверждают исследователи, занимает центральное место в структуре социума.

На макрополитическом уровне трансцендентный смысл идеи сакрального выражается в идее порядка, гармонии. Если Восток удержал идею сакрального как упорядочивания в идее государства, то Запад претворил ее в форме сакрализации рынка как центральной фигуры общественного сознания и социальной структуры, опоры всей социальной конфигурации. В то же время негативно-сакральное, демоническое, находит выражение в расцвете сатанинских обрядов. Это говорит о том, что сакральные ориентации сами по себе для человека неуничтожимы. В политическом плане позитивно-сакральное трансформируется в идеи справедливости и истины, негативно-сакральное – в демонизацию любого противостоящего субъекта.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Valeria I. Spiridonova – Sc.D. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

vspirid@yandex.ru

Список литературы

1. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. Бродель Ф.Т. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 680 с.
3. Васильев Л.С. Традиционный Восток и марксистский социализм. Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.: Наука: Восточная литература, 1993. С. 143–176.
4. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. 331 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Зомбарт В. Торгаши и герои // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. СПб.: Вл. Даль, 2005. С. 8–104.
7. Коротаев А.Л. Горы и демократия // Восток. 1995. № 3. С. 18–26.
8. Любимов Ю.В. Образ власти и ее сакрализация // Сакральное на традиционном Востоке. М.: ИВ РАН, 2017. С. 554–574.
9. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Вопросы философии / Институт философии АН СССР. М.: Правда, 1989. С. 171–255.
10. Попова И.Ф. Сакрализация власти в традиционном Китае // Сакрализация власти в истории цивилизаций / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, Л.А. Андреева, А.В. Коротаев. М.: ПМЛ Ин-та Африки РАН, 2005. С. 364–386.
11. Рябинин А.Л. Восток, Запад и всемирная история // Восточный курьер. Oriental Courier. 2021. № 3–4. С. 57–68.

12. Рябинин А.Л. Сакральная, религиозная и светская власть на Востоке (к постановке проблемы) // Сакральное на традиционном Востоке. М.: ИВ РАН, 2017. С. 426–457.
13. Соловьев В.С. Значение государства // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 549–561.
14. Тойнби А.Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2009. 863 с.
15. Тойнби А.Дж. Христианство и цивилизация // Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 212–235.
16. Тойнби А.Дж. Столкновения цивилизаций // Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 201–211.
17. Федотов Г.П. Судьба империй // Судьба и грехи России: избр. ст. / Г.П. Федотов. М.: Даръ; Казань: ГУП ПИК: Идеал-Пресс, 2005. 492 с.
18. Хайек Ф.А. Общество свободных. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 310 с.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 571 с.
20. Хупения Н.Р. О ценностных аспектах центр-периферийных отношений // Философия и общество. 2018. № 4 (89). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1900137/> (дата обращения: 27.06.2024).
21. Цымбурский В.Л. Цивилизация – кто будет ей фоном? // Поэтика геополитики: Статьи 1991–2000 гг. 2013. Т. 1. С. 100–113.
22. Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. 207с.
23. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 663 с.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Айрис-Пресс, 2004. 624 с.
25. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
26. Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // Knowledge. Economics & Finance. Oct. 21. 2009. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (access date: 21.06.2024).
27. Legendre P. Sur la question dogmatique en Occident. Aspects theoriques. Paris: Fayard, 1999 368 p.
28. Musso P. Pour une critique du “capitalisme informationnel” // Nouvelles Fondations. № 2. Pp. 110–122. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm> (access date: 24.06.2024).
29. Osterhammel J. Europe, the “West” and the Civilizing Mission. London: The German Historical Institute, 2006. 55 p.
30. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. № 14. Pp. 225–242.
31. Shils E. Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi, Routledge & Kegan Paul, 1961. Pp. 117–130.
32. Centre and Periphery by Edward Shils // URL: <https://readingtheperiphery.org/shils/> (access date: 11.06.2024).
33. Weiwei Zhang. The China Wave. Rise of a Civilizational State. Horizon Media Co. Ltd., 2011. 190 p.

References

1. Aristotel'. Politika. Sochineniya: v 4 t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; obshch. red. A.I. Dovatura. M.: Mysl', 1983. S. 375–644.

2. Brodel' F.T. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. M.: Progress, 1992. T. 3. 680 s.
3. Vasil'yev L.S. Traditsionny Vostok i marksistskiy sotsializm. Fenomen vostochnogo despotizma. Struktura upravleniya i vlasti. M.: Nauka: Vostochnaya literatura, 1993. S. 143–176.
4. Vernadskiy G.V. Nachertaniye russkoy istorii. M.: Ayris-Press. 2004. 331 s.
5. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Yevropa. M.: Kniga, 1991. 574 s.
6. Zombart V. Torgashi i geroi // *Sobr. soch.*: v 3 t. T. 2. SPb.: Vl. Dal', 2005. S. 8–104.
7. Korotayev A.L. Gory i demokratiya // *Vostok*. 1995. № 3. S. 18–26.
8. Lyubimov Yu.V. Obraz vlasti i yeye sakralizatsiya // *Sakral'noye na traditsionnom Vostoke*. M.: IV RAN, 2017. S. 554–574.
9. Kavelin K.D. Mysli i zametki o russkoy istorii // *Voprosy filosofii / Institut filosofii AN SSSR*. M.: Pravda, 1989. S. 171–255.
10. Popova I.F. Sakralizatsiya vlasti v traditsionnom Kitaye // *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy / Otv. red. D.M. Bondarenko, L.A. Andreyeva, A.V. Korotayev*. M.: PML In-ta Afriki RAN, 2005. S. 364–386.
11. Ryabinin A.L. Vostok, Zapad i vseмирnaya istoriya // *Vostochnyy kur'yer. Oriental Courier*. 2021. № 3–4. S. 57–68.
12. Ryabinin A.L. Sakral'naya, religioznaya i svetskaya vlast' na Vostoke (k postanovke problemy) // *Sakral'noye na traditsionnom Vostoke*. M.: IV RAN, 2017. S. 426–457.
13. Solov'yev V.S. Znachenie gosudarstva // *Soch.*: v 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1989. S. 549–561.
14. Toynbi A. Dzh. Issledovaniye istorii. Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve. M.: AST, 2009. 863 s.
15. Toynbi A. Dzh. Khristianstvo i tsivilizatsiya // *Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad*. M.: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2011. S. 212–235.
16. Toynbi A. Dzh. Stolknoveniya tsivilizatsiy // *Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad*. M.: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2011. S. 201–211.
17. Fedotov G.P. Sud'ba imperiy // *Sud'ba i grekhi Rossii: izbr. st. / G.P. Fedotov*. M.: Dar; Kazan': GUP PIK: Ideal-Press, 2005. 492 s.
18. Khayyek F.A. Obshchestvo svobodnykh. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 310 S.
19. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M.: AST. 2006. 571 s.
20. Khupeniya N.R. O tsnostnykh aspektakh tsntr-periferiynykh otoshneniy // *Filosofiya i obshchestvo*. 2018. № 4 (89) URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1900137> (access date: 27.06.2024).
21. Tsymburskiy V.L. Tsivilizatsiya – kto budet yey fonom? // *Poetika geopolitiki: Stat'i 1991–2000 gg.* 2013. T. 1. S. 100–113.
22. Chicherin B.N. Neskol'ko sovremennykh voprosov. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2002. 207 s.
23. Shpengler O. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 1. M.: Mysl', 1993. 663 s.
24. Shpengler O. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. M.: Ayris- Press, 2004. 624 s.
25. Yurganov A.L. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury. M.: MIROS, 1998. 448 s.
26. Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // *Knowledge. Economics & Finance*. Oct. 21. 2009. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (access date: 21.06.2024).
27. Legendre R. Sur la question dogmatique en Occident. Aspects theoriques. Paris: Fayard. 368 p.

28. Musso P. Pour une critique du “capitalisme informationnel” // Nouvelles Fondations. № 2. Pp. 110–122. Retrieved from URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm> (access date: 24.06.2024).
29. Osterhammel J. Europe, the “West” and the Civilizing Mission. London: The German Historical Institute, 2006. 55 p.
30. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. № 14. Pp. 225–242.
31. Shils E. Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi, Routledge & Kegan Paul, 1961. Pp. 117–30.
32. Centre and Periphery by Edward Shils // URL: <https://readingtheperiphery.org/shils/> (access date: 11.06.24).
33. Weiwei Zhang. The China Wave. Rise of a Civilizational State. Horizon Media Co. Ltd., 2011. 190 p.

А.В. Никандров

**Будущее цивилизации в российской политической науке
и американской идеологии и пропаганде:
А.С. Панарин против Ф. Фукуямы и С. Хантингтона**

Aleksey V. Nikandrov

**The future of civilization in Russian political science and
American ideology and propaganda: Alexander Panarin vs
Francis Fukuyama and Samuel Huntington**

Основной идеей статьи является противопоставление подходов к исследованию общих тенденций мирового развития в трудах российского ученого и политического мыслителя А.С. Панарина и западных идеологов и пропагандистов С. Хантингтона и Ф. Фукуямы. Это – не просто противоположность подходов, но и конфликт жизненных установок: любовь к науке и преданность ее идеалам А.С. Панарина контрастирует с ангажированностью двух наиболее влиятельных западных идеологов. А.С. Панарин, С. Хантингтон и Ф. Фукуяма являются авторами наиболее известных и влиятельных концептов геополитики, идеологии и риторики XXI в. Однако если концепт Панарина «стратегическая нестабильность в XXI в.» является научным понятием, то концепты «конец истории» и «столкновение цивилизаций» являются идеологемами, а, точнее сказать, пропагандемами, «ударными концептами». Особое внимание в статье уделяется С. Хантингтону как социально-политическому проектировщику. Автор раскрывает его роль как стратегического планировщика социальной динамики западного общества, которую он занял задолго до выхода в свет его работы о столкновении цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизация, идеология, А. Панарин, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, «конец истории», «столкновение цивилизаций», «стратегическая нестабильность».

The main idea of the article is the analysis of opposite approaches to the study of general trends in global development in the works of the Russian philosopher and political thinker Alexander Panarin, on the one hand, and Western ideologists and propagandists Samuel Huntington and Francis Fukuyama, on the other. The author states not only the opposition of approaches, but rather the conflict of life attitudes. Affection for science and devotion to its ideals A. Panarin contradicts the prejudgment of the two most influen-

tial Western ideologists of our time. All of them, Alexander Panarin, Samuel Huntington and Francis Fukuyama are the authors of the most famous and influential concepts of geopolitics, ideology and rhetoric of the 21st century. However, if A. Panarin's concept of "strategic instability in the 21st century" is a scientific concept, then the concepts of "end of history" and "clash of civilizations" are ideological constructs, or, more precisely, propaganda stamps or "wrecking-ball" concepts. The author of the article pays special attention to S. Huntington and his role as a social change designer, strategic planner of the social dynamics of Western society, which he occupied long before the publication of his work on the clash of civilizations.

Keywords: civilization, ideology, Alexander Panarin, Francis Fukuyama, Samuel Huntington, "end of history", "clash of civilizations", "strategic instability".

Введение

Работы Ф. Фукуямы – статья «Конец истории?» (1998) [13] и книга «Конец истории и последний человек» (1992) – открывают одну из самых интеллектуально нагруженных дискуссий по вопросам тенденций мирового развития в XXI в. Работы С. Хантингтона – статья 1993 г. «Столкновение цивилизаций?» и одноименная книга 1996 г. [16], уже без знака вопроса, продолжают ее. Наконец, книга А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI в.» (2003) [8], ставшая политическим завещанием ученого, в историософском смысле закрывает некоторые фундаментальные вопросы, поднятые первыми двумя авторами и выставляет диагноз сложившемуся положению в мировой политике. Фукуяма и Хантингтон будут привлечены только как идеологи-пропагандисты, в отвлечении от их практико-политической деятельности (за исключением некоторых аспектов деятельности Хантингтона). Все три произведения необходимо взять в их единстве: хотя работы Фукуямы и Хантингтона часто именно так и рассматривают, книга Панарина при этом не берется в расчет, – это упущение следует преодолеть.

Прогноз Фукуямы – благоприятный, Хантингтона и Панарина – неблагоприятный. Все три работы вместе в определенном историософском ключе суммируют историческую сущность всего XX в. – века противостояния двух метаисторических универсальных проектов, которые справедливо могут быть названы по именам своих глашатаев и пророков: В.И. Ленина и В. Вильсона, сформулировавших два мессианских «завета», – ленинизм (пролетарский интернационализм) и вильсонизм (либеральный интернационализм). Фукуяма, Хантингтон и Панарин поводят итоги этого противостояния, и, если взять квинтэссенцию всех трех работ, то получается так, что оба мегапроекта потерпели крах, – так можно судить на основании не только трех работ, но и всех событийных линий политики и политической мысли, как они сложились и к чему привели к настоящему моменту. Будущее светлым не стало – наоборот, оно все темнее и темнее. Вместо мира Ленина (коммунизм) или мира Вильсона, неумело нарисованного Фукуямой, установился «мир Хантингтона», или мир глобальной нестабильности, отсутствия порядка – мир не только неуютный, но и неразумный.

Суть различий в подходах и по существу работ трех авторов состоит в том, что если выводы из анализа динамики мирового развития, сделанные Панариным, были фундированы и произведены с помощью научных методов, то «выводы» Хантингтона и в особенности Фукуямы не были, собственно, выводами, но скорее специальными установками западных, прежде всего американских, геополитических стратегов, которые эти два идеолога *par excellence*, а вовсе не ученых, облекли в форму собраний «пророчеств». Нет поэтому ничего удивительного в том, что творения Хантингтона – мало кем, а Фукуямы – никем в современной политической науке не принимаются как *научные* произведения, но подвергаются критике как произведения сугубо идеологические и пропагандистские. Об этом свидетельствует давно уже констатированный упадок интереса к «трактату» Фукуямы о конце истории, упоминание которого редко обходится без улыбки (Фукуяма позже часто будет вспоминать о своем же произведении с иронией). Та же судьба ждет и произведение Хантингтона. Если ценность этих произведений определяется исключительно их идеологическим и пропагандистским статусом и направленностью, то капитальная работа А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI в.», будучи подлинным образцом научно-политического творчества и результатом применения научного подхода и методов анализа, служит и будет служить настольной книгой для любого серьезного ученого, занимающегося проблемами геополитики, мировой динамики и т.д.

Для более детального установления и взвешенного анализа идеологической направленности работы Хантингтона о столкновении цивилизаций, которая все еще сохраняет свое влияние, будет произведено ее сравнение с небезызвестной ранее, но ныне почти забытой статьей об американской демократии в сборнике «Кризис демократии» 1975 г. [20], написанной, в числе иных, по специальному заказу Трехсторонней комиссии и имевшей целью концептуально обосновать демонтаж западной демократии и наметить методы по осуществлению этой цели, заданной мировыми стратегами. Если провести сравнительный анализ произведений 1975 и 1993/1996 гг., можно прийти к интересным и важным выводам относительно того, как на Западе проводятся идеологические наступления, как заказы стоящих в тени стратегов выдаются за результаты анализа реальных процессов, как создается и как работает на Западе идеология, если ее, конечно, можно так назвать.

А.С. Панарин о стратегической нестабильности XXI века: причины и прогноз

«Стратегическая нестабильность в XXI веке» – последняя работа А.С. Панарина. Она, по признанию коллег, стала политическим завещанием ученого. Книга посвящена раскрытию логики глобальной политической динамики

мира и разработке методов сопротивления «однополярной диктатуре». «Стратегическая нестабильность, по всей видимости, уже стала судьбой XXI в. – вопреки всем ожиданиям “стабильного развития” [8, с. 582], – таков вердикт Панарина. В работе представляется панорамная политологическая концепция, связывающая основные темы и мотивы научного творчества философа и предлагающая ряд решений ключевых проблем современности. В наши дни, когда «стратегическая нестабильность» стала общим местом геополитического дискурса и когда кажется, что она не кончится и в XXII в. и будет длиться вечно, российские ученые, политики и идеологи вновь и вновь поражаются, насколько точно сделано и как строго обосновано панаринское предсказание, – и насколько важно и полезно перечитывать его книгу. Надо сказать, что сам в высшей степени удачный панаринский термин стал настолько распространенным, что превратился в необходимый аналитический инструмент для исследования этой самой стратегической нестабильности.

Отправной вопрос, поставленный Панариным в самом начале книги, звучит так: «Но кто же будет проектировать стратегическую нестабильность?» [8, с. 577]. Кто и зачем – на эти вопросы и отвечает мыслитель. Он ссылается на собственный прогноз 1998 г., суть которого – в том, что «если победившая в холодной войне сверхдержава, не довольствуясь этой победой, продолжает свое наступление на все независимые государства во имя осуществления гегемонистской программы полного контроля над миром, то это означает, что она ведет мировую войну» [8, с. 582]. В 2003 г. сомнений именно в таком развитии событий не было, про наши дни не то чтобы доказывать, но даже и говорить об этом было бы странно – все совершенно ясно. Далее мыслитель прочерчивает, собственно говоря, *будущий* – он и для нашего времени пока что будущий – *итог* американской великодержавной стратегии: фиаско. Вот что говорит Панарин: «Мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной; кроме того, такие характеристики, как полицентризм и многообразие, являются необходимой предпосылкой выживания человечества. Тот, кто посягает на это, тем самым объявляет миру войну не на жизнь, а на смерть» [8, с. 584].

Тогда, в 2003 г., Панарин ставил два вопроса: «Первый: почему США решились на головокружительную мировую авантюру? Второй: почему мир пока что по-настоящему не сопротивляется?». – Ответ на второй не столь уже актуален, как на первый, ибо мир в лице России уже сопротивляется. Однако ответ на первый вопрос, который делает Панарин, несколько подзабыт. А он очень важен, и объяснение (точнее, идеологическая часть объяснения) Панарина более чем актуально в наше время. Да, причина продолжения авантюры залегает в области идеологии, как бы это ни странно звучало, когда мы говорим об Америке, которой, по общим представлениям, в большей степени присущ прагматизм, реализм, чем «идеологизм».

Однако «победа» в холодной войне была *par excellence* идеологической победой, – во всяком случае, она представлялась именно так (при этом автоматически вспоминается Фукуяма с его опусом). Но идеология, пишет Панарин, имеет не только наступательную, оправдательную и воодушевляющую своего «обладателя» силу в его руках: идеология всегда предполагает определенные «обязательства» по отношению к «своим» императивам. Идеология, настоящая идеология, – это не только тексты и лозунги, – это сила до известной степени самостоятельная: она предполагает и вменяет своим «держателям» некую, по выражению Панарина, «идеологическую одержимость». А одержимость в любом случае означает несамостоятельность, а также означает действия по принуждению со стороны той силы, которая «одерживает» своего «держателя».

«Воодушевляющая сила идеологий, – пишет Панарин, – неразрывно связана с их манихейской, бинарной структурой: они делят мир на два полюса – добра и зла, что обязывает сторону, воплощающую добро, к бескомпромиссному натиску и непрерывному наступлению. Здесь остановиться – значит отлучить самого себя от собственной идеологии... Связав свою судьбу с идеологией, вы становитесь на эскалатор, который несет все стремительней – к состоянию, в котором, как ожидается, зло будет искоренено, исчезнет с лица земли, из человеческой истории окончательно» [8, с. 592]. Но здесь возникает вопрос: поскольку идеологией Америки является либерализм, то как может эта респектабельная и спокойная по виду идеология, в первом и даже последующих приближениях чуждая всяческому мессианизму, иметь такую силу принуждения, что становится способной приобрести манихейско-апокалиптические черты и стать знаменем «праведного» похода во имя целей и ценностей, которые по определению не могут предполагать никакого фанатизма, «джихадизма». Однако, как выясняется, может: если в 2003 г. Панарин писал о том, что «победившее либеральное общество ведет мир в направлении, прямо противоположном тому, которое является нормативным для либеральной теории» [8, с. 838], то в 2024 г. ясно, что мир на этом скользком пути зашел уже слишком далеко.

Панарин говорит: «Сегодня самым идеологическим народом на земле, несомненно, являются американцы. Полнота их идентификации с новым великим учением объясняется тем, что по меркам этого учения именно они являются “избранным народом”, именно им вручена миссия и обещано конечное торжество. Поэтому и решения, которые принимает Америка, – это апокалипсические решения, отмеченные близостью окончательной развязки исторической драмы человечества. Мировая война за окончательное торжество либерального идеала во всем мире для США – то же самое, что мировая революция для большевиков первого призыва» [8, с. 596–597]. – Здесь мыслитель применяет свой излюбленный термин «либеральный джихад» [8, с. 597].

В наши дни именно эта идейная сила остается в фокусе американской политики, – при том, что собственно «американский гегемонизм» несколько приглушен: сейчас услышать об американской гегемонии удастся не часто. Гегемонизм и концепт «однополярного мира» спрятались за широкой спиной «наступательного либерализма», который при этом усилил свой натиск, – отнюдь не только идейный. Именно эта идеология стала решающим фактором объединения всего западного мира вокруг США – «личный» гегемонизм Америки, стремительно теряющий свою силу и актуальность, уже не может обладать такой скрепляющей силой. (В политической науке и идеологии Запада в последнее время стали утверждаться концепты вроде «сложной гегемонии» (“complex hegemony”) [11], что свидетельствует о том, что об американской гегемонии в собственном смысле речь уже не идет). Мир больше не однополярен – но «однополярен» новый гротескный и макабрический американский неолиберализм, полностью утративший былой универсалистский пафос. «Однополярная диктатура» заменяется глобальной «либеральной диктатурой» США – так, по словам Панарина, «американизм превращается из либеральной идеологии в идеологию глобальной диктатуры “приспособленного” меньшинства над “неприспособленным” мировым большинством» [8, с. 866].

Интересно, что наиболее ярким выражением этого «наступательного либерализма», как показывает Панарин и как особенно четко видно в наше время, стало возрождение и усиление социал-дарвинизма, – установки, которая в свое время (конец XIX – почти вся первая половина XX в.) прямо, к слову сказать, не контрастировала с классическим либерализмом, успевшим за это время трансформироваться в неолиберализм. Теперь это, по определению Панарина, – «американизированный либерализм, обретший черты социал-дарвинизма» [Там же].

Уже к концу XX в. эта «новая идеология отбросила “экономические” эвфемизмы и ввела в действие социал-дарвинистский арсенал прямо по назначению – т.е. применительно к населению» [8, с. 618], – и первому удару подверглась постсоветская Россия. Но, как знаем мы и как, вполне возможно, предполагал Панарин, дело Россией не могло ограничиться: в наши дни геополитический социал-дарвинизм применяется США – лидером западного мира – по отношению к остальному... западному миру, т.е. к своим «ведомым». Методы США, использованные после «победы» в холодной войне по отношению к России, теперь всюду используются по отношению к тем, кто в свое время вместе с Соединенными Штатами входил в число «победителей». И все это осуществляется в логике «либерального джихада» Штатов – вопрос только в том, что только Америка назначает, кто сегодня «неверный», или, в другой терминологии, «варвар»: совершенно не исключено, и даже наоборот, дело идет к тому, что варварами будут назначены именно

те, кто немало веков назад начинал свое историческое бытие именно с этого (например, Германия, Франция, а в перспективе – и материнская Англия: мессианский либерализм не признает родства).

Стоит лишний раз подчеркивать, что американский идеологический «джихадизм» вселял ненависть у своих адептов к советскому коммунизму – альтернативной и историософски более логичной, значимой и обоснованной мессианской концепции. Это самоочевидно, однако кратко стоит остановиться на одном важном панаринском наблюдении и мысленно применить вывод ученого к реалиям наших дней. Вот что он говорит: «Все неистовства современной либеральной пропаганды против “советского империализма” и “русского мессианизма”, вся нынешняя профилактическая работа новых хозяев мира по искоренению самих корней такого поведения России в мире несут на себе печать этой травмы – оскорбленного самолюбия наглых, которым “положено”» [8, с. 836]. Что, собственно, изменилось? Отсутствие слова «советский» в содержании западной пропаганды вовсе не меняет ни направленности, ни интенсивности западного неистовства, сейчас доходящего до пароксизма.

Совсем не трудно заключить, что труд А.С. Панарина – это произведение настоящего ученого, который ищет причины и находит их, строит прогнозы, обосновывает выводы, – не менее легко увидеть, что его прогнозы сбываются, а основной вердикт удивительно точен и не может быть оспорен. Тут можно вспомнить и о том, как Панарин определял то, какие цели ставят и как их достигают «либеральные конструкторы нового мира» (подробнее об этом см.: [6]). Первая цель, поставленная «новым великим учением» и его адептами, – это десоциализация и деколлективизация личности. Личность атомизируется, общество же рассыпается, превращается в безликий конгломерат индивидов, т.е., в обратном переводе, атомов. Второй объект стирания – это народ, который как политическое целое не вписывается в идею и практику неолиберализма. Народ неотделим от своей истории, поэтому третья цель – история и ее смысл, «деисторизация» уже (или в потенци) дезинтегрированного народа. Фукуяма не зря говорил о конце *истории* – и одновременно о либеральной демократии. Последний объект атаки – это государство, на которое направляется ненависть неолиберальных «глобализаторов», «неистовая пропаганда глобалистов против национального государства»: «“Глобалисты” всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство – именно за то, что оно мешает их глобальному хищничеству» [7, с. 9]. При этом демократические государства – те самые «демократии», которые, по Вильсону, не воюют друг с другом, – под прицелом особого внимания, особой напряженности: об этом будет сказано дальше, в связи с работой Хантингтона 1975 г.

Ликвидировав личность, общество, народ, историю, мораль, истину и культуру, – в итоге имеем уничтожение государства, что и требовалось американским «мегастратегам». Цель проста: все вышеперечисленное – личность, общество, культуру и пр. – нужно сначала превратить в товары. А купить или продать товар на «глобальном» рынке (и, разумеется, за доллары) – это совсем легкое дело. Что из этого реализовалось, а что реализуется и близко к полной реализации – все это нам показывают современные мировые события.

Итак, А.С. Панарин предельно четко и развернуто показал значение идеологии либерализма в американской глобальной экспансии. Все современные события жизни и мысли укладываются в логику панаринской концепции. Но все это заставляет нас вернуться в конец XX в., открыть «независимые» произведения Фукуямы и Хантингтона, – и взглянуть на них с точки зрения Панарина, его подхода, изложенного в «Стратегической нестабильности», – тем более что сам Александр Сергеевич в ней Фукуяме внимания не уделяет вовсе, а Хантингтону – мало, и так эти формально мыслители и идеологи, а не деле – пропагандисты – остаются в тени некоего молчания, с учетом вышеизложенного, очень многозначительного.

Ф. Фукуяма и «конец истории»

Пропагандистское произведение «Конец истории», претендующее на историософский трактат, сначала статья (1989), а затем и книга (1992), прославили американского политолога Фрэнсиса Фукуяму сверх меры. После выхода статьи и книги «концепция» конца истории стала на некоторое время одной из самых дебатированных, ею была вызвана целая волна критики. Как уже сказано, в наши дни творение Фукуямы подзабыто и интересно в основном в качестве интеллектуального курьеза давно прошедших дней. Собственно, «концепция» довольно-таки простая и представляет собой декларативное заявление о победе либерализма в связи с концом холодной войны.

Статья небольшая, но, в принципе, большую часть ее содержания можно отбросить как несущественную, оставив пару-тройку абзацев: натужные усилия Фукуямы по подведению философского «обоснования» своего «вывода» и его ссылки на Гегеля и Кожева ничего, кроме сочувственной улыбки, не вызывают. Никакого смысла принимать это всерьез нет. Единственно, что может вызвать резкие возражения – странная интерпретация учения Маркса: Фукуяма не хочет вспоминать, в каком смысле тот говорил о «конце истории», и что говорил он о конце не истории, а предыстории, тогда как настоящая история человечества начинается с окончанием классовой борьбы, т. е. с уничтожением капитализма, с раскрытием подлинной сущности человека. («Нельзя не отметить, что Ф. Фукуяма не совсем корректен по отношению к К. Марксу,

который прямо указывал, что именно с коммунизма начинается подлинная история человечества, а до него общество переживает всего лишь свою предысторию», – справедливо утверждает В.П. Горюнов [2, с. 10]).

Понятно, что не то чтобы говорить, но даже и помыслить о конце капитализма для Фукуямы невыносимо, ведь он ведет речь как раз о его торжестве (впрочем, спустя некоторое время и Фукуяма будет рассуждать о конце постчеловеческой истории и т.п.). По словам Э.Я. Баталова, фукуямовская работа «не имела ничего общего с научным исследованием и, по сути дела, представляла собой ловкую пропагандистскую подделку» [1, с. 518]. Она, согласно выводу ученого, «оказывается на поверку не философской абстракцией в духе Гегеля, а всего лишь специфически выраженной *политической* конструкцией, призванной решить определенные идеологические и политические задачи» [1, с. 552]. Впрочем, Фукуяма мог бы применить учение Гегеля к неолиберализму, который при историософской решительности американского идеолога нетрудно представить как «финансовое гегельянство», в котором на место Абсолютного духа поставлен капитал.

Соль опуса Фукуямы – только в самом лозунге, в «возвещении» о победе либерализма как конце истории. Идеолог «констатирует», что после длительной борьбы с конкурирующими идеологиями либерализм западного образца, т.е. классический либерализм XIX в., выродившийся к концу XX в. в неолиберализм, одержал неоспоримую победу, равнозначную триумфу самого Запада: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [13, с. 134–135]. Фукуяма далее пытается развернуть эту мысль, подвести под это «озарение» некий историко-политический базис, но, повторим, его философские потуги могут вызвать только отстраненную улыбку. Единственно, что в его рассуждениях действительно интересно, но крайне посредственно развернуто – это тезис о роли идей и идеологий в истории. Несколько преувеличивая и перефразируя, но не удаляясь далеко от текста Фукуямы, можно сказать, что базисом общества является как раз идеология: «Сознание – причина, а не следствие, и оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас путаницы служит идеология» [13, с. 137]. Идеи решают все – сама по себе идея, прямо скажем, не новая...

Концепт «конец истории» вошел в мировой политический дискурс. Поначалу опус Фукуямы был принят с восторгом, если даже не с экстазом: многим пришелся по душе его простодушный «либеральный оптимизм»: по словам М.С. Ельчанинова, «в атмосфере посткоммунистической эйфории либерально-утопические идеи Фукуямы вызвали на капиталистическом

Западе взрыв безмерного восторга. Отнюдь не случайно этот претенциозный текст стал сенсацией и вызвал широчайшие отклики во всем мире. Статья сопровождалась непрерывным восхвалением экономического и политического либерализма» [4, с. 75].

Конечно, у некоторых читателей произведение Фукуямы вызывало иронию уже тогда, особенно у интеллектуалов Западной Европы, которые на тот момент еще не ушли в закат: так, Э. Тодд пишет, что «гипотеза» конца истории «немало позабавила парижских интеллектуалов, пораженных упрощенным, но легкоусвояемым способом, каким Фукуяма использует Гегеля... Выдвинутая в момент крушения советской системы, такая модель человеческой истории была воспринята во Франции как типичный пример американской наивности и оптимизма. Того, кто помнит подлинного Гегеля, приверженного *Пруссии*, благоговевшего перед лютеранским авторитаризмом и обожествлявшего государство, представление его в роли демократа-индивидуалиста не могло не позабавить. Но именно такого приглашенного в диснеевских студиях Гегеля преподносит нам Фукуяма» [12, с. 17].

Вскоре первоначальный восторг быстро сошел на нет, а критика стала только нарастать. Однако критика и затем насмешки и сарказм скорее продвинули идею и ее автора, чем обесценили, и даже по сей день «каждый раз, когда в мире происходит катастрофа, находятся критики, которые сдувают пыль со статьи Фукуямы и с победоносным видом заявляют о ее несостоятельности» [18, с. 36]. Фукуяму уличают, он то и дело отказывается от своей первоначальной постановки или корректирует ее, – так продолжается этот интеллектуальный балет. Многие уже и забыли о смысле фукуямовской постановки и помнят только фразу «конец истории», считая это словосочетание сутью дела, – в этом разрезе «опровергать» незадачливого Фукуяму легко и приятно. Многие – но не все: достаточно влиятельной все еще остается идея о том, что идеология либерализма и в самом деле победила и что у нее и в самом деле не осталось конкурентов. В доказательство этого тезиса говорят: что, собственно, можно всерьез противопоставить либерализму, и разве кто-либо противопоставил ему столь же убедительную систему идей, некую сверхновую идеологию (политическую теорию) – не либерализм, не консерватизм и не социализм? На это легко можно ответить, что выдумывать какую-либо новую политическую теорию взамен социализма, который единственный и может вновь бороться с либерализмом за умы и сердца, никакой необходимости нет.

По словам М.С. Ельчанинова, «сегодня ясно, что концепция Ф. Фукуямы – изоциренный идеологический продукт, оправдывающий однополярный мир, в котором безраздельно доминируют воинствующие США и их послушные сателлиты» [4, с. 75]. Специфический американоцентристский характер пропагандемы Фукуямы подчеркивает и Э.Я. Баталов [1, с. 552],

а авторы статьи «Конец истории: концепт или идеологема» справедливо полагают, что «“конец истории” – это не концепт и не термин с присущими им строго определенными значениями, а идеологема, которой свойственны эмоциональная окраска, размытое значение, определяющееся политической прагматикой, противоречивое содержание, но главное – сопротивление, оказываемое попыткам систематической рефлексии» [18, с. 38].

Спорить тут не о чем, однако, как представляется, необходимо усилить эту мысль: «конец истории» – это даже не идеологема, а пропаганда, пропагандистский лозунг, клич. Как и любая иная пропаганда, она имеет свое назначение: убедить читателей в совершенстве и непогрешимости либерализма как идеологии и как практики, сконструировать либерализм уже не в качестве идеологии (раз уж эта идеология победила, то смысла в существовании в «новом мире» идеологии попросту нет, ведь идеологии определяются только по отношению друг к другу), а в качестве нового образца, эталона для политики и экономики всех стран, – т.е. идеала. Соответственно, передовой Запад во главе с Америкой полностью вписывается в этот эталон и сам является эталоном; те же страны, которые не приближаются к новому эталону, объявляются отстающими, догоняющими и т.д., но все же признается, что когда-нибудь и они достигнут «нового» идеала и новых «стандартов».

Как пролетариат у Маркса и Энгельса в силу своей победы прекращает собственное существование в виде пролетариата, смысл которого состоял том, чтобы быть антагонистом буржуазии, так и здесь либерализм в силу своей победы над противостоящими ему идейными силами прекращает свое бытие как идеология, становясь единственной властвующей системой экономической и политической мысли и жизни, единственной осмысленной системой идей. Борьба идеологий заканчивается – теряют свою силу и смысл сами идеологии: «...Если победила одна идеология, – пишет В.Н. Расторгуев, – т.е. один проект светлого будущего для всего человечества, то и морока с борьбой идеологий, т.е. конкуренция проектов, стала совершенно ненужной» [10, с. 219]. – С другой стороны, проникательный Э. Тодд, размышляя о «конце истории» Фукуямы, заметил, что «если демократия восторжествует повсюду, то мы в конечном счете придем к парадоксу: Соединенные Штаты как военная держава станут ненужными миру и должны будут смириться с ролью лишь одной из демократий, такой же, как и все прочие» [12, с. 19–20]. Понятно, что на деле для США благостное состояние, описанное Фукуямой, совершенно неприемлемо, – и здесь из мира Фукуямы с необходимостью обнаруживается выход в мир Хантингтона, в мир по непонятным имманентным причинам сталкивающихся культур и религий, т.е. цивилизаций.

С. Хантингтон и его конструкция мирового хаоса

Хантингтон с его статьей 1993 г. «Столкновение цивилизаций?» в “Foreign Affairs” считается и в некотором смысле является оппонентом Фукуямы, однако на деле он пытается «обосновать» ту же идею о гегемонии Запада и США, но несколько по-другому. Эпоха идеологий и идеологического противоборства, по Хантингтону (как и по Фукуяме), подошла к концу – но на смену приходит не всеобщее торжество либеральной демократии, а глобальное противоборство цивилизаций. Хантингтон – друг, единомышленник и соратник Бжезинского еще по «Кризису демократии» 1975 г., не может представить историю без какого-нибудь столкновения, без борьбы, но вот формы этой борьбы меняются, и он описывает – точнее, в прямом смысле слова *конструирует* – новую такую форму на неопределенное время. Суть борьбы и столкновения цивилизаций – в противоборстве Запада с цивилизациями, отличными от него. В этом и состоит отличие от фукуямовской «концепции» победы «всемирной либеральной демократии» (это выражение Хантингтона [16, с. 29]) – идеолог не считает, что либерализм победил даже и в мире «глобальных идей»: наоборот, другие цивилизации будут противостоять Западу также и как идейные центры иного типа.

Пропаганда столкновения цивилизаций выстроена и обоснована куда как более основательно и научно (или, скорее, квазинаучно), чем пропаганда конца истории. При этом надо отдать должное американскому идеологу именно как идеологу-пропагандисту: формула-лозунг «столкновение цивилизаций» вышла простой и понятной, как, собственно, и подобает лозунгу (в отличие от столь же простого по звучанию, но автоматически вызывающего вопросы и возражения девиза Фукуямы). Надо отдать и другую дань: автор «Столкновения цивилизаций» в 1970-е гг. не был жестким и непримиримым врагом СССР, как Бжезинский и иже с ним, – определенную гибкость и спокойствие сохранит он и в дальнейшем: его позиция по отношению к нашей стране не будет отличаться известной западной ненавистью и экзальтацией.

Работа Хантингтона в большей степени напоминает научный трактат, чем опус Фукуямы, однако Хантингтон *не приходит* к вердикту о столкновении цивилизаций как определяющей константе мировой динамики исходя из ее анализа, *но исходит* из этого постулата: «вывод» предшествует «анализу», а «анализ» служит просто иллюстрацией к исходному постулату. Причем рассуждения Хантингтона и представляемые им «цивилизационные расклады» подчас не очень-то и соответствуют картине «столкновения цивилизаций». И это совершенно логично, ведь мы имеем дело с псевдонаучным оформлением пропаганды, совершенной под видом разработки, по В.Н. Расторгуеву, «одной из наиболее известных, целенаправленно раскрученных и потому действительно влиятельных теорий» [10, с. 40]. Работа

Хантингтона, по мнению Расторгуева, с которым невозможно не согласиться, рассчитана «во-первых, на внедрение определенных идеологических установок в политический и геополитический дискурс, а во-вторых, на политическую индоктринацию массовой аудитории и, как следствие, на вытеснение и замену одних концептов другими в разговорном языке» [10, с. 404].

Что именно утверждает Хантингтон, как он конструирует постбиполярный мир и, соответственно, собственную новую глобальную «парадигму»? (Заметим, что Хантингтон настаивал на статусе парадигмы для своей концепции). «Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях» [16, с. 13], – утверждает он. – «После холодной войны сложился многополюсный, многоцивилизационный мир, в котором нет того всеохватного, господствующего во всех сферах раскола, что существовал в прежние годы» [16, с. 416–417]. – Зато вместо идеологического появляется другой раскол: по линиям цивилизаций, вступающих в столкновение, когда «культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей разнь» [16, с. 17]. – Тут следует привести две короткие, но очень важные ремарки известного российского политолога И.Н. Панарина: 1) «Хантингтон пытается геополитическое противоборство различных государств мира “вместить” в “прокрустово ложе” избранной им доктрины конфликта цивилизаций» [9, с. 391–392]; 2) «Заявления Хантингтона крайне спорны, так как культура еще никогда в истории не была источником конфликтов» [9, с. 386]. Как же американский идеолог конструирует свой мир противостояния культур?

Дело обстоит следующим образом: «Важнейшие страны мира принадлежат к совершенно различным цивилизациям. Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами государств из различных цивилизаций» [16, с. 25]. При этом центральный конфликт, который уже разворачивается и будет развиваться дальше, – это конфликт западной цивилизации с многочисленными незападными цивилизациями. Хотя Запад «есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией» [Там же], его могущество будет уменьшаться. В течение долгого, по Хантингтону, времени будет происходить упадок Запада – параллельно возрастанию влияния азиатских цивилизаций и, возможно, ислама. Но этот печальный исход отодвигается идеологом в далекое будущее. Пока же в целом дела для Запада, уверяет он, обстоят неплохо – во всяком случае, на XXI в. [16, с. 123].

Итак, две пропагандемы, «конец истории» и «столкновение цивилизаций», очень хорошо дополняют друг друга логически и исторически: «концепция» Хантингтона следует за «концепцией» Фукуямы, как бы накладываясь на нее и продолжая ее тогда, когда смысл первой был уже исчерпан и утрачен. После 9/11 общественно-политической мыслью овладел Хантингтон, подхвативший пропагандистскую эстафету и сочинивший «новую песню о главном», Фукуяма же стал исключительно объектом иронии и сарказма. По Фукуяме, глобальный либерализм победил (перспективно) в рамках

всего мира, а по Хантингтону, либерализм окончательно победил в рамках Запада – где, впрочем, он и был победителем, только не столь блестящим. Мир Фукуямы довольно-таки оптимистичен, чего о мире Хантингтона сказать нельзя: его картина пессимистична – прежде всего в отношении судьбы Запада – как бы, вообще-то, «победителя» в холодной войне. Э.Я. Баталов после критического анализа умопостроений Фукуямы и Хантингтона приходит к выводу о том, что «ход событий не подтвердил претензий этих концепций на признание их в качестве теоретических моделей современной философии истории и философии политики, которые можно было бы поставить в один ряд с концептуальными построениями Тойнби и Шпенглера. В состязании на этом поприще “молодые” американцы вчистую проиграли “старикам”-европейцам» [1, с. 555].

Несмотря на уверения (самоуверения?) идеолога, что закат Запада возможен только в весьма отдаленном будущем, в тексте проскальзывают опасения, что это будущее теоретически (пока только теоретически) может стать не столь уж и отдаленным: вот поклонница Хантингтона М. Тэтчер домысливает эту тенденцию. С одной стороны, она пафосно заявляет: «Нравится вам это или нет, но в “холодной войне” победу одержал Запад. И все же главным победителем являются Соединенные Штаты» (цит. по: [5, с. 37]). Однако не все так замечательно – при этом, утверждает она, «события в мире после окончания “холодной войны” развиваются скорее в соответствии с тезисом Самьюэла Хантингтона из “Столкновения цивилизаций”, где противостоящие религии и культуры борются за господство, а не с прогнозом Франсиса Фукуямы из “Конца истории”, где демократия неизбежно одерживает глобальную победу» (цит. по: [5, с. 40]). – «Тем самым, – с учетом политического реноме Тэтчер завершает ее выводы А.И. Кирсанов, – М. Тэтчер не только призывает к гонке вооружений в ядерной сфере, о чем свидетельствует призыв к США испытывать и модернизировать ядерное оружие, но и готовиться к ядерной войне, так как, по ее мнению, в столкновении цивилизаций ядерное оружие, вероятно, будет применено» [Там же]. – Стоило, в самом деле, выигрывать в холодной войне, чтобы затем готовиться к ядерной... Странную все же «победу» одержал Запад!

При чтении «Столкновения цивилизаций» складывается впечатление, что ее автору не очень-то и нравится мир, который он в большей степени конструирует, чем описывает. Он то и дело тасует колоду цивилизаций-культур-религий – стержневых государств цивилизаций – примыкающих к ним государств: этот мир как раз и напоминает карточный домик. Идеологий в новом мире нет, а государственные интересы непонятным образом сочетаются с «интересами» цивилизационными, идеологии заменены на религии и культурные идентичности: как сильно отличается этот хаотичный полицентричный мир (а полицентричность и есть хаос) от старого доброго

биполярного мира с его четкой структурой и понятными перспективами, с его стабильностью и предсказуемостью – так порядок отличается от хаоса войны всех против всех! (Вообще, идеологема «столкновение цивилизаций» мало подходит как описание какого-либо порядка в каком-либо смысле – только как метафора хаоса).

Идеолог старается стремиться к некоторой беспристрастности, спокойствию, но в его произведении хорошо чувствуется выраженная ностальгия по старому миру. Да, сложно не согласиться с ремаркой И.Н. Панарина к «Столкновению цивилизаций» о том, что *«Хантингтон восхваляет Запад, победивший в “холодной войне” СССР. Этот текст, по сути, Гимн победителя над СССР»* [9, с. 397]. Однако при всем этом у читателя Хантингтона время от времени проскальзывает мысль: а стоило ли Западу вообще побеждать в холодной войне, и была ли эта «победа» победой, а не перспективным поражением? Что, собственно, выиграл Запад? Получается, что «выигрышем» стал хаос полицентричного неуправляемого мира. Странная победа хаоса над порядком, когда, по словам В.Н. Расторгуева, холодная война «вовсе не прекратилась после крушения “великого красного проекта”, демонтажа социалистического лагеря и всей биполярной геополитической системы, а сделала недолгую передышку перед новым витком» [10, с. 41].

Холодная война заменяется другим перманентным столкновением, с куда как более непредсказуемыми результатами, глобальной – и совсем не холодной – войной всех против всех, с куда как более опасной диспозицией для Запада. Ясно, что, словами И.Н. Панарина, *«доктрина “столкновения цивилизаций” направлена на внешний мир»* [9, с. 399]. Но есть ли у Хантингтона уверенность, что война цивилизаций обойдет западный мир; есть ли у него основания полагать, что полем битвы цивилизаций не станет Запад – во вторую, а, быть может, и в первую очередь? Разве Запад не расколот?

Если до своей странной «победы» Запад и в самом деле в некоторых аспектах представлял единую трилатеральную цивилизацию (или приближался к этому состоянию), то после крушения социалистического блока единство Запада все в большей степени распадается. Хотя единство цивилизации Запада для Хантингтона по виду не представляет сомнений, его слишком напряженные размышления и излишний пафос западной монолитности заставляют усомниться, так ли един Запад. Логика биполярной системы являлась силой, которая одна только сообщала западному миру общий смысл и давала единящую силу, – и это помимо собственных оснований единства. Все это обрушилось, все это исчезло. Отсюда и скрытая тоска Хантингтона по биполярной системе.

Но вот какое дело: ведь и сам Хантингтон в свое время был одним из конструкторов биполярного мира, причем вовсе не советской (как его коллега Зб. Бжезинский), а именно западной его части. Мы вновь возвращаемся к зна-

менитому сборнику «Кризис демократии» 1975 г. «В 1975 г., – рассказывает А.И. Фурсов, – увидел свет доклад “Кризис демократии”, написанный по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положения правящего слоя – прежде всего против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке... Вывод: необходимо способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию... Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути – их демонтаж» [14, с. 240].

В «Кризисе демократии» Хантингтон отвечал за США, Крозье – за Западную Европу, Ватануки – за Японию, – т.е. речь шла о тотальном переформатировании того, что тогда называлось Западом. Общее задание было сформулировано Збигневом Бжезинским. Этот доклад, как говорит А.И. Фурсов, «на несколько десятилетий становится идеологическим обоснованием раздемократизации Запада и своеобразным руководством к действию... “Кризис демократии” подвел черту под тридцатилетием демократии и открыл новую эпоху в истории Запада – противоположную “славному тридцатилетию” (Ж. Фурастье), означавшую возвращение капитализма, буржуазного общества ядра капсистемы к состоянию рубежа XIX–XX вв., к состоянию “железной пяты” (Дж. Лондон)» [15, с. 46]. С этого момента «политика стала превращаться в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, а некоторые исследователи вообще констатируют ее смерть – ее и “публично-политического человека”» [14, с. 264]. К чему все это привело – перед нашими глазами. Теперь понятно также и то, что работы Хантингтона – это не просто панорамные картины будущего хаоса (как его статья в «Кризисе демократии», так и «Столкновение цивилизаций»), но тексты, написанные от лица и для глобальных планировщиков мировой динамики и со временем воплощенные в действительность.

Статья С. Хантингтона «Соединенные Штаты» (гл. 3), как и две другие, Мишеля Крозье «Западная Европа» (гл. 2) и Йоши Ватануки «Япония» (гл. 4), – это одновременно и программный текст, содержащий последовательность алгоритмов действий, и аналитический доклад по внутривнутриполитической проблематике, выполненный в форме вполне научного произведения, с использованием научной методологии, со ссылками на политических мыслителей: Хантингтон ссылается на работы Г. Алмонда и С. Вербы, Дж. Ролза, Д. Белла и др. Работа лишена пропагандистского содержания, она предполагалась быть (и стала) руководством к действиям, составленным теоретиком, специалистом по социальному программированию, планировщиком социаль-

ной динамики американского (в данном случае) общества для будущего переформулирования в конкретные пункты действий практиков социального моделирования (последовательность конкретики отлично прочерчивается в работе М.Г. Делягина «Конец эпохи» (2022) [3]). Да, западные демократии, которые к середине 1970-х гг. в серьезной степени приблизились к западным же идеалам демократического устройства, стали проблемой и препятствием для стратегов будущих «цивилизационных войн», и вот методы деструктуризации демократического общества были разработаны тем же политиком и идеологом, кто в 1993 г. возвестит городу и миру о том, что человечеству уготован хаос противостояния цивилизаций, – «мир Хантингтона», как его нередко называют. Ведь для установления безличностного, безгосударственного управляемого глобального социального конгломерата мало было отправить в прошлое биполярную систему, обрушив Советский Союз и социалистический блок, – необходимо было до этого отформатировать и подготовить для переустройства противостоящий ему блок, т.е. Запад. Интеллектуально-политический трактат «Кризис демократии» Бжезинского-Хантингтона-Крозье-Ватануки и стал руководством для этого.

Небезынтересно, что в примечании к работе 1991 г. «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» Хантингтон рассказывает: «11 февраля 1976 г. по просьбе руководителей ЦРУ я сделал для аналитиков управления доклад на тему “Глобальный упадок демократии”. Нужно сказать, что у меня имелись весьма убедительные теории, объясняющие всю глубину и серьезность данного явления» [17, с. 341]. Под этими «убедительными теориями» идеолог понимает свою работу 1975 г., на которую благожелательно ссылается [Там же]. – «Неожиданный» интерес ЦРУ к проблемам демократии в то время, а тем более в наши дни, вряд ли способен кого-то удивить.

Так многотрудные усилия западных идеологов и политических стратегов – а Хантингтон был из их числа самым серьезным – привели к странной и нелепой «победе» в холодной войне, вслед за которой эти же люди увидели ее плоды – хаос, бесконечную турбулентность, непредсказуемость, глобальные угрозы. С такой «победой» поздравлять не принято.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Aleksey V. Nikandrov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

bobbio71@mail.ru

Список литературы

1. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
2. Горюнов В.П. Объективные основания синдрома конца истории // Научное мнение. 2012. № 10. С. 9–20.
3. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ: Книжный мир, 2019. 832 с.
4. Ельчанинов М.С. Основные концепции мирового порядка. Идеи и иллюзии на фоне эскалации глобального хаоса // Свободная мысль. 2023. № 6. С. 73–84.
5. Кирсанов А.И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. 2008. № 3. С. 32–43.
6. Никандров А.В. Учение А.С. Панарина о глобальной нестабильности и современный «полицентричный» неолиберальный мир // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 11. Миссия России в мировом сообществе XXI века. К 80-летию со дня рождения А.С. Панарина. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2020. С. 182–203.
7. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000. 374 с.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
9. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
10. Расторгуев В.Н. Цивилизационный путь России: Избранные труды. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 444 с.
11. Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 172–183.
12. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
14. Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Книжный мир, 2015. 385 с.
15. Фурсов А.И. Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 42–48.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2024. 640 с.
17. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
18. Цуркан Е.Г., Погожина Н.Н., Щербакова Е.В. Конец истории: концепт или идеология // Философия и общество. 2023. № 2. С. 32–48.
19. Huntington S.P. The United States // The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. P. 59–118.
20. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. 221 p.

References

1. Batalov E. Ya. Amerikanskaya politicheskaya mysl' XX veka. M.: Progress-Traditsiya, 2014. 616 s.
2. Goryunov V.P. Ob'yektivnyye osnovaniya sindroma kontsa istorii // Nauchnoye mneniye. 2012. № 10. S. 9–20.

3. Delyagin M.G. Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! T. 1. Obshchaya teoriya globalizatsii. M.: IPROG: Knizhnyy mir, 2019. 832 s.
4. Yel'chaninov M.S. Osnovnyye kontseptsii mirovogo poryadka. Idei i illyuzii na fone eskalatsii global'nogo khaosa // Svobodnaya mysl'. 2023. № 6. S. 73–84.
5. Kirsanov A.I. S. Khantington o «stolknovenii tsivilizatsiy» v kontekste global'nykh transformatsiy // Filosofiya i obshchestvo. 2008. № 3. S. 32–43.
6. Nikandrov A.V. Ucheniye A.S. Panarina o global'noy nestabil'nosti i sovremennyy «politsentrichnyy» neoliberal'nyy mir // Filosofiya politiki i prava. Yezhegodnik nauchnykh rabot. Vyp. 11. Missiya Rossii v mirovom soobshchestve XXI veka. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Panarina. M.: Izdatel' A.V. Vorob'yev, 2020. S. 182–203.
7. Panarin A.S. Iskusheniye globalizmom. M.: Russkiy natsional'nyy fond, 2000. 374 s.
8. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. 1248 s.
9. Panarin I.N. Informatsionnaya voyna i geopolitika. M.: Pokoleniye, 2006. 560 s.
10. Rastorguyev V.N. Tsivilizatsionnyy put' Rossii: Izbrannyye trudy. M.: Izdatel' A.V. Vorob'yev, 2022. 444 s.
11. Safranchuk I.A., Zhornist V.M., Nesmeshnyy A.D. Gegemoniya i mirovoy poryadok: obzor kontseptsii «slozhnoy gegemonii» // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. 2021. T. 16. № 1. S. 172–183.
12. Todd E. Posle imperii. Pax Americana – nachalo kontsa. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. 240 s.
13. Fukuyama F. Konets istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S. 134–148.
14. Fursov A.I. Vpered, k pobede! Russkiy uspekh v retrospektive i perspektive. M.: Knizhnyy mir, 2015. 385 s.
15. Fursov A.I. Demokratiya v sisteme kapitalizma: sut', fasad, demontazh // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2013. № 4. S. 42–48.
16. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M.: AST, 2024. 640 s.
17. Khantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka. M.: ROSSPEN, 2003. 368 s.
18. Tsurkan E.G., Pogozhina N.N., Shcherbakova E.V. Konets istorii: kontsept ili ideologema // Filosofiya i obshchestvo. 2023. № 2. S. 32–48.
19. Huntington S.P. The United States // The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. P. 59–118.
20. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. N.Y.: New York University Press, 1975. 221 p.

Л.А. Асланов

Информационная сущность локальных цивилизаций

Leonid A. Aslanov

The informational essence of local civilizations

Самоорганизующимся системам и только им присущи информационные процессы. Информация управляет поведением людей. Социум как всякая живая система имеет в качестве цели свое самосохранение. Информация о способах самосохранения формируется в результате практической деятельности людей, направленной на приспособление к окружающей среде. Информация о самосохранении социума накапливается в генетической и эпигенетической памяти. В качестве примеров возникновения локальных цивилизаций рассмотрен генезис русской и североморской цивилизаций. Первая из них возникла в результате защиты от врагов, а вторая стала результатом приспособления к окружающей среде, где врагов не было из-за компенсирующего действия окружающей среды.

Ключевые слова: информация, самоорганизующаяся система, социум, эффект Болдуина, эпигенетика, операция интерпретации, локальные цивилизации.

Self-organizing systems and only them have information processes. Information controls human behavior. Society, like any living system, has self-preservation as its goal. Information about self-preservation methods is formed as a result of practical human activity aimed at adaptation to the environment. Information about self-preservation of society is accumulated in genetic and epigenetic memory. The genesis of the Russian and Severomorsk civilizations is considered as examples of the emergence of local civilizations. The first of them arose as a result of defense against enemies, and the second was the result of adaptation to an environment where there were no enemies due to the compensating effect of the environment.

Keywords: information, self-organizing system, society, Baldwin effect, epigenetics, interpretation operation, local civilizations.

В продолжение и развитие предыдущей статьи [1] ниже рассматривается роль информации в формировании локальных цивилизаций [4]. Люди и их

социумы являются самоорганизующимися системами. В теории систем дается определение системы, среди дюжины признаков которой обращает на себя внимание один: у любой системы есть цель. Системы, возникшие в результате самоорганизации (а это все живое на земле) имеют своей целью самосохранение, как утверждают биологи. Сохранение локальной цивилизацией своей информации о накопленном за века опыте самосохранения социума обеспечивает коллективное самосохранение людей. Самоорганизующиеся системы, в том числе социумы, накапливают и используют свой прошлый опыт для самосохранения [12, с. 69], что ведет к образованию локальных цивилизаций.

Философский анализ взаимосвязей между тремя понятиями – информация, сознание и деятельность мозга – выполнен Д.И. Дубровским [10]. Самоорганизующимся системам и только им присущи информационные процессы. Информацию нельзя свести к материи или энергии. Информация – особое измерение существования человечества. Информационный процесс – это восприятие информации или ее формирование самой самоорганизующейся системой, преобразование, передача по каналам связи, хранение и использование информации в соответствии с целями системы. Информация при любых преобразованиях и хранении всегда связана с материальным носителем. Без связи с материальным носителем информация не существует, но, меняя материальные носители, информация не меняет своего содержания благодаря принципу инвариантности информации по отношению к ее материальным носителям [10, с. 97–98, 108].

Понятие «информация» характеризует всякое активное отражение, а тем самым и психические процессы. Поэтому распространенное суждение «сознание есть психический процесс» может быть заменено на «сознание есть информация», хотя это суждение до сих пор непривычно. Информация, будучи содержанием сигнала, есть всегда процесс и продукт отражения [10, с. 147]. Если рассматривать локальные цивилизации как хранимый каждым социумом опыт самосохранения, приобретенный в веках в результате приспособления к окружающей среде, то этот опыт тоже есть информация, а, следовательно, локальные цивилизации есть информация, и их необходимо исследовать с помощью информационного подхода.

Если мозг изучают естественные науки, то сознание есть «субъективная реальность», отражение действительности, включающее отражение самой себя. Исследование сознания заведомо невозможно с помощью понятийных средств естественных наук. Для преодоления традиционного разрыва между категориальными структурами естественно-научного и гуманитарного знания необходимы понятия-интеграторы. Информация является ядром той общенаучной категориальной структуры, с помощью которой может быть адекватно описана проблема «сознание и мозг» [10, с. 173], а вместе с ней

и проблема локальных цивилизаций. Информационный подход опирается на три общепринятые характеристики информации: (1) информация не существует без материального носителя; (2) информация инвариантна по отношению к физическим и химическим свойствам ее носителя; (3) информация является фактором управления. Понятие информации позволяет описывать некоторое идеальное явление (субъективной реальности, например, локальной цивилизации) как: (а) функцию определенной материальной системы (например, социума) и (б) одновременно описывать идеальное явление в содержательно-ценностном плане [10, с. 178] (локальной цивилизации, свойственной социуму).

Информация воплощена на материальном носителе, но не материальный носитель (в силу принципа инвариантности) определяет процесс и результат изменений в тех или иных подсистемах организма и в системе в целом. Управление имеет кодовый характер. Не физические свойства сигнала, а информация запускает множество изменений в организме, предопределяющих поведенческий акт [10, с. 180, 184, 195].

Ранее указывалось [7, с. 136], что в социальных системах генетическая наследуемая информация содержит правила общественного поведения, обеспечивающие самосохранение социума. Одна и та же генетическая наследуемая информация может проявлять себя в разные исторические периоды посредством повторного воспроизведения.

Информация о реально происходящих событиях не возникает случайно, так как она рецептируется из окружающей действительности [12, с. 27]. В применении к локальным цивилизациям эта информация определяет приобретенное поведение, ранее интерпретированное как культура [1].

Биологи утверждают, что у человека наследуемое и приобретенное поведение не изолированы друг от друга, и приобретенное поведение (культура) при определенных условиях может стать наследственным поведением. Так как поведение управляется информацией, то это означает, что информация превращается в наследуемую информацию. Проблема перекодировки приобретенной информации в наследуемую информацию давно поставлена научным сообществом. По мнению ряда современных экспертов, «существует способ включения приобретенных признаков в генетический материал, но процесс этот осуществляется на протяжении многих поколений. Речь идет об эффекте Болдуина. Люди, которые на протяжении многих поколений постоянно подвергаются определенному воздействию, в конечном итоге получают потомство, обладающее способностью справляться с этим воздействием на генетическом уровне. Происходит не прямое наследование признака, приобретенного в течение жизни, а отбор на способность быстрее его приобретать. Болдуин предложил механизм, согласно которому эпигенетические факторы влияют на формирование генома не менее эффективно,

чем, действие естественного отбора. В частности, поведенческие решения и стереотипы, принимаемые людьми и передающиеся от поколения к поколению в виде культурных практик и традиций, следует рассматривать важнейшим фактором, формирующим человеческий геном» [14, с. 66].

Болдуин работал на рубеже XIX и XX вв., когда о молекулярных механизмах биологических процессов не было и речи, поэтому его выводы кажутся современным исследователям «умозрительными, сделанными без опоры на эмпирические данные» [8, с. 14]. Сам Болдуин писал следующее: «Человек в борьбе за существование приспосабливается к условиям социального характера. Благодаря этому врожденные изменения, пригодные для социального приспособления, формируются на протяжении жизни, не подвергаются действию естественного отбора, а сохраняются. Речь идет о социальной наследственности в онтогенезе». «С филогенетической точки зрения врожденные изменения последующих поколений распространяются посредством людей, у которых сохранились изменения, возникающие в результате приспособления предыдущими поколениями». Болдуин назвал этот механизм «органическим отбором», пояснив его сущность: «Органический отбор передает приобретенные свойства без прямого их наследования, но результат получается тем же, как и в результате прямой наследственности», причем «органический отбор» и «социальная наследственность» действуют параллельно [6, с. 128–132]. Суть органического отбора Болдуин видит в постоянном, от поколения к поколению, накоплении изменений, т. е. изменения закрепляются не индивидом в результате мутации, а родом, постоянно накапливающим полезные для выживания изменения и закрепляющим их поэтапно вплоть до полной наследственной передачи закрепленных изменений [5, с. 235–236]. Современными лингвистами допускается, что даже освоение родного языка, возможно, приводит к генетической адаптации через эффект Болдуина [16, с. 29–31]

В приведенном кратком объяснении эффекта Болдуина упоминался термин «эпигенетический фактор». Эпигенетика долго не признавалась многими специалистами. Еще в начале 2000-х гг. большинство ученых посмеивалось над эпигенетиками. В воздухе постоянно витал упрек, будто эпигенетики занимаются несерьезным делом. Безраздельное господство ДНК в клеточном ядре было ошибкой, как выяснилось теперь. Эпигенетика [9; 13; 16; 19] изучает все изменения функции гена, не явившиеся следствием изменений в последовательности ДНК, но передающиеся по наследству. Речь идет об эпигеномах. Они управляют геной регуляцией. Их влияние сохраняется и после того, как исчезает первоначальный возбудитель. Благодаря эпигеномам клетки, в том числе и нейроны, обладают памятью, которая хранит различные ответы на сигналы из окружающей среды. ДНК всех наших клеток, в том числе нейронов, одинаковы, но у каждого человека есть тысячи эпигеномов [17, с. 18, 29, 73–74, 82].

Эпигеном концентрирует множество разнообразной информации с помощью эпигенетических модификаций трех видов. Во-первых, ДНК метилируется с помощью ферментов, т.е. атомы водорода на определенных участках ДНК замещаются на метильные группы, в результате чего определенные гены теряют способность образовывать водородные связи и исключаются из процесса фиксации информации. В результате метилирования ДНК фиксируется наследственная информация самосохранения социума. Каждая локальная цивилизация обладает особым образом модифицированными посредством метилирования молекулами ДНК в зависимости от влияния окружающей среды. Во-вторых, у гистонов, белков, упорядочивающих укладку ДНК в хромосоме и обладающих глобулярной третичной структурой молекул, модификации подвергаются поверхности глобул посредством метилирования, ацилирования или фосфорилирования, что закрывает доступ к определенным генам молекул ДНК, прижатых к молекулам гистонов. Тем самым определенные гены ДНК блокируются. В-третьих, короткие молекулы РНК (до 20 нуклеотидов) блокируют комплементарные участки ДНК, исключая содержащиеся в них гены из процессов записи информации. Молекулы ДНК, гистоны и молекулы РНК находятся в ядрах клеток, в непосредственной близости друг от друга. В этом заключается механизм клеточной памяти. Клетки, в том числе нейроны, запоминают информацию.

Метилированная ДНК, модифицированные гистоны и заблокированные молекулами РНК гены есть носители эпигенетически наследуемой и приобретаемой информации [17, с. 13, 44]. Эпигенетические модификации формируют долговременную, исчисляемую поколениями, память клетки. Эпигенетики изучают способность человека приспосабливаться к окружающей его среде. В отличие от генетического, эпигенетический код почти полностью исчезает со смертью человека и выстраивается вновь после зачатия нового организма, но в несколько иной форме, чем у родителей. Причиной отличий является окружающая среда. Эпигенетические модификации опосредуют взаимодействие окружающей среды и генома. Изменение условий жизни трансформирует модель генной активации, меняя весь организм. Развитие и существование клетки определяется совместными действиями эпигенома и генома. Генетическая и эпигенетическая информация хранится в ядре каждой клетки: ДНК содержит наследуемую информацию, а эпигенетические структуры, задающие эпигенетический код, исполняют роль диспетчера, направляющего и упорядочивающего информацию [17, с. 42–43, 63].

Окружающая среда – постоянный фактор, определяющий развитие организма в течение всей жизни. Эпигенетическая информация динамично реагирует на изменения окружающей среды. Жизненно необходимая приспособляемость клетки обеспечивается за счет механизмов генной регуляции, позволяющих ей взаимодействовать с окружающей средой. Эта приспособляемость

позволяет организму адаптироваться к изменениям окружающей среды. По этому поводу эпигенетик Монреальского университета М. Шиф сформулировал очень важную мысль: «Раз окружающая среда влияет на изменения наших эпигеномов, разрыв между биологическими и социальными процессами практически ликвидируется. И это в корне меняет наш взгляд на жизнь» [17, с. 15]. Можно утверждать, что проблему влияния приобретенной информации на наследуемую информацию стараются решить как фундаментальную общезначимую проблему независимо от конкретной проблемы локальных цивилизаций.

Можно убедиться в появлении устойчивого, наследуемого поведения в многовековом процессе приспособления социумов к окружающей среде на двух примерах генезиса очень сильно отличающихся друг от друга локальных цивилизаций – русской и североморской. Локальная цивилизация [4] – это результат приспособления социума к окружающей среде, причем среда включает не только почвенно-климатические особенности региона, но и смертельные риски из-за вторжения врагов. Нижеследующий текст опирается на содержание двух книг автора статьи [2; 3], к которым можно обратиться в случае необходимости уточнения нижеизложенного или доступа к ссылкам на литературу.

Восточные славяне, мигрируя на Восточно-Европейскую равнину, оседали в основном на границе степной и лесной зоны. Условия формирования русской цивилизации в значительной, если не решающей, мере определялись географическим фактором: полоса степей, раскинувшаяся южнее лесостепного пояса от Манчжурии до Альп, была естественной средой обитания и удобной дорогой для кочевников. В Причерноморские степи вторгались озлобленные, голодные, жаждущие средств выживания люди, не считавшиеся с интересами постоянных обитателей-земледельцев лесостепной полосы. Общинные устои всех кочевников отличались особой суровостью: в степи негде скрыться, в отличие от лесов или гор, а потому выжить можно, только давая коллективный отпор врагу. Каждый кочевник вынужден был быть искусным, выносливым и дисциплинированным воином, потому что один в поле не воин. Территория юга современных России и Украины впервые была захвачена в древние времена киммерийцами (1000–700 гг. до н.э.), затем скифами (700–200 гг. до н.э.), сарматами (200 до н.э. – 200 гг. н.э.), готы пришли с северо-запада (200–370 гг.), а за ними опять кочевники – гунны (370–454 гг.), авары (VI–VIII вв.), а позже последовательно вторгались хазары, печенеги, половцы.

На Руси личная зависимость от князя была вызвана необходимостью строить общество по военному образцу ради выживания под постоянной угрозой, шедшей из степи. У восточных славян довольно рано возникла территориальная (соседская) община, вытеснившая кровнородственную. Опре-

деляющей причиной изменений оказывается внешнее вооруженное давление, а не внутренние объективные факторы экономической, социальной и политической эволюции. Воины брали власть в обществе в условиях постоянной опасности нападения. Социальные отношения определялись не только и не столько хозяйством, сколько защитой от врагов. У общины есть особенность, которая в условиях Восточной Европы с бесконечными набегами кочевников делала общину совершенно необходимой: община не давала погибнуть вдовам и детям павших в бою воинов. Любой человек смертен, но община обладает бессмертием, а поэтому в ней веками нуждались русские люди. Это был механизм выживания русских людей в условиях постоянной военной опасности.

Самым кровавым нашествием кочевников на Русь стало нападение Золотой Орды, части империи Чингисхана. Поход Батые на Русь 1236–1238 гг. был хорошо продуманной и подготовленной военной и политической акцией с предусмотренным отсутствием тылового обеспечения. Каждый воин должен был добывать питание сам, поэтому орда была обречена на мародерство, которое должно было наводить ужас и сеять панические слухи. Доля городского населения на Руси снизилась с 13% до 1–2%. 13%-ный рубеж был достигнут только в 1897 г. Большинство городов, находившихся на пути движения войск Батые, было разрушено, а некоторые стерты с лица земли. Население истреблялось или уводилось в рабство.

В этот период начинает формироваться новый культурный ландшафт, главными чертами которого стали выход поселений на водоразделы и широкие расчистки лесов на водораздельных участках. Одновременно забрасываются многие поселения, возникшие в X – первой половине XII в. и стабильно существовавшие в течение одного или несколько столетий. Во многих староосвоенных районах именно в это время малодворная деревня становится основным типом сельского поселения, а основным источником водоснабжения становится искусственный колодец. Само появление термина «деревня» было вызвано к жизни широким распространением нового типа поселения – малодворного земледельческого хозяйства на лесных расчистках. Люди ушли от рек, потому что зимники были прекрасными дорогами для монгольских отрядов. Возникло еще одно понятие – «нива» – участок, расчищенный в лесу подсекой и засеянный зерном. Нива была спрятана в лесу от врагов в отличие от поля, открытого врагам.

Русский народ сформировался, по мнению историков, к концу XV в. как ответ на господство Золотой Орды на Руси, обретя цивилизацию, доминантой которой была защита от врагов. В 1502 г. Крымское ханство уничтожило остатки Золотой Орды и на протяжении двух веков совершало опустошительные набеги на Русь, считая себя правопреемником Золотой Орды. Московское царство в XVI–XVII вв. вело с Крымским ханством вооруженную

борьбу и откупалось подарками Крымскому хану. Острые нападений Крымского, Казанского и Астраханского ханств направлялось на Московскую Русь Османской империей, получавшей от своих вассалов рабов из числа угнанных жителей городов и сел Руси.

При Иване III общественное устройство на Руси стало приобретать черты военно-административной системы оседлых земледельцев, при которой общество самоорганизовалось как армия: царь как командующий, приказы которого должны выполняться всеми беспрекословно, бояре и нарождавшиеся дворяне были командным слоем между царем и простонародьем, а на народ была возложена роль дисциплинированных солдат, причем протянувшиеся на тысячи километров защитные линии обороняли от набегов не только мужчины, но женщины, старики, дети. Нельзя сказать, что военно-административная система была создана Иваном III. Она возникала исподволь, в силу традиций самосохранения, накапливавшихся народом и формировавших военно-командные менталитет и культуру русских людей под воздействием постоянных войн против алчных соседей.

В Московском княжестве механизмы выживания в условиях постоянной вражеской опасности привели к общественному согласию о собственности верховной власти на землю ради отражения нападений врагов. Это привело к созданию централизованного государства, обладающего ресурсами, достаточными для защиты рубежей Московского княжества. Ни бояре, ни церковь не стали частными земельными собственниками, независимыми от верховной власти. Они так и остались землевладельцами по воле государя, обязанные за это ему службой ради общего самосохранения. Западноевропейская частная собственность не имела корней на Руси в силу коренных различий в условиях существования людей. Государственная собственность на землю была экономической основой развития России, тогда как частная, например боярская, собственность на землю не смогла обеспечить должного уровня мобилизации ради защиты от врагов.

Кроме завоевания Казанского ханства во времена правления Ивана IV произошло присоединение Сибири к России. Оно состоялось без ведома царя. По сути, это была народная акция, в которой инициатива принадлежала казакам. Строгановы снабдили казаков всем необходимым для похода «за Камень». Иван IV, получив сообщение об уходе Ермака походом в Сибирь, сильно встревожился и повелел его отряд вернуть, но вместо гнева хана Кучума из Сибири в 1582 г. пришли добрые вести: атаман И. Кольцо, отправленный Ермаком в Москву, бил челом царю Сибирским царством. Казаки подарили Сибирь царю ради всенародного самосохранения.

Двухсотсороколетнее существование Руси на правах улуса Орды породило у восточных и южных соседей Московской Руси взгляд на Русь как на несамостоятельное и неспособное существовать без опеки общество,

которое необходимо было использовать для своей пользы после исчезновения Золотой Орды. На Западе Русь воспринималась как пространство, подлежащее колонизации и цивилизационному обустройству на западно-европейский лад в качестве сырьевого придатка Западной Европы. Швеция, Ливония, Литва и Польша всегда остерегались ордынских вторжений и осмелели, как только союзерена Руси не стало. В XVI в. империя Габсбургов стала главным противником Московского царства. Она действовала чужими руками. Смута и польская интервенция в начале XVII в. были тщательно спланированной войной империи Габсбургов против Московского царства в период временных трудностей на Руси.

В петровские времена военно-административная система России, сложившаяся до Петра, достигла высшей точки развития и обеспечила превосходство России в военной области над самой сильной военной державой Европы начала XVIII в. – Швецией. Поскольку успешная защита от врагов может быть только коллективной, то общественное устройство, санкционированное русским социумом, соответствовало устройству армии, что особенно отчетливо проявилось в царствование Петра I. Царю, высшему руководителю и верховному главнокомандующему принадлежали не только все земли и материальные ресурсы, но и беспрекословно подчинялись все люди; любое непослушание каралось. Глава государства был не только источником законов, но и сакральной фигурой, передававшей законы от бога людям. В такой цивилизации нет граждан, а есть подданные. У подданных нет прав, их удел – служение в условиях строжайшей дисциплины и подчинения начальству. Инакомыслие недопустимо, как и в армии. Важнейшим элементом, без которого такое общество не может существовать, как и любая армия, – репрессии. Репрессивные органы – особый инструмент управления в руках главы государства. Петр I в полной мере использовал все особенности русской цивилизации и потому был успешен, хотя порой и жесток. Но народ воспел Петра I в народных песнях: Русское этнографическое общество во второй половине XIX в. по всем губерниям России записало 140 песен, воспевавших Петра I. Народ хранил о нем благодарную память.

При Екатерине II наивысшего развития достигло русское военное искусство. Одновременно государство израсходовало на 200 млн руб. больше, нежели получило доходов. Так возник государственный долг России, который продолжал расти до 1917 г. Финансовые трудности возникли из-за корыстного перераспределения доходов помещичьим дворянством в свою пользу и в ущерб интересам государства. Военно-административная система вместо обеспечения защиты от врагов стала служить интересам высшего сословия, что повело ее к кризису, ставшему явным с середины XIX в. и приведшим царизм к гибели.

Крестьянская реформа 1861 г. готовилась и была проведена в интересах дворянства и исключительно дворянами. «Положения» 19 февраля 1861 г. признавали право собственности помещиков на все земли, хотя и устанавли-

вали обязательное наделение крестьян усадебной и пашенной землей за выкуп. Крестьяне русских губерний были возмущены освобождением без земли.

В мае 1905 г. образовался Всероссийский крестьянский союз, который возглавили эсеры. Его первый нелегальный съезд, прошедший в период с 31 июля по 1 августа 1905 г. высказался за экспроприацию собственности землевладельцев и передачу земли «в общую собственность народа», отмену сословий, созыва Учредительного собрания. На двух Всероссийских съездах Крестьянского союза было выдвинуто требование конфискации всех помещичьих, государственных, удельных, церковных и монастырских земель с обращением их в общенародное достояние.

Анкеты Вольного экономического общества свидетельствуют, что крестьянские общины в то время выполняли функции организаторов крестьянских выступлений и органов местной власти. Началась антиправительственная самоорганизация крестьян.

Исследователи почти единодушно называют доминантой русской крестьянской субцивилизации вопрос о земле. По общераспространенному крестьянскому убеждению землей мог пользоваться лишь тот человек, который вкладывал в нее свой труд. При этом права собственности на землю не могло быть, поскольку земля – не продукт труда человека. Резко негативное отношение крестьян к помещичьей и вообще всякой частной собственности на землю – важнейшая черта российского крестьянства. В отличие от североморского менталитета для крестьян собственность была не капиталом, приносящим прибыль, а средством пропитания и исполнения обязанностей перед государем по защите Отечества.

Крестьянству противостояло поместное дворянство. Начиная с Петра I, русское барство «европеизировалось», проникаясь убеждением чуждой североморской цивилизации о принадлежности земли барам. Раскол в обществе на две субцивилизации – барскую и крестьянскую – был катастрофичным и не мог не привести к межцивилизационному конфликту.

Поместная аристократия вместе с самодержавием низвели военно-административную систему, единственным назначением которой всегда была защита от врагов, до полной неспособности справиться со своей главной задачей в Первую мировую войну. Они продемонстрировали свою полную никчемность и обрекли себя на уничтожение за ненадобностью Февральской, а затем и Октябрьской революцией.

Для большевиков декреты о мире и о земле стали источниками легитимности новой власти в момент ее возникновения. Большевики в соответствии с многовековым опытом народа использовали жестокие, репрессивные методы мобилизации, присущие военно-административной системе и, опираясь на военно-командный менталитет народа, повели народ за собой, построив свое государство.

Большевики получили поддержку масс потому, что последовательно отступали от марксистских доктрин и принимали ментально увековеченные нормы русского общественного устройства: под давлением Ленина большевики не на словах, а на деле отбросили доктрину о диктатуре пролетариата и, не ожидая (в отличие от меньшевиков) победы капитализма в России, поддержали власть Советов; большевики вопреки Марксу, считавшему крестьянство мелкобуржуазной средой, враждебной пролетариату, провозгласили Декрет о земле; отрешившись от марксистской идеи о пролетарском интернационализме, большевики провозгласили шедший из глубин народа принцип самоопределения наций.

Ленинизм до Октябрьской революции стал политической практикой, основанной на русской цивилизации, но прикрытой марксистской риторикой. Большевики удержались у власти только потому, что продолжили такую практику опоры на русскую цивилизацию после революции. Они отмобилизовали традиционную для Руси военно-административную систему, которая обеспечила, как и при Петре I, победу в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства с одновременным созданием ракетно-ядерного щита СССР. Марксизм (коммунизм, социализм) остался объектом веры и доктринерства.

Во второй половине XX в. интеллектуальный, а не физический труд постепенно стал основной производительной силой общества. Обеспечивая свою обороноспособность в XX в. и нуждаясь в интеллектуальном труде, сталинская военно-административная система и ее постсталинский вариант радикально повысили образованность советского общества и тем самым изжили репрессивные методы руководства. Репрессиями взять плоды интеллектуального труда в отличие от продуктов физического труда крестьян и рабочих невозможно, а потому репрессии подавляют, а не способствуют выживанию этноса.

Кроме того, в течение XX в. урбанизация разрушила общинные основы русского крестьянства. Эволюция русского общества, необходимость выживания в конкретной борьбе за ресурсы в мире привели советское общество к неизбежной трансформации политической системы, причем отказа от марксистской догматики было недостаточно. Было совершенно необходимо сделать невозможным возврат традиционной репрессивной военно-административной системы, несовместимой с изменившимся советским обществом (как известно, с изменением системы меняются ее аттракторы), и найти новые формы общественно-политической организации. Механическое заимствование зарубежного опыта при этом совершенно невозможно. Можно только изучать зарубежный опыт, но самим находить то, что отвечает современным требованиям выживания этноса и не противоречит военно-командному менталитету, сложившемуся в веках. Все остальное народом

будет отвергнуто и не будет эффективным. Нужна модернизация, но она невозможна, если игнорируется менталитет народа.

Российское общество сильно изменилось за XX в. и продолжает эволюционировать. В XXI в. Россия медленно, наощупь стала освобождаться от североморских влияний, привнесенных в ее жизнь в 90-е гг. XX в. Возрождена роль армии, ВКС и ВМФ. Оборонная промышленность, стратегические морские, воздушные, железнодорожные и автомобильные пути сообщения, энергетика и предприятия критической важности перешли в основном под контроль государства, как было со времен Петра I. Стала выстраиваться система государственно-частного партнерства. Эволюционирует система демократических институтов, причем демократия не навязывается в виде кальки с североморской демократии, а вырастает на основе русской цивилизации. Заимствованная система разделения властей, сдержек и противовесов в России действует совсем не так, как в странах североморской цивилизации: начиная с начала 90-х гг. XX в. мнение главы государства в России воспринимается во всех ветвях власти и населением страны как подлежащее исполнению в соответствии с русской цивилизационной традицией. Нет и намека на те обструкции, которым подвергаются решения Президента США в Конгрессе США.

Современная Россия постепенно приближается к тому самобытному состоянию, которое было характерно для нее в начале XX в., но в то же время современное состояние России впитало в себя весь опыт самосохранения, накопленный за века, включая советский период и уроки лихих 90-х. Осторожно, избегая перегибов, выстраивается система противодействия коррупции. Бюрократии противопоставляется цифровизация стандартных бюрократических функций. Налаживается эволюционный процесс самоорганизации народа в его борьбе за самосохранение.

Все локальные цивилизации развиваются, но каждая в рамках своего контекста, поэтому русская и североморская цивилизации (см. ниже) в основных чертах сохраняют свои фундаментальные основы до сих пор.

Североморская цивилизация, исходно присущая нидерландцам, фламандцам в современной Бельгии, жителям Нижней Саксонии в ФРГ и Дании, распространилась на Швецию и Норвегию в силу многовековой диффузии культур, а также на Британские острова, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию посредством массовой эмиграции англосаксов. Родина североморской цивилизации – это марши Северного моря, протянувшиеся от устья реки Шельды до северной оконечности Ютландского полуострова. Ширина маршей от моря вглубь континента не превышает 50 км.

Марши возвышаются на 1–2 метра над уровнем моря, они плоские, как стол. Марши нередко подвергаются катастрофическим наводнениям, которым сейчас люди научились противостоять, но в прошлом они регулярно

приносили множество несчастий людям. Веками эти марши были отделены от континентальной Европы сплошной полосой болот. Приблизительно в V в. до н.э. под давлением перенаселенности сухих грунтов прилегающей к маршам части Европы люди стали переходить со скотом на марши, покрытые тучными лугами, получив конкурентное преимущество в виде кормовой базы для скота в производстве сыров, шкур, овечьей шерсти над жителями сухих грунтов. Но зерновые культуры и овощи смывались частыми наводнениями.

Жители маршей приспособились к наводнениям, создавая рукотворные холмы высотой около трех метров, на вершинах которых располагался жилой дом и примыкавшие к нему постройки для скота. На таких холмах, называемых терпами, изначально многие века жили одиночные семьи, потому что каждая семья создавала терп для себя. Терпы располагались близко к рекам и протокам, так как единственным транспортом были лодки. Любая специализация производства, в том числе и животноводство, влекла за собой торговый обмен продуктами с жителями сухих грунтов. С материка на марши лодками перевозили зерно, топливо, строительный материал. Торговая жилка у жителей маршей возникла очень давно в силу необходимости приспособиться к окружающей среде и выжить.

Главной особенностью жизни на маршах было отсутствие у жителей маршей врагов. Не потому, что их не было, а потому что враги боялись вторгаться на марши из-за неожиданных наводнений, которые могли погубить вторгшихся. А. Тойнби метко назвал это явление «компенсирующим действием окружающей среды». Жили на маршах к востоку от устья Рейна фризы. Около устья Эльбы жили саксы, а далее, в продолжение маршей на Ютландском полуострове, жили англы и юты. У них не было необходимости объединяться для отпора врагам в отличие от русских, что было главной причиной индивидуализма североморской цивилизации в отличие от общинности русской военизированной цивилизации, а жизнь на терпах индивидуализм усиливала.

Фризы, жившие близко к устью Рейна, были вовлечены Римской империей в морскую торговлю. Авторитет фризов как мореходов и купцов уже во II–III вв. был столь высок, что Северное море называлось Фризским морем. Фризы стали отменными моряками и купцами, торговавшими от Балтики до Бискайского залива. Купеческий подход ко всему в жизни стал еще одной особенностью североморской цивилизации, носители которой все продают и покупают.

Англы и саксы попали на Британский остров в качестве наемников Римской империи: они охраняли стену Адриана от набегов пиктов. После распада Римской империи романизированные кельты Британского острова сохранили эту практику, но оплатить службу наемников не смогли, вызвав массовую миграцию саксов, англо-ютов на Британский остров для взыскания

с кельтов оплаты силой. В результате процессов самоорганизации англй и саксы образовали собственную разновидность североморской цивилизации под воздействием условий существования на Британском острове.

Франки завоевали фризов в 793 г. в результате длительной вооруженной борьбы. На территории маршей Карл Великий разместил своих вассалов, уже имевших ленные владения на сухих грунтах, но эти новые владения графы и герцоги не посещали из-за их удаленности от основных ленов и гиблости новоприобретенных мест. Поэтому феодалы на маршах не прижились и влияния на фризов не оказали. Но Карл Великий привел вместе с собой католическую церковь, которая, будучи феодалом сама по себе, навязывала фризам чуждую им феодальную цивилизацию с ее нормами и традициями, а поэтому вызывала полное неприятие.

Итак, в V–IX вв. между Англией, Фрисландией, Северной Германией и Скандинавией, т.е. по периметру Северного моря, установились торговые связи, способствовавшие распространению североморской цивилизации, причем ведущую роль играла в те времена самая богатая и динамичная из всех перечисленных стран – Фрисландия, чей вклад в североморскую цивилизацию трудно переоценить.

Во Фрисландии сохранялись свои традиции, в том числе и традиционное деление на свободных и несвободных фризов: свободные фризы имели землю и недвижимость, а несвободные «сидели» под их свободными господами. Взаимосвязь свободы с землевладением фриза очень древняя и теряется во тьме веков. Имеются ясные свидетельства того, что землевладение было для фризов важным фактором успешной торговли и мореплавания задолго до франкского вторжения. Торговля и мореплавание на таких утлых суденьшках, как когги и хюльки фризов, были рискованными мероприятиями. Гибель судна с товарами в море означала потерю основного и оборотного капитала, даже если владельцу удавалось спасти свою жизнь. В раннем Средневековье во Фрисландии фризская торговля веками процветала благодаря механизму восполнения неизбежных потерь на море, основой которого была земля. Она исполняла роль банка и страховой компании.

Землю украсть нельзя и она давала ренту при сдаче ее в аренду, поэтому ее покупали после удачных торговых операций. Когда же появлялась необходимость, то можно было землю продать и построить новое судно или закупить новый товар взамен погибшего. Землевладения должны были продаваться и покупаться в массовом порядке, а эта деятельность должна была формировать особый коммерциализованный менталитет. Земля у фризов была издревле вовлечена в рыночные отношения. Этот факт имеет особо важное значение: североморская цивилизация была капиталистической всегда, а не стала таковой с появлением промышленного капитализма, причем каждый фриз все делал сам, на свой страх и риск, что утверждало индивидуализм.

За период 950–1150 гг. наибольшая часть торфяников в западных Нижних странах была распахана. Массовая торговля торфяниками стала возможной в силу давно сложившейся традиции торговли землей. В X в. в Голландии существовал прејскурант продававшихся участков земли с указанием не только их площади и месторасположения, но и качества почв.

Города на севере Нидерландов возникали не из-за привилегий феодала, на чьей земле находился город, а в результате естественного роста деревень, т.е. процесс их возникновения и статус отличались от всех городов центральной и южной Европы. В Нижних странах не было кровопролитной борьбы городов с феодалами.

Начиная с XIV в. лидером североморской цивилизации становится Голландия, принявшая эстафету от Фрисландии. Голландцы как народ сложились на основе саксов, франков и фризов, причем первый и последний этнические элементы обеспечили преемственность североморской цивилизации. Общественная администрация в Голландии развивалась очень быстро. В Голландии против феодалов в XII–XIII вв. неоднократно вспыхивали восстания, которые заканчивались победами североморской цивилизации; феодалы в этой части Европы, оторванной от влияния сильных государств, быстро утрачивали свой суверенитет.

Города Брабанта положили начало новому явлению. В XIV в. банкиры стали давать ссуды своим герцогам, но при условии постоянного контроля за финансовой администрацией герцога, причем изначально не делалось никаких попыток перехватить политическую власть, просто это было обычным средством, обеспечивавшим возврат ссуд. Банкиры не ссужали деньги без гарантий. Таким образом, банкиры ограничивали права герцога на значительную часть или даже на все владение. Это имело важные политические последствия: провинции стали управляться ассамблеями штатов – так назывались представительские организации, без согласия которых герцог не мог принять ни одного решения.

Уже в середине XIV в. в Нижних странах штаты провинций приобрели громадную силу. Изменения произошли лишь тогда, когда правившие династии вымерли и им на смену пришли иностранные династии (формально испанские, но фактически немецкие Габсбурги). Конфликт североморской и феодальной цивилизаций разгорелся в пожар освободительной войны голландцев против испанской феодальной власти. По существу, так называемая Нидерландская буржуазная революция была войной североморской цивилизации против феодальной испанской цивилизации, а не сменой феодальной формации на капиталистическую.

Традиции общинности в русской цивилизации и индивидуализма в североморской цивилизации сохраняются до сих пор, хотя причины, их породившие, давно исчезли. Такое возможно в том случае, если информация

о поведении, необходимом для самосохранения, передается по наследству из поколения в поколение в каждой цивилизации. Но начинались все цивилизации с культурных практик, которые, пройдя отбор на самосохранение социума, через века становились наследуемым поведением под управлением информации, записанной в геноме и эпигеноме. Из этих примеров видно, что процесс преобразования культурных практик в наследуемую информацию занимает поколения при условии, что все это время культурные практики были неизменными из-за влияния постоянной окружающей среды.

Цивилизация есть результат самоорганизации людей и служит самосохранению их социума. Цивилизация есть совокупность наследуемой и приобретенной информации, управляющая поведением человека ради достижения цели – самосохранения в составе социума. Носителями наследуемой и приобретенной информации являются геном и эпигеном, находящиеся в ядрах клеток. Локальные цивилизации имеют информационную сущность.

Асланов Леонид Александрович – доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией структурной химии, кафедра общей химии, химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.
119991, Россия, Москва, ул. Колмогорова, д. 1, стр. 3.

Leonid A. Aslanov – Sc.D. in Chemistry, Professor, Head of the Structural Chemistry Laboratory, Department of General Chemistry, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University.
119991, 1/3 Kolmogorova str., Moscow, Russia.
aslanov@struct.chem.msu.ru

Список литературы

1. Асланов Л.А. Естественно-научные знания в цивилизационных исследованиях // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 2. С. 5–19.
2. Асланов Л.А. Культура и власть. М.: ТЕИС, 2001. 493 с.
3. Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. В 3 т. М.: ТЕИС, 2009.
4. Асланов Л.А. Вклад синергетики в исторические исследования на современном этапе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2–3. С. 9–12.
5. Болдуин Дж.М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Т. 1. Экспериментальное обоснование. Биологический генезис. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
6. Болдуин Дж.М. Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. Исследование по социальной психологии. Т. 2. Общество. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 200 с.
7. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
8. Горшков Е.А. Становление социальной психологии США. М.: Институт психологии РАН, 2011. 23 с.
9. Готшлинг Д.Е. Эпигенетика. М.: Техносфера, 2013. 495 с.
10. Дубровский Д.И. Информация. Сознание. Мозг. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.

11. Закиян С.М. и др. Эпигенетика. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук, 2012. 586 с.
12. Кочергин А.Н. Информация и сферы ее применения. Голицыно: ГПИ ФСБ РФ, 2008. 272 с.
13. Кэри Н. Эпигенетика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 349 с.
14. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. М.: Эксмо, 2013. 336 с.
15. Фенсенфелд Г. и др. Эпигенетика. 2-е изд. М.: Техносфера, 2021. 1114 с.
16. Чернышева Л.В., Абрамова З.Ф., Маяцкая О.Б. Речевая коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 100 с.
17. Шпорк П. Читая между строк ДНК. М.: ЛомоносовЪ. 2017. 274 с.

References

1. Aslanov L.A. Yestestvenno-nauchnyye znaniya v tsivilizatsionnykh issledovaniyakh // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. 2023. T. 5. № 2. S. 5–19.
2. Aslanov L.A. Kul'tura i vlast'. M.: TEIS, 2001. 493 s.
3. Aslanov L.A. Mentalitet i vlast'. Russkaya tsivilizatsiya. V 3 t. M.: TEIS, 2009.
4. Aslanov L.A. Vklad sinergetiki v istoricheskiye issledovaniya na sovremennom etape // Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii. 2014. № 2–3. S. 9–12.
5. Bolduin Dzh.M. Dukhovnoye razvitiye detskogo individuuma i chelovecheskogo roda. T. 1. Eksperimental'noye obosnovaniye. Biologicheskii genezis. M.: LIBROKOM, 2011. 352 s.
6. Bolduin Dzh.M. Dukhovnoye razvitiye s sotsiologicheskoy i eticheskoy tochki zreniya. Issledovaniye po sotsial'noy psikhologii. T. 2. Obshchestvo. M.: LIBROKOM, 2011. 200 s.
7. Vasil'yev V.V. Trudnaya problema soznaniya. M.: Progress-Traditsiya. 2009. 269 s.
8. Gorshkov E.A. Stanovleniye sotsial'noy psikhologii SShA. M.: Institut psikhologii RAN, 2011. 23 s.
9. Gotshling D.E. Epigenetika. M.: Tekhnosfera, 2013. 495 s.
10. Dubrovskiy D.I. Informatsiya. Soznaniye. Mozg. M.: LENAND, 2021. 304 s.
11. Zakiyan S.M. i dr. Epigenetika. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akad. nauk, 2012. 586 s.
12. Kochergin A.N. Informatsiya i sfery yeye primeneniya. Golitsyno: GPI FSB RF, 2008. 272 s.
13. Keri N. Epigenetika. Rostov-na-Donu: Feniks, 2012. 349 s.
14. Ridli M. Proiskhozhdeniye al'truizma i dobrodeteli. M.: Eksmo, 2013. 336 s.
15. Fensensfeld G. i dr. Epigenetika. 2-e izd. M.: Tekhnosfera, 2021. 1114 s.
16. Chernysheva L.V., Abrarova Z.F., Mayatskaya O.B. Rechevaya kommunikatsiya. Ufa: RITS BashGU. 2021. 100 s.
17. Shpork P. Chitaya mezhdru strok DNK. M.: Lomonosov, 2017. 274 s.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

А.Г. Сытин

Цивилизационная проблематика в теоретическом наследии В.Н. Расторгуева

Andrei G. Sytin

Civilizational issues in theoretical heritage of V.N. Rastorguev

Статья посвящена анализу работ В.Н. Расторгуева по цивилизационной проблематике. Рассказано о научной биографии Расторгуева, основных сферах его научных занятий, о том, какие работы он посвятил проблематике цивилизаций. Рассмотрены его теоретические работы о понятии «цивилизация». Показано его отношение к различным трактовкам понятия «цивилизация». Раскрыто содержание употребляемых им понятий «цивилизационная идентичность», «цивилизационное развитие» и др. Проанализирована его трактовка России как «государства-цивилизации». Рассмотрены его взгляды на вопросы взаимодействия между локальными цивилизациями и на проблему «солидарности цивилизаций», а также на проблемы будущего цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизация, наследие, государство-цивилизация, цивилизационная идентичность, цивилизационное развитие, столкновение цивилизаций, солидарность цивилизаций

The article is devoted to the analysis of V.N. Rastorguev's works on civilizational issues. It tells about Rastorguev's scientific biography, the main areas of his scientific studies, and what works he devoted to the problems of civilizations. His theoretical works on the concept of "civilization" are considered. His attitude to various interpretations of the concept of "civilization" is shown. The content of the concepts "civilizational identity", "civilizational development" and others used by him is revealed. His interpretation of Russia as a "civilization state" is analyzed. His views on the issues of interaction between local civilizations and on the problem of "solidarity of civilizations", as well as on the problems of the future of civilizations, are considered.

Keywords: civilization, heritage, state-civilization, civilizational identity, civilizational development, clash of civilizations, solidarity of civilizations

В сентябре 2024 г. исполнилось 75 лет со дня рождения замечательного ученого, педагога, государственного и общественного деятеля Валерия Николаевича Расторгуева (1949–2021). Поскольку он был видным специалистом по цивилизационной проблематике, представляется уместным поговорить в целом о том вкладе, который он внес в разработку этой проблематики. Однако прежде всего необходимо сказать, что Валерий Николаевич был видным философом, культурологом, заслуженным профессором МГУ, почетным работником высшего образования Российской Федерации, лауреатом Премии Правительства РФ в области науки и техники. При этом научный и педагогический труд он соединял с большой государственной и общественной деятельностью.

Родился Валерий Николаевич в городе Калинин (ныне Тверь). Окончил филологический факультет Калининского педагогического института, а затем – аспирантуру кафедры философии Калининского государственного университета. С 1974 по 1996 г. работал в Калининском (затем Тверском) государственном университете, причем с 1986 по 1996 г. – в должности заведующего кафедрой философии. Защитил за эти годы кандидатскую и докторскую диссертации по философским наукам.

В 1990-е гг. к его преподавательской и научной работе добавилась большая государственная и общественная деятельность. В 1991–1993 гг. он был экспертом Верховного Совета РСФСР (с 25 декабря 1991 г. – Верховного Совета Российской Федерации), а в 1993–1996 гг. – депутатом Совета Федерации 1-го созыва. С 1992 г. он был также директором Центра политической аксиологии Государственной академии славянской культуры, в создании которой он принимал самое деятельное участие. В 1996–2000 гг. Валерий Николаевич работает советником (в ранге государственного советника 3-го класса) в Главном управлении внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации.

С 2000 г. деятельность Валерия Николаевича Расторгуева была тесно связана с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова. В 2000 г. Александр Сергеевич Панарин приглашает его на работу в качестве профессора на созданную незадолго до этого кафедру теоретической политологии философского факультета МГУ. Однако уже в 2003 г. А.С. Панарин безвременно ушел из жизни, и В.Н. Расторгуеву пришлось возглавить эту кафедру. Одновременно он был научным руководителем недавно созданной образовательной программы по экологической политике. А в 2008 г., после преобразования философского факультета, Валерий Николаевич пришел на созданную в это время кафедру философии политики и права и трудился на ней в качестве профессора до конца своих дней.

Нельзя не отметить, что с 2014 г. В.Н. Расторгуев также весьма тесно сотрудничал с Российским научно-исследовательским институтом культурного

и природного наследия имени Д.С. Лихачева, в создании которого он также принимал значительное участие. В этом институте он организует, в частности, исследования цивилизационных процессов в России. С решением этих задач связана и работа Валерия Николаевича в качестве члена президиума Российского фонда культуры, а также заместителя председателя Научного совета при Президиуме Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия. В этой деятельности Валерий Николаевич тесно взаимодействовал с академиком Е.П. Челышевым.

В.Н. Расторгуев, кроме того, был директором учебно-исследовательского центра МГИМО «Церковь и международные отношения», главным редактором журнала МГИМО «Церковь и общество».

С выдающимся отечественным политическим философом – профессором А.С. Панариным – Валерия Николаевича связывало не только основанное на глубоком взаимопонимании рабочее взаимодействие, но и многолетняя личная дружба. Поэтому, когда Александра Сергеевича не стало, Валерий Николаевич взял на себя всю главную содержательную работу по организации Панаринских чтений – конференции, которую с тех пор регулярно проводят совместно философский факультет МГУ и Институт наследия. Панаринские чтения превратились с годами в авторитетный международный научный форум по актуальным проблемам мирового развития, работающий в области философских, культурологических и политических наук и далеко не в последнюю очередь – по цивилизационной тематике. В 2024 г. прошли 21-е такие чтения, и по каждому из них были выпущены научные сборники или коллективные монографии.

Валерий Николаевич был замечательным научным руководителем. Под его непосредственным руководством были защищены 10 кандидатских, а при его консультировании – одна докторская диссертация. Все, чьим научным руководителем был В.Н. Расторгуев, вспоминают совместную работу с ним с огромной благодарностью. Он умел и вдохновить на большую осмысленную работу, и реально научить аспирантов и всех, кого ему доводилось консультировать, как писать научные труды таким образом, чтобы они имели высокие шансы быть затем успешно защищенными. И в самом деле: все диссертации, по которым он был научным руководителем или научным консультантом, были затем успешно защищены, и ни один из защитивших под его руководством не был впоследствии лишен степени.

Валерий Николаевич Расторгуев был поистине неутомимым исследователем, чрезвычайно активным в подготовке научных публикаций. Он опубликовал свыше 300 научных работ, в том числе около 30 научных монографий и учебных пособий. За этими невероятно многочисленными работами стоял, без сомнения, очень значительный и неустанный труд.

На протяжении долголетнего периода научной активности В.Н. Расторгуев писал о многих различных предметах. Однако основные сюжеты в его научных работах – это методология политического планирования, глобальное прогнозирование, философия политики и права, философия российской государственности, региональная культурная политика, экология человека. И среди этих приоритетных для ученого тем – цивилизационный подход, цивилизация как понятие, цивилизационная идентичность, цивилизационное развитие, Россия как страна-цивилизация, вопрос о будущем цивилизаций. При этом интерес В.Н. Расторгуева к проблематике цивилизаций и цивилизационного подхода проявлялся в различных формах. Это и организация научных исследований по цивилизационным проблемам России в Институте наследия, и большое число собственных научных трудов Валерия Николаевича по этой проблематике, и организация Панаринских чтений по этим проблемам, и подготовка учебных курсов для студентов по близкой тематике, например, спецкурса «Цивилизация и идеология в эпоху глобализма». И в не успевших, к сожалению, осуществиться предложениях В.Н. Расторгуева о подготовке новых, еще нигде не читанных спецкурсов, был спецкурс на тему «Цивилизационное наследие и современная политическая культура». Очевидно, что интерес Валерия Николаевича к этой проблематике был значительным.

Нужно сказать, что цивилизационная тематика в целом в нашем общественном сознании в 1990-е гг. обрела как бы некую заданность. «Изгнание» марксизма и марксистских подходов из принятого научного дискурса предполагало принятие каких-то иных научных парадигм. Однако в области философии истории и изучения основных концепций социальной и политической динамики принципиально различных подходов не так уж много. Поэтому «отвержение» марксизма, как правило, означало, что авторы в качестве основного в таких вопросах принимали цивилизационный подход. В этой оперативной смене подходов нередко можно было видеть элементы политико-идеологической конъюнктуры. Однако нужно сказать, что подход к этой проблематике В.Н. Расторгуева не носил конъюнктурного характера. Он занимался этой проблематикой в течение многих лет и отнюдь не ограничивался в ней какими-либо очевидными и поверхностными суждениями. Отсюда, например, его работы о цивилизации как понятии, измерениях цивилизации, проблемах цивилизационного развития, России как стране-цивилизации, цивилизационной идентичности России, взаимодействии между цивилизациями и солидарности цивилизаций.

Валерий Николаевич подходил к проблематике цивилизаций прежде всего как ученый. Поэтому его не устраивало то обстоятельство, что в современном обиходе понятие «цивилизация» стало очень многозначным (стало, как он говорил, «понятием с размытыми краями»), в значительной

степени утратило содержательную определенность и стало позволять, по выражению Валерия Николаевича, одновременно манипулировать многими смыслами. Поэтому ученый обращается прежде всего к анализу содержания самого понятия «цивилизация».

Очевидно, что в современном словоупотреблении есть два совершенно разных смысла понятия «цивилизация» – как *стадия* развития, обязательная для всех народов, – и как *тип* развития, характерный только для данной цивилизации. Эти два разных понимания уходят корнями в трактовку самого исторического процесса как единого, основанного на общих для всех закономерностях, или многообразного, основанного на том, что разные народы движутся, образно говоря, по разным путям к разным целям. Однако В.Н. Расторгуев находит и общие черты в этих глубоко различных трактовках – например, что цивилизация трактуется как надэтническое, наднациональное и метаисторическое единство, а также то, что дискурс цивилизации предполагает набор теорий и доктрин, позволяющих подавить внутренние распри в обществе благодаря мобилизации перед лицом реальной или вымышленной угрозы.

В работах Валерия Николаевича о цивилизации как научном понятии содержится также важный вывод о значении самого цивилизационного подхода в современном общественном сознании: «Мировой и отечественный опыт развития гуманитарных, социальных и политических наук показал, что вне цивилизационного подхода невозможно не только решение, но и грамотная постановка широкого круга проблем долгосрочного развития отдельных стран и регионов, выработка политического курса с учетом глобальных процессов» [7, с. 494]. По мнению ученого, это происходит, в частности, потому, что осознание цивилизационного единства служит важной опорой для выживания и развития народов в современную эпоху. Кроме того, перед народами, даже в самых благополучных странах, встает вполне реальная угроза утраты цивилизационной идентичности, а с ней и возможностей полноценного развития. Признание множественности цивилизаций, идущее в конечном счете от теории Н.Я. Данилевского, по Расторгуеву, служит важной основой для самостоятельного развития народов, а также является важным аргументом в пользу традиционализма в политике, науке, культуре и образовании, поскольку каждая культура трактуется здесь как имеющая самостоятельную ценность.

Таким образом, проблематика цивилизаций трактуется В.Н. Расторгуевым как многомерная и «многомирная». Говоря об этой проблематике, Валерий Николаевич стремится избегать излишних упрощений. Так, например, он говорит о разных «измерениях» цивилизаций. Однако эту постановку вопроса у В.Н. Расторгуева, безусловно, нельзя путать с понятием «мера цивилизации» у британского историка Яна Хендрикса. Ян Хендрикс, говоря о «мере цивилизации», имеет в виду возможность реального количественного

измерения цивилизаций с точки зрения их успешности, в частности, в области социального развития. Для этого он строит «Индекс социального развития», закладывая в него такие показатели, как «захват энергии на душу населения», организация, информационные технологии и способность ведения войны, – и пытается на этой основе сравнить цивилизации Запада и Востока за последние 15 тысяч лет. Подход В.Н. Расторгуева совершенно иной. Говоря об «измерениях» цивилизаций, он имеет в виду то, с каких разных сторон можно подойти к изучению локальных цивилизаций. Одновременно «многомерность» для Расторгуева – это и принцип самого цивилизационного развития [см, напр., 7]. В частности, ученый говорит о «личностном измерении» цивилизаций, подразумевая под этим то, как черты цивилизации во многом формируются ее выдающимися деятелями, творцами в разных областях человеческой активности.

В.Н. Расторгуев также широко пользуется термином «*цивилизационное развитие*». Однако пояснить его смысл удобнее всего на примере рассмотрения им России как «*государства-цивилизации*», поскольку главное внимание ученого привлечено к проблемам развития России.

Для ученого Россия – это государство и одновременно цивилизация, каких в мире совсем немного (Расторгуев приводит в пример Индию и Китай). Причинами такой особой роли выступают, например, географическое положение, историческое развитие, масштабы, богатство природных ресурсов, этническое и конфессиональное многообразие, уникальный опыт межэтнического взаимообогащения. Опыт России – это в значительной степени память о тяжелейших испытаниях, в которых России удалось сохранить свою идентичность. Сложившееся на территории России взаимодействие Валерий Николаевич называет «уникальным культурно-природным синтезом» [12, с. 50], уточняя, что сложился он «вокруг великорусской нации».

С этим связано и то, что ученый называет «*цивилизационной идентичностью*» России. Она носит во многом уникальный характер. Так, согласно мысли Расторгуева, русские – это не этнический, а этический признак. Наши византийские вероучительные истоки позволяют, по Расторгуеву, назвать Россию православной цивилизацией. Русские люди осознают себя народом-государственником, на котором держится страна. Отсюда служение Отечеству – в ряду высших ценностей, во имя которых можно идти на жертвы. К этому добавляется способность выстоять в самых великих испытаниях. Кроме того, для людей нашей цивилизации свойственны верность религии предков и одновременно – высокая склонность к межконфессиональному согласию. Редкой чертой России как государства-цивилизации является защита национальных языков и культур даже самых маленьких народов и народностей нашей страны.

Из особенностей России как «государства-цивилизации», по Расторгуеву, вытекает и ее особая «*цивилизационная миссия*». Эта миссия определена

необозримыми пространствами России, особенностями ее водного бассейна, недрами, которые скрывают богатейшие стратегические резервы, унаследованными талантами и уникальной стойкостью населения. Все это определяет возможность самостоятельного пути для России, направляемого характерной для нее системой ценностей. Как пишет Валерий Николаевич, «русская цивилизационная идентичность – это, прежде всего, творчество народа, которое не знает ни временных, ни сословных, ни профессиональных границ... наследники великой цивилизации должны быть ее достойны» [8, с. 32]

Цивилизационное развитие, как можно понять из работ В.Н. Расторгуева, есть развитие цивилизации в любой области ее жизни, осуществляемое насобственной цивилизационной основе, с уважением к собственным ценностям. Книга о цивилизационном развитии России, в которой Валерий Николаевич принял деятельное участие, затрагивает самые разные стороны бытия нашей страны, в том числе, например, вопросы языковой политики [см.: 14].

Ученый считает в общем и целом бесполезным как-то бороться с плохим русским языком в сегодняшнем публичном пространстве и полагает необходимым просто предлагать зрителю и слушателю образцы хорошей, чистой и богатой русской речи. В целом же он полагает, что в нынешнее непростое время «России требуется искать такое «народное единство», которое позволяло бы противостоять современным вызовам во всех сферах жизни» [14, с. 358].

Не обходит вниманием В.Н. Расторгуев и вопрос о взаимодействии между цивилизациями. Хотя на Западе сегодня утвердилась парадигма «столкновения цивилизаций», взаимодействие между ними в целом невозможно свести к простому «столкновению». По мнению Расторгуева, никакие цивилизации не могут существовать без взаимодействия с другими цивилизациями. Столкновения между ними могут быть лишь частным случаем такого взаимодействия. Если говорить о будущем, то помимо столкновений вполне возможно проявление солидарности между цивилизациями, а также цивилизационный синтез. Такую вероятную солидарность ученый ценит очень высоко и пишет о ней, что «именно на основе многовекового опыта потерь и приобретений, общих жертв, войн и примирений, союзов и коалиций формируется наивысшая форма человеческой солидарности – солидарности цивилизаций, что является условием их бытия или, точнее, со-бытия» [8, с. 195].

Объединение же всех локальных цивилизаций в нечто единое в ближайшем будущем чем-то достаточно вероятным, по мнению ученого, не выглядит. Напротив, мир локальных цивилизаций есть взаимодействие и взаимообогащение опытом друг друга, полезное для каждой из цивилизаций. Единственно правильной стратегией в современных условиях, по мнению В.Н. Расторгуева, может быть стратегия, основанная на укреплении идентичности России как страны-цивилизации, а также на принципе солидарности мировых цивилизаций.

Представляется, что написанное В.Н. Расторгуевым по проблематике цивилизаций и взаимодействия между ними несколько не устарело и может пригодиться и в настоящем, и в будущем для решения как научно-теоретических, так и практически-политических задач.

Сытин Андрей Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Andrei G. Sytin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

a_syтин@mail.ru

Список литературы

1. Викторов В.В. Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности: Учебное пособие. М.: Вузовский учеб., 2009. 335 с.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 329 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
4. Калашников В.Л. Славянская цивилизация: Учебно-методическое пособие. М.: МИПРО, 2003. 528 с.
5. Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 190 с.
6. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 541 с.
7. Расторгуев В.Н. Цивилизация // Философия политики и права. Энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2021. 551 с.
8. Расторгуев В.Н. Цивилизационный путь России. Избранные труды. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 444 с.
9. Расторгуев В.Н. Цивилизационное наследие славянского мира. М.: ГАСК, 2009. 36 с.
10. Расторгуев В.Н. Русский народ и мировое цивилизационное наследие // Проблемы культурного и природного синтеза. М.: ИИЯ, 2011. С 23–31.
11. Расторгуев В.Н., Беспалова Т.В. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном мире. М.: Институт наследия, 2017. 224 с.
12. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачева (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2016. 400 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. 440 с.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

References

1. Viktorov V.V. Rossiyskaya tsivilizatsiya: tendentsii razvitiya ot istokov k sovremenosti: Uchebnoye posobiye. M.: Vuzovskiy ucheb., 2009. 335 s.
2. Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Yevrope. M.: Territoriya budushchego, 2007. 329 s.
3. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Yevropa. M.: Kniga, 1991. 573 s.
4. Kalashnikov V.L. Slavyanskaya tsivilizatsiya: Uchebno-metodicheskoye posobiye. M.: MINRO, 2003. 528 s.
5. Orlova I.B. Sovremennyye tsivilizatsii i Rossiya. M.: RITS ISPI RAN, 2000. 190 s.
6. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire. M.: Algoritm, 2003. 541 s.
7. Rastorguyev V.N. Tsivilizatsiya // Filosofiya politiki i prava. Entsiklopedicheskiy slovar'. M.: INFRA-M, 2021. 551 s.
8. Rastorguyev V.N. Tsivilizatsionnyy put' Rossii. Izbrannyye trudy. M.: Izdatel' A.V. Vorob'yev, 2022. 444 s.
9. Rastorguyev V.N. Tsivilizatsionnoye naslediyе slavyanskogo mira. M.: GASK, 2009. 36 s.
10. Rastorguyev V.N. Russkiy narod i mirovoye tsivilizatsionnoye naslediyе // Problemy kul'turnogo i prirodnogo sinteza. M.: IYYA, 2011. S. 23–31.
11. Rastorguyev V.N., Bespalova T.V. Patriotizm i russkaya tsivilizatsionnaya identichnost' v sovremennom mire. M.: Institut naslediya, 2017. 224 s.
12. Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: vysshiye tseli i al'ternativy razvitiya: Kollektivnaya monografiya po materialam Yubileynykh mezhdunarodnykh Panarinskikh chteniy, posvyashchennykh 75-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Panarina / Otv. red. V.N. Rastorguyev; nauch. red. A.V. Nikandrov / Ros. nauch.-issled. in-t kul'turnogo i prirod. naslediya im. D.S. Likhacheva (In-t Naslediya); Mos. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, Filos. f-t. M.: Institut Naslediya, 2016. 400 s.
13. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M.: AST, 2003. 603 s.
14. Tsivilizatsionnoye razvitiye Rossii: naslediyе, potentsial, perspektivy. Kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. V.A. Cheresheva, V.N. Rastorguyeva. M.: Izdatel' Vorob'yev A.V., 2018. 440 s.
15. Yaspers K. Smysl i naznacheniyе istorii. M.: Respublika, 1994. 527 s.

Ю.М. Резник

Цивилизационные модели в современной России: системные и внесистемные признаки

Yuriy M. Reznik

Civilization models in modern Russia: systemic and non-systemic features

Цивилизация есть историческое местобитие человека, которое разворачивается в конкретных условиях места (ареале) и времени (эпоха). В ее основе лежит связка «человек – место», характер взаимоотношений между которыми определяет тип цивилизации. Российская цивилизация принадлежит к «смешанным» моделям, поскольку в ней сосуществуют и противоборствуют друг с другом две основные модели, которым соответствуют разные фундаментальные идеи: субъекто-центризм, выражающий идеи всемирности и доминирования в мире, и место-центризм, представленный идеей державности. В процессе эволюции российская цивилизация приобрела еще один сущностный признак – экологичность (идеи сбережения местобития человека и сбалансированного развития его сторон).

В ходе анализа было установлено, что цивилизационные модели, сосуществующие в современной России, характеризуются разными представлениями о всеобщности (идеальном или желательном общежитии людей), тем или иным способом взаимодействия человека и места, типом человека, средствами самовоспроизводства и пр. Их можно условно разделить на субъекто-центричные, символизирующие стремление к господству человека над местом (состояние всемирности), место-центричные, выражающие зависимость от места и сверх- или суперсистемное качество союза государств как политического и культурного целого (державность), и экологические, обеспечивающие гармоническое единство с местом и систематическую заботу о нем (экологичность).

Автор показывает на примере анализа системной теории Н. Лумана, что державность и другие признаки российской цивилизации носят в целом системный характер, но при этом выступают сверх- или суперсистемными характеристиками, которые интегрируют общества и государства в единое политическое и культурное целое. Он приходит к выводу о том, что Россия имеет исторический шанс состояться как экологическая цивилизация, если ей удастся освободиться от формально-бюрократических оков различных квази-систем и преодолеть системную коррозию.

Ключевые слова: человек, местобытие, место, мир, история, цивилизация, смыслы, всеобщность, эпоха, вещи (артефакты), коммуникации, всемирность, державность, экологичность, экологическая цивилизация, Россия.

Civilization is the historical place of human existence, which unfolds in the specific conditions of the place (area) and time (epoch). It is based on a bundle of “man – place”, the nature of the relationship between which determines the type of civilization. Russian civilization belongs to “mixed” models, since two main models coexist and compete with each other, which correspond to different fundamental ideas: subject-centrism, expressing the ideas of universality and domination in the world, and place-centrism, represented by the idea of statehood. In the process of evolution, Russian civilization has acquired another essential feature – environmental friendliness (the idea of saving human habitation and balanced development of its sides).

During the analysis, it was found that the civilizational models that exist in modern Russia are characterized by different ideas about universality (ideal or desirable community of people), one way or another of interaction between a person and a place, type of person, means of self-reproduction, etc. They can be conditionally divided into subject-centric, symbolizing the desire for human domination over the place (the state of universality), place-centric, expressing dependence on the place and the quality of the union of states as a political and cultural whole (statehood), and ecological, ensuring harmonious unity with the place and systematic care for it (environmental friendliness).

The author shows by the example of the analysis of N. Luman’s system theory that statehood and also some other signs of Russian civilization are generally systemic in nature, but at the same time they also act as supersystem characteristics that integrate societies and states into a single political and cultural whole. He concludes that Russia has a historic chance to take place as an ecological civilization if it manages to free itself from the formal bureaucratic shackles of various quasi-systems and overcome systemic corrosion.

Keywords: person, place of existence, place, world, history, civilization, meanings, universality, era, things (artifacts), information, navigation, communications, universality, sovereignty, environmental friendliness, ecological civilization, Russia.

1. Цивилизация как историческое местобытие людей (введение)

В последние годы проблема человека и его роли в цивилизации поднимается все чаще и чаще. При этом важно учесть идейные предпосылки, которые сложились в трудах классических евразийцев, а также представителей современной гео- и экофилософии (Г. Бейтсон, Ф. Гваттари и др.). Именно они впервые обратились к проблеме местобытия и месторазвития.

Начну с исходных посылок. Человек есть сущее, которое имеет свое место в мире. Место (греч. τόπος, лат. locus) – локализованное в пространстве и во времени расположение или нахождение чего-либо (кого-либо). В истории философии местом с определенными комментариями называли точку в пространстве, которая выступает «вместилищем тел» (Платон), «объемлющим» (Аристотель), «положением вещей» (Декарт), способом «существования тел» (Х. Вольф) и пр.

Применительно к человеку местом может быть определенная сфера жизни, положение в обществе. А местобытие включает в себя, помимо человека, группы или общности людей и места их бытия (сферы жизни), еще и культуру, которая содержит: (1) смыслы и ценности, выражающие тот или иной тип субъектности; (2) локации как ориентации в пространстве, непрерывно меняющиеся ориентиры местоположения или координаты ситуации; (3) вещи, используемые людьми (артефакты); и (4) информацию, передаваемую посредством коммуникаций (см. прим. 1).

Цивилизация в свою очередь есть историческое местобытие людей, которые объединены общей культурой и посредством нее творят свою собственную историю. Это – процесс и результат движения человека в составе локальной общности (группы обществ или стран) к состоянию всеобщности, т.е. идеальному или желательному с их точки зрения общежитию. Простейшим звеном цивилизации выступает единичное человеко-место. Место же цивилизации в целом – конкретный культурно-природный ареал, в котором сложилась определенная конфигурация человеко-мест, необходимая и достаточная для достижения состояния всеобщности.

Опыт цивилизационного развития современных стран показывает, что сегодня сложились условно две основные модели взаимодействия человека и места и соответствующие им цивилизационные модели: доминирование человека над местом («субъекто-центричные» модели) и подчинение человека месту («место-центричные» модели). К первой группе относится западная цивилизация и ее субуровни (США, Западная Европа, Австралия), ко второй – преимущественно восточные цивилизации (Арабский Восток и Юг, Иран, Китай, Индия, Япония и др.). Имеется также третья группа – «смешанные» модели цивилизации, сочетающие в своем развитии субъекто-центризм и место-центризм (Латинская Америка, Африка, Россия). Можно предположить, что в перспективе именно у место-центричных и «комбинированных» цивилизаций, появится возможность стать на путь построения эко-центричной (экологической) модели цивилизации.

Российская цивилизация как историческое местобытие людей базируется на трех «китах»: всеобщности, представленной в виде всемирности (стремлении быть всем со всеми и собой с другими), державности (духовно-идеологическом стержне цивилизации в России) и экологичности (способе бережного или «сберегающего» освоения окружающего мира). Поэтому цивилизационное будущее России зависит от того, насколько коэволюция всех этих начал будет успешной, и какая из моделей цивилизации в конечном счете «возьмет верх».

Всеобщность характеризует в данном случае утвердившиеся в локальной совокупности человеко-мест базовые представления об идеальном или желательном общежитии людей. А всемирность я рассматриваю как конкретно-

историческое преломление всеобщности, которое в наибольшей степени присуще России. В моем понимании это – стремление быть всем со всеми, а значит – быть собой для других и другим – для себя. Такая интерпретация близка к пониманию всесубъектности (А.В. Смирнов). Она указывает на способность совокупного субъекта (обществ, государств, народов) выражать историческую всеобщность, изменяясь изнутри, а не только снаружи.

Так, например, чтобы быть русским, недостаточно знать русский язык и соблюдать определенные правила поведения. Необходимо думать, как русский человек, проживающий в том или ином регионе страны и, следовательно, учитывающий своеобразие местных обычаев и традиций. А еще необходимо научиться понимать бурята, башкира и представителей других этносов. И здесь мало быть знатоком местных традиций. Для этого еще придется изменить структуру своего сознания, приобрести этнокультурные черты других народов, а тем самым обогатить себя изнутри. Чтобы такое транскультурное общение состоялось, потребуется, оставаясь русским с бурятом, стать немного бурятом внутри себя и с самим собой.

Но всемирность означает еще и способность данной совокупности человеко-мест к историческому творчеству, а также выход за пределы национальных особенностей в мир иного бытия. Это – инобытие духа народов и стран, претендующих на мировое признание и собственный путь цивилизационного развития.

Могу также допустить, что для прошлого и настоящего России характерен определенный симбиоз всемирности и державности (сферы наднациональной или надгосударственной жизни людей), представленный чаще всего в виде отдельного государства-цивилизации, понятие которого, как известно, активно разрабатывается в последние годы ведущими отечественными философами (см., например: [4]). Державность близка по смыслу, но не тождественна понятию соборности, т.е. свободного духовного единства людей, объединенных общей культурно-исторической миссией и посредством братской любви.

Державность олицетворяет собой, прежде всего, мощь, силу и авторитет великого государства, охватывающего конкретно-исторический ареал (совокупность человеко-мест) и распространяющего свое влияние далеко за пределами страны. Вместе с тем держава – это объединительный (и объединяющий) центр, вокруг которого складываются анклавов, родственные в культурном отношении и разделяющие идею служения объединенному государству (союзу государств). Кроме того, это страна, опирающаяся не только на мощь государства, но и на народы с их самобытной и многонациональной культурой, которая связана историческими узами с принявшей их и породнившейся с ними территорией жизни (культурно-географический ареал).

Наконец, еще одним существенным признаком цивилизационного развития России, кроме всемирности и державности, выступает экологичность, которую я буду рассматривать здесь как способ гармоничного сосуществования человека с миром, а также его бережного и заботливого отношения к своему месту. Увы, пока экологическое поведение большинства людей и реальная экологическая политика российского государства далеки от соблюдения критерия экологичности. Сбережение данной совокупности человеко-мест и всей среды обитания не стало еще ее главным приоритетом.

Отдельно следует сказать о типичном для российской цивилизации человеке. Сегодня можно наблюдать как минимум три типа: эмо-деятель (человек, зависимый в своих действиях от места, окружения), эго-деятель (человек, ориентированный в первую очередь на себя и личную выгоду) и эко-деятель (человек, стремящийся достичь гармонии с местом, окружением и с самим собой). Деление между ними условно. При этом естественно может возникать множество «смешанных» или промежуточных типов. Эмо-деятель чаще всего выступает носителем державности. Это – настоящий патриот, «державник» и сторонник традиций. Эго-деятель как самый массовый тип человека, присущий субъекто-центричной модели цивилизации, особенно преобладает в сферах экономики и политики. Он ориентирован прежде всего на достижение личного успеха. Эко-деятели можно встретить в сферах образования, природоохранной деятельности, здравоохранения и пр. Он выступает своего рода защитником «территории жизни» цивилизации, ее культурного и природного ареала.

Таким образом, мне предстоит обосновать для начала то, что в России сложились, сосуществуют и противостоят друг с другом несколько цивилизационных моделей: место-центричная, тяготеющая к восточным цивилизациям, субъекто-центричная, ориентированная на Запад и его цивилизации, и экологическая, указывающая на сберегающий (и оберегающий) потенциал народов России. И пока нужно признать, что ни одна из этих онтологических моделей не утвердилась в ней окончательно. Именно это предположение позволяет мне относить Россию к «смешанному» типу цивилизаций.

Кроме того, цивилизационные модели, взаимодействующие внутри российской цивилизации, являются также носителями фундаментальных идей об обустройстве человеком места своего бытия: местоцентричная – державность как идея служения человека политическому целому; субъекто-центричная – всемирность как идея всемирно-исторического творчества, переустройства мира на тех или иных началах; экологическая – идея сбережения человека и его окружения. По сути дела, это и есть главные цивилизационные идеи, которые определяют содержание той или иной исторической эпохи.

Представлю вначале предварительные результаты анализа России как исторического местобития человека с учетом его культурно-цивилизационного разнообразия (см. Табл. 1).

Таблица 1. Модели цивилизации в современной России

Культурные средства взаимодействия человека и места	Типы моделей		
	<i>Место-центричная</i> (державность – идея служения политическому целому в конкретном месте и времени)	<i>Субъекто-центричная</i> (всемирность – идеи исторического творчества и политического доминирования в мире)	<i>Экологическая</i> (экологичность – идея сбережения человека и всего его социоприродного окружения)
Базовые представления о всеобщности (желаемом или предпочитаемом общезжитии)	Уникальная всеобщность, представленная местными традициями и локальными смыслами («стояние» или пребывание народов и стран в историческом измерении ради сохранения привычного для них миропорядка)	Глобальная всеобщность, выражающая универсальные смыслы и стандарты жизни эго-деятеля («созидание» народов и стран в историческом измерении, установление предпочтительного для них миропорядка)	Гармоническая и все-субъектная всеобщность, культивирующая мирное сосуществование человека и других, благоприятных для него форм жизни («сбережение» народов и стран с целью гармонизации существующего миропорядка)
Способ взаимодействия между человеком и местом	Подчинение человека месту (местоцентризм)	Подчинение места человеку (субъекто-центризм)	Сбалансированное и гармоничное сосуществование (эко-центризм)
Типичный человек цивилизации	Эмо-деятель (человек, ориентированный на место – положение в группе, сообществе)	Эго-деятель (человек, ориентированный на себя и корпоративные интересы)	Эко-деятель (человек, ориентированный на поддержание баланса с местом)
Где и кем выработываются главные смыслы и ценности местобития?	За пределами места – субъектом трансценденции (правители, императоры, духовенство, старейшины и пр.)	Самим человеком с использованием его опыта и имеющихся знаний о месте	Одновременно человеком и местом, в диалоге между ними
Как происходит навигация?	По заранее установленному маршруту (карте места, плану бытия)	Человек сам ориентируется в условиях места, не прибегая к помощи посредников	Ориентирование человека в месте происходит с участием последнего
Средства самовоспроизводства	Самореференция, автопоззис, самоопи-сание (самонаблюдение) и контроль	Транспаренция, обладание (владение) местом	Сотрудничество, участие, совладение, жизнетворчество и поддержание форм жизни

Таким образом, эволюция российской цивилизации характеризуется сосуществованием и противоборством трех моделей цивилизационного развития. Но на данном историческом этапе основная борьба разворачивается между субъекто-центричной моделью, культивирующей созидание и привязанной символически к территории чужой цивилизации (имперская цивилизация Запада), с одной стороны, и место-центричной моделью, тяготеющей к восточным цивилизациям и олицетворяющей собой державность (государство-цивилизация), с другой стороны. В силу отсутствия традиций сбережения местобития и необходимого практического опыта (должного уровня развития сберегающих технологий) экологическая модель пока не может выступить в качестве исторической альтернативы «смешанной» модели.

2. Державность – характеристика российской цивилизации как суперсистемы (на примере анализа системной теории Н. Лумана)

Главная угроза для российской цивилизации и ее державности исходит от формально-бюрократических систем и систем криминализованного бизнеса. Поэтому, чтобы понять природу последних, изложу вкратце свои суждения по поводу системной коррозии цивилизации в России, используя и критически переосмысливая некоторые положения системной теории современного немецкого социального теоретика Н. Лумана (см.: [1–5]). Для того, чтобы отграничить «нормальные» системы от систем, деформированных воздействием бюрократизма и криминала, я буду использовать термин «квази-системы».

В данном параграфе я попытаюсь показать, что державность есть не просто системное, а супер- или метасистемное качество российской цивилизации, которое в определенных исторических условиях интегрируется в особую систему – государство-цивилизацию. Приставка «супер» (от лат. *super* – сверху, над) используется мной для характеристики феномена державности, выходящего по своему значению за рамки обычных систем, в т.ч. государства. Суперсистемность характеризует то, что расположено сверху систем или над ними. Державность в известном смысле есть «система систем». Она выступает надстройкой над государством и обществом. Это то, что выражает исторический масштаб (уровень величия и могущества) конкретного государства или ряда государств, связывая их в единое целое вместе с народами стран, их культурным разнообразием, т.е. с местами или культурно-географическими ареалами. По отношению к цивилизации державность выступает в виде ее интегративного (прежде всего, политического и духовно-идеологического) центра.

С этой точки зрения необходимо различать, с одной стороны, державу как интегративную систему, поддерживающую дух общего дела, о котором писал еще в позапрошлом веке наш великий соотечественник, философ Н.Ф. Федоров,

а также межнациональное единство и духовное согласие, а с другой стороны, формально-бюрократические системы, в т.ч. авторитарное государство, корпорации и др., которые, хотя и пытаются выступать от имени всего общества, но все же служат интересам собственных правящих групп.

Система и окружающий мир. Системное своеобразие державности. Как известно, отправным моментом системной теории Н. Лумана является понятие самореферентных систем. Системы самореферентны, поскольку «...при конституировании своих элементов и элементарных операций соотносятся сами с собой (с элементами той же системы, с ее операциями или с ее единством)» [4, с. 32]. Они отделяют себя от окружающего мира, который «является необходимым коррелятом самореферентных операций...» [4, с. 33]. Здесь мы имеем дело с двуединством – системой и окружающим миром. Применительно к российской цивилизации держава – это «место», которое трудно изменить ненасильственным образом, по крайней мере, извне. Однако она может меняться сама по себе (самотрансформируется), о чем свидетельствует исторический опыт, и соотноситься опять же с самой собой (самореферентируется). Державная цивилизация формируется, как уже было сказано, не одной системой, а несколькими родственными в культурно-историческом плане системами (например, содружеством государств).

Далее. По Н. Луману, люди для системы являются частью окружающего мира, который выступает скорее источником ресурсов, чем причиной их изменения. Судя по всему, система распоряжается ими по своему усмотрению, как и другими ресурсами. Не случайно человек у Лумана вытеснен из системы в окружающий мир. У него (человека) имеется только один выбор: входить или не входить в систему. Если он входит в нее, то обязан подчиняться ее требованиям и принимать правила членства. В нашем же случае те, кто воспринимает себя в качестве члена державной цивилизации, перестают быть частью окружающего мира. Они интегрированы не только в систему, но и в окружающий мир цивилизации.

Следовательно, концепция Н. Лумана, построенная на основе различия «система – окружающий мир», не совсем применима к анализу державной цивилизации. Система – это то, что способно отличать себя от внешней среды и воспроизводить с ней границу, в т.ч. с человеком. А держава (как супер- или метасистема) находится над системами (государствами), а значит, она способна соединить в единый культурно-исторический универсум как системы, так и их «внутренние» или «внешние» окружающие миры. Вот почему я характеризую державность как объединительную силу или способность объединять системы и их окружающие миры, а державную цивилизацию – как объединение дружественных стран, государств и народов, возникающих исторически на основе определенной совокупности человеко-мест и благодаря решающей роли общей для них культуры.

Следовательно, в исторической эволюции России именно держава стала той суперсистемой, которая скрепила воедино всю совокупность человеко-мест, находящихся в конкретном культурно-географическом ареале. А державность при этом послужила ей опорой в самые трудные времена и позволила сохранить в итоге саму цивилизацию, в т.ч. ее уникальный культурно-географический ареал.

Система же в понимании Лумана всегда (и непрерывным образом) отделяет себя от среды, вынося за скобки человека и мир его жизни. Так функционируют, на его взгляд, системы типа «экономика», «государство», «организация» и др. Цивилизация же (как предельно широкое местобытие человека), хотя и поддерживает автономию, интегрирована в свою очередь вместе со своим окружающим миром в «большой» мир (мировую цивилизацию) и является его неотъемлемой частью. Но в любом случае это – единство не двух сторон, как у Лумана («система – окружающий мир»), а трех сторон местобытия («человек – культура – место»), где окружающим миром для человека выступает сама цивилизация, включая ее место – культурно-географический ареал. Поэтому человек, находящийся «внутри» цивилизации, чаще всего сталкивается с искусственной средой обитания, которая создана другими людьми до него и одновременно для него, поскольку никто не отменял императива культурной преемственности поколений.

Системы у Лумана обладают «...способностью устанавливать отношения с собой и дифференцировать их от отношений с окружающим миром» [4, с. 39]. К тому же «самореферентные системы являются... закрытыми системами, так как они и в своем самоопределении не допускают никаких иных форм осуществления этого процесса» [4, с. 66]. А держава как суперсистемное образование одновременно закрыта для взаимодействия, не допуская к себе враждебные страны, и открыта, используя преимущественно «смешанные» (системные и транспарентные) формы коммуникаций. Сам же Луман утверждает, что его «...концепция самореферентно-закрытой системы не противоречит открытости систем окружающему миру; закрытость самореферентного способа оперирования является скорее формой расширения возможных контактов с окружающим миром» [4, с. 69].

И здесь я вижу некоторое противоречие в построениях Лумана: закрытая система не может строить свои отношения с окружением открытым и транспарентным образом, не теряя при этом свою закрытость или замкнутость на самой себе. Такая система не усиливает комплексность среды, а, напротив, унифицирует отношения с ней, и тем самым контролирует и саму среду. Если принять этот тезис в качестве исходной посылки, то получится, что держава, будучи надсистемной надстройкой над различными политико-государственными образованиями, стремится, желая того или нет, к установлению контроля над ними. В этом смысле она является закрытой системой.

Но вместе с тем держава предоставляет каждому человеку возможности расширенного воспроизводства, наделяя его значительной силой и облекая в духовно-идеологическую броню.

Но, исходя из понимания Лумана, цивилизация не может быть системой по определению, хотя она имеет не только смысловые, но и ценностные границы, и в то же самое время обладает свойствами комплексности, самореферентности и автопоэтичности. И дело не только в том, что в отличие от системы типа государства держава, будучи не только закрытым, но и открытым образованием, свободно определяет свои отношения с входящими в нее конвенциональным образом различными субобразованиями (странами, этносами и пр.). Проблема заключается также в том, что держава, претендуя на интегративную (объединительную) в политическом и духовно-идеологическом плане роль в цивилизации, будет вынуждена приводить разные окружающие жизненные миры к общему знаменателю, т.е. типизировать их разнообразные культурные практики и подчинять их единому алгоритму.

Решение данной проблемы я вижу в том, что российская цивилизация является не просто надстройкой над местобытием разных стран или народов, связанных культурно-историческими узами, географическими условиями и нахождением в составе единой державы, а метакультурной общностью, которая вырабатывает своеобразный культурный кодекс и руководствуется им на протяжении длительного времени. И все это становится возможным благодаря таким сверхсистемным скрепам, как державность. Вот почему последняя характеризует не только политическую, но и духовно-идеологическую форму местобытия российских людей. Она «привязывает» их к месту бытия (ареалу) посредством идей служения единому политическому целому (державе) и политического влияния в мире, предлагая тем самым им идейную опору, в т.ч. свое видение желательного для нее миропорядка.

Различение «система – окружающий мир», по мнению Н. Лумана, подрывает тематику господства/подчинения. Однако, на мой взгляд, оно его не подрывает, а лишь расширяет. Система у Лумана изначально построена так, что среда является для нее объектом не только наблюдения, но и подчинения. Последняя вторична по отношению к системе и зависит от нее, поскольку не обладает тем же уровнем комплексности и организованности, что и сама система. Мир же есть смысловой горизонт или символический фон для системы. Вместе с тем для Лумана это – смысловое единство различия системы и окружающей среды [4, с. 279]. Так что цивилизация для него является скорее аналогом системы, где страны-участницы устанавливают тематическое содержание и правила членства.

На самом же деле все происходит несколько иначе: цивилизация сложнее, а значит, комплекснее, чем любая система, в том числе и государство. Последняя склонна упрощать среду, искусственно сужая спектр своих действий

и приспособлявая ее к своим потребностям. Вот почему цивилизация как система у Н. Лумана невозможна в принципе. Ведь он рассматривает окружающий мир как негативный коррелят системы. Поэтому цивилизация у него, как и весь мир вокруг, включая человека, – это просто «все остальное» для тех или иных глобальных систем, которые стремятся к мировому господству или к доминированию [4, с. 247]. Так, например, поступают имперские государства, ведущие непрекращающуюся борьбу за сферы влияния. При этом они пытаются подчинить себе цивилизацию, используя ее ценности в качестве маркеров, отличающих ее от остального, чаще всего «подчиненного» (колонизированного) мира и закрепляющих их доминирование в нем.

Н. Луман утверждает, что конфликты между системами не затрагивают их отношений со своими окружающими мирами. Но при этом он же допускает, что это возможно путем деструкции, т.е. взаимного уничтожения систем [4, с. 44]. А значит, миры жизни людей, являющиеся средой для определенных систем, могут быть, в принципе, как подвергнуты тотальному контролю со сторон родственной с ними системы, так и разрушены другими системами в результате их экспансии.

В известной мере это относится и к воздействию глобальных систем на цивилизации. Систему, которая подчиняет себе цивилизацию, используя ее символический образ, а также хозяйственный и военно-политический потенциал конкретного объединения стран или народов, я называю империей. Другими словами, империя – это политическая форма господства такой системы, как государство, над мирами жизни людей, в т.ч. цивилизациями. Последняя превращается искусственным образом в ценностную оболочку («операционную систему») империи. По сути дела, империя есть глобальная квази-система государств, подчиняющая себе окружающий мир или пытающаяся установить над ним свой контроль.

А в качестве примеров новых имперских цивилизаций (цивилизаций-империй) современности можно привести США, Китай и отчасти Евросоюз. Именно между этими имперскими по форме государствами и ведется самая ожесточенная борьба за раздел остального мира. При этом США и их союзники в Европе используют метакультурную оболочку западной цивилизации, провозглашая в качестве универсальных ценностей свободу, рынок, демократию и пр. и прикрываясь ими же в своих агрессивных действиях.

Россия же, которая исторически сложилась как державная цивилизация, не изжившая в себе до конца признаков имперскости, вольно или невольно оказалась в поле противостояния имперских систем. В отличие от других стран, принадлежащих к имперским цивилизациям и претендующих на мировое господство, российская держава не стремится к установлению контроля над сопредельными территориями, если это не угрожает ее собственной безопасности. Ей достаточно иметь прочный и устойчивый союз

с ними. К сожалению, далеко не все соседи так воспринимают державность России, а некоторые из них ведут с ней ничем не прикрытую борьбу на информационном, идеологическом и военно-политическом уровнях.

Системные и внесистемные (транспарентные) коммуникации. И еще я хочу отметить один важный момент. Напоминаю, что системы состоят, по Луману, не из людей, подчиняющихся правилам, а из коммуникаций, которые разлагаются далее на действия и события [8, с. 150]. Их границы определяются специфическим смыслом, представленным в виде тематического содержания коммуникаций (см. прим. 1). Именно это обстоятельство делает эти системы закрытыми, поскольку вход в них для «посторонних» ограничен.

Следовательно, системы в трактовке Н. Лумана и жизненные миры людей находятся на разных полюсах социальной жизни, поскольку те и другие формируются коммуникациями двух разных типов – системными и транспарентными. Системные коммуникации образуют экономику, политику и формальное право. В жизненном же мире они неэффективны и даже деструктивны. В нем преобладают транспарентные (сквозные, прозрачные) коммуникации.

Системные коммуникации суть процессы обмена информацией (сообщениями), которые осуществляются между участниками событий как внутри систем, так и между ними, по поводу поддержания целостности этих систем. За данными пределами они перестают быть системными. Поэтому «...системная дифференциация является не чем иным, как рекурсивным образованием систем, использованием образования систем ради достижения собственного результата» [3, с. 9]. Напротив, коммуникации в жизненном мире людей осуществляются в транспарентной форме. Они открыты и референтны, т.е. постоянно соотносятся с окружающей средой и опосредуются ею.

Возможно, данное допущение побудило Ю. Хабермаса к созданию собственной теории коммуникативного действия, в которой системный и жизненный миры не только противостоят друг другу, но и являются взаимодействующим единством как в рамках всего социума, так и на уровне индивидуальной жизни человека. В качестве своеобразной буферной зоны между ними выступает гражданское общество, вырастающее из процессов самоорганизации жизненного мира.

Можно предположить, что в цивилизациях осуществляются как транспарентные, так и системные коммуникации. Системный (точнее – метасистемный) характер носят отношения индивидов и групп, складывающиеся в общей для них державе, а внесистемный (транспарентный) – там, где они встречаются лицом друг к другу и создают метакультурную общность, вырабатывая общий культурный кодекс и согласуя конвенциональным образом разные решения.

Здесь важно понять, почему Н. Луман, следующий принципу двойной контингенции, допускает возможность разногласий между агентами внутри системы. Но если каждый участник системной коммуникации может иметь собственный смысл, отличный от смысла всей системы, то как тогда возникает социальная система? Ведь для ее образования необходимо поддерживать иерархию смыслов, в которой «высшие» смыслы системы признаются приоритетными для всех участников коммуникаций.

Именно так протекают коммуникации на державном уровне российской цивилизации. Здесь высшие смыслы и идеи суперсистемы (российской державы), в т.ч. служение единому политическому целому, территориальная целостность и т.д., принимаются как императивы повседневного поведения. За ними следуют смыслы и ценности, вырабатываемые субцивилизационными уровнями (народами, крупными этносами и пр.), обладающими специфической культурой и собственными ареалами.

Таким образом, граница между транспарентными и системными коммуникациями проходит в смысловом пространстве социальной жизни: в системных мирах господствуют специфические смыслы, отделяющие системы от окружающего мира и дающие им преимущества перед ним; в мирах же повседневной жизни людей преобладают их личностные смыслы и страсти, органически вплетенные в ткань внешней среды. Цивилизации же соединяют в себе системные и жизне-мировые начала. Это относится и к державной цивилизации, сложившейся в России.

3. Экологические аспекты развития систем. Экологичность российской цивилизации

Надо признать, что Н. Луман не случайно поднимает экологическую проблематику в своей системной теории [2]. Он справедливо отмечает, что экологию часто смешивают с окружающим миром (environment), не воспринимая ее буквально как «домовое устройство мира» [2, с. 138]. Одомашнивание мира побуждает многих людей выходить за пределы заранее предопределенных системных коридоров, которые направляют людей в конкретное русло. Но именно экология дает нам представления о том, что общество как система может быть не самой благоприятной средой существования для большинства миров жизни людей.

Проблема состоит в том, что система замещает собой место бытия, выхолащивая его суть и ослабляя связь с человеком. Поэтому в системной паутине Лумана оказываются места не только обычных людей, но и самих исследователей, которым отводится совсем другое место в системе науки, чем то, которое они реально занимают в мире научной жизни.

Учитывая требование допустимого вмешательства систем в социоприродные процессы цивилизации, полагаю, что России не следовало бы идти по пути Запада, выстраивая по его цивилизационным шаблонам политическую организацию, культивируя рынок, демократию и так называемое гражданское общество. Как показал исторический опыт, это – тупиковый и деструктивный путь. Ведь у нас так и не сложилось гражданское общество с теми признаками, которыми оно характеризуется в западной цивилизации. Но стоило ли тогда искать там ответы на собственные цивилизационные вызовы, если у нас на протяжении веков сформировались и уже не раз проявили себя иные формы общественности? А это – соборное, а точнее – державно-соборное общество, которое воплотило в себе идеалы многих поколений людей, внесших свой значимый вклад во всемирно-историческое творчество России. Ему соответствует общенародное государство, в исключительной собственности которого должны находиться земля, недра, другие природные ресурсы (леса, водные и рыбные ресурсы, заповедники, национальные парки и пр.) и культурные памятники страны.

Державно-соборное общество, как и вся державная цивилизация в целом, в отличие от гражданского (буржуазного, по К. Марксу) общества, состоящего по сути дела из собственников, имеющих независимые от государства источники существования и проявляющих активность лишь в тех случаях, когда нарушаются их незыблемые права, базируется на принципиально иных основаниях:

1) на свободном духовном союзе всех людей, разделяющих общие цивилизационные (метакультурные) ценности и смыслы;

2) на прочной связи человека и места его бытия, на всей совокупности человеко-мест, которая порождает уникальный культурно-географический ландшафт – благоприятную среду существования всех российских людей;

3) на началах справедливости и братской любви людей, совместно владеющих природными ресурсами и культурными достижениями страны, а также создающих свое местобытие во всемирно-историческом масштабе;

4) на осознании исторического величия собственной страны и могущества общенародного государства, которое должно управляться лучшими и систематически обновляемыми представителями всех наций, групп и сословий («правлящим отбором»), а также на деятельном участии в общем деле (цивилизационном строительстве);

5) на признании культурного разнообразия всех народов, национальностей и региональных сообществ, а также глубоком уважении к их традициям и местам бытия («территориям жизни»).

К этому перечню следует добавить критерии экологичности российской цивилизации. Быть экологичным означает для нее утверждать ценность жизни как таковой и поддерживать разнообразие всех форм жизни и забо-

титься о своем непосредственном, в т.ч. природном и культурном окружении. Экологичным считается то место бытия (ареал), которое вызывает у большинства людей «чувство дома» и где проявляется забота об их бытии. Таким домом для них может быть та цивилизация, в которой им удастся породниться с державой, принять ее высшие смыслы и ценности и в свою очередь наполнить ее деятельность своими смыслами, вещами, ситуациями и коммуникациями. Ведь вхождение людей в цивилизацию начинается, как правило, с навигации (ориентирования в географическом и культурном пространстве-времени), что предполагает далее «обживание» и «освоение» места (определенного культурно-географического ареала) и ценностно-смысловое наполнение эпохи.

Я убежден, что экологическая модель цивилизации в России, если мы научимся использовать ее познавательный и практический потенциал, поможет нам выработать средства противодействия экспансии систем разного уровня, прежде всего, поставить барьеры авторитарно-бюрократическому государству. В идеале экологическая политика должна пронизывать собой все стороны местобытия людей, трансформируя шаг за шагом различные системы в экосистемы, способные поддерживать сбалансированный обмен вещами, ориентирами и информацией с окружающей средой и не допускать разрушение последней. Но на практике она не является пока ведущим способом политического регулирования.

По-видимому, сильная экологическая политика возможна лишь в общенародном государстве. Поэтому будущее России зависит от того, удастся ли соединить новому «правлящему отбору» экологическую модель цивилизации с место-центричной (державной). Однако стать экологической цивилизацией – перспектива для России, хотя и отдаленная, но вполне реальная. Для этого ей потребуется раскрыть в полной мере свои идеалы всемирности и державности, обустроить страну в социально-экономическом плане на основе стратегии справедливого развития и обеспечить экологическую безопасность как внутри, так и вовне, прежде всего, в пограничном пространстве, где ее влияние по-прежнему остается значительным.

Внесу теперь некоторые уточнения и дополнения в анализ моделей цивилизации в России на современном этапе ее развития с учетом обоснованных выше положений (см. Табл. 2).

Таблица 2. Системные деформации моделей цивилизации в современной России

Культурные средства взаимодействия человека и места	Основные типы моделей		
	<i>Место-центричная (державность)</i>	<i>Субъекто-центричная (всемирность)</i>	<i>Экологическая (экологичность)</i>
Базовые представления о всеобщности	Уникальная всеобщность, представленная местными традициями и локальными смыслами эго-деятелей	Глобальная всеобщность, выражающая универсальные смыслы и стандарты жизни эго-деятелей	Гармоническая и всесубъектная всеобщность, поддерживаемая эко-деятелями, культивирующими мирное сосуществование разных форм жизни
Взаимоотношения со средой	Цивилизация как внешний мир для системы, ее периферия и ценностное обрамление («оболочка»)	Цивилизация как «внутреннее» содержание системы, ее ценностно-смысловое «ядро»	Цивилизация как продолжение окружающей среды и ее метакультурный инвариант
Положение человека в цивилизации	Положение, зависимое преимущественно от места в системе (позиции исполнителя, наблюдателя-контролера и управляющего)	Положение, зависимое преимущественно от активности самого человека (позиции агента или актора, модератора и медиатора)	Положение, зависимое в равной мере от места, всей окружающей среды и от человека (позиции помощника, консультанта, исследователя)
Особенности дифференциации цивилизации	Цивилизация разделена на функциональные подсистемы: экономика, политика, право, армия и др.	Цивилизация подразделяется на сферы человеческой деятельности: бизнес, власть, культурное влияние и пр.	Цивилизация дифференцирована в зависимости от характера места бытия человека: экосфера, психосфера, социосфера, техносфера и т.д.
Вид коммуникаций	Транспарентные (открытые и прозрачные) и системные (закрытые) коммуникации (см. прим. 2)		Экологические коммуникации
Характер коммуникаций (коммуникативных связей)	Место – главный источник трансляции сообщений (сообщения передаются от места к человеку)	Человек – субъект трансляции сообщений (сообщения передаются от человека к месту и принимаются им же)	Человек и место меняются ролями в процессе коммуникации (место «слышит» и понимает человека, а человек – свое место)
Тип вещественных связей	Совладение вещами, принадлежащими месту	Обладание (владение) вещами места	Свободный обмен вещами с местом

Таким образом, Россия переживает сегодня очередной цивилизационный кризис, связанный с противоборством двух основных моделей цивилизационного развития (место-центризм и субъекто-центризм), с одной стороны,

и с системными деформациями державности и других атрибутов цивилизации, с другой стороны. О последних стоит написать отдельно. Ее же движение в сторону построения экологической цивилизации, способной выработать реальные противовесы разрушительному воздействию авторитарно-бюрократического государства и криминализованного бизнеса, еще только начинается. Пока же мы имеем дело со «смешанной» или комбинированной моделью цивилизации.

5. Вместо выводов

Какое бы видение системы ни предлагали представители постфункционализма (Н. Луман, Ю. Хабермас, Дж. Александер и др.), система не может быть рациональной по сути, поскольку ей трудно установить контроль над окружающим миром. Другими словами, система не способна контролировать свои воздействия на среду по обратным воздействиям на саму себя. А значит, она будет вести себя непредсказуемо. «Однако проблемы деструктивного воздействия системы на окружающую среду чаще всего не являются предметом обсуждения участников коммуникации. Их самоописания и самонаблюдения не распространяются далее конкретных ситуаций взаимодействия. Такого рода рефлексивная деятельность должна осуществляться, по-видимому, специалистами по экологии, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями существования системы для внешней среды» [8, с. 154].

Подводя итог, следует отметить, что системная теория Н. Лумана, претендующая на универсальную характеристику социальной жизни, может объяснить нам лишь то, как системы описывают себя, определяют правила входа («членства») и отношения с окружающим миром. Но на ее примере можно также показать то, как системы (в особенности «квази-системы») опутывают своими коммуникациями миры жизни людей, проникая в них посредством символических посредников «деньги», «власть», «истина» и разрушая их изнутри. Коррозия поражает и сами системы со стороны миров жизни, проявляясь в форме псевдотранспарентных коммуникаций. И эти последствия, на мой взгляд, Луман как раз и не учитывает, когда предлагает нам свое видение систем. В лучшем случае он пишет о деструктивном характере воздействия системы на окружающий мир. Но этого недостаточно, чтобы понять природу системных мутаций моделей цивилизации в России. Отчуждение человека от места своего бытия достигает своего предела в условиях посткапитализма, ярким теоретиком которого был Н. Луман. Поэтому его аналитическая схема и легла в основу данной статьи. Но я попытался расширить применение его теории и применить к анализу такого симбиоза как «державная цивилизация» (или его аналога – «государства-цивилизации»).

В конце XX – начале XXI в. на смену классической системы капиталистической эксплуатации окончательно приходят более утонченные средства – цифровая экономика, тотальное видеонаблюдение, робототехника, биоинженерия, потребительские, информационные и сетевые технологии, в т.ч. нейросети, и пр. Вместе с тем появляются цивилизации имперского типа, которые вступили в новый передел мира, применяя новые средства уничтожения человека.

Следовательно, формы отлучения человека от места его бытия могут быть разными, но суть их одна, это – социальное отчуждение, которое происходит как на региональном или страновом уровне, так и на уровне цивилизаций, которые в ряде случаев срastaются с имперскими или державными системами, порождая симбиозы типа «государства-цивилизации».

Поэтому понятие цивилизации как особого мира жизни вновь приобретает свою актуальность. В обосновании же проекта переустройства мира по западным цивилизационным лекалам принимают участие ведущие философы США и Европы. Вот почему так важно нам, отечественным философам, вскрывать мировоззренческие и теоретические основания кризиса западной социальной теории и обнаруживать ее несоответствия цивилизационным реалиям современной России. При этом необходимо критически оценивать собственный опыт цивилизационного развития и показывать истоки социального отчуждения, разрушающего связь человека и места его бытия.

Ничто не только не вечно, но и не совершенно в этом мире. Нужно смотреть открыто и критически на противоречия российской цивилизации, которая еще не завершила процесс своего становления. Квази-системные мутации на ее теле могут порождать как желательных, так и не очень желательных спутников, в т.ч. своих политических двойников – различные формы империи. Но, увы, некоторые симбиозы цивилизации и системы (например, авторитарно-бюрократическое государство или империи) неизбежны в данную историческую эпоху и от них не стоит отмахиваться как от назойливых мух.

Поэтому мы, отечественные философы, обязаны прояснить картину происходящего в российской цивилизации и построить модель реально существующего цивилизационного порядка, если не хотим окончательно погрязнуть в системной паутине познания, предложенной нам Н. Луманом и другими западными теоретиками систем.

Реznek Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Yuriy M. Reznik – Sc.D. in Philosophy, chief research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
reznik-um@mail.ru

Список литературы

1. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
2. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
3. Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 320 с.
4. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007. 360 с.
6. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного / Институт философии РАН. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.
7. Резник Ю.М. Мир жизни человека (событийный подход) / Институт философии РАН. М.: ИФ РАН, 2018. 103 с.
8. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию / Институт человека РАН. М.: Наука, 2003. 525 с.

References

1. Luman N. Vlast' / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Praksis, 2001. 256 s.
2. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema / Per. s nem. A.Yu. Antonovskogo. M.: Logos, 2004. 232 s.
3. Luman N. Differentsiatsiya / Per. s nem. B. Skuratova. M.: Logos, 2006. 320 s.
4. Luman N. Sotsial'nyye sistemy: Ocherk obshchey teorii / Per. s nem. I.D. Gaziyeva, pod red. N.A. Golovina. SPb.: Nauka, 2007. 644 s.
5. Luman N. Vvedeniye v sistemnyuyu teoriyu / Per. s nem. K. Timofeyeva. M.: Logos, 2007. 360 s.
6. Reznik Yu.M. Fenomenologiya cheloveka: bytiye vozmozhnogo / Institut filosofii RAN. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2017. 632 s.
7. Reznik Yu.M. Mir zhizni cheloveka (sobytiynnyy podkhod) / Institut filosofii RAN. M.: IPh RAN, 2018. 103 s.
8. Reznik Yu.M. Vvedeniye v sotsial'nyuyu teoriyu / Institut cheloveka RAN. M.: Nauka, 2003. 525 s.

Примечания

1. Можно предположить, что коммуникация как смысловой процесс воспроизводит элементы системы путем передачи сообщений от корреспондента (сообщающего) к респонденту (получателю). Коммуникации производят себя посредством самих себя, связывая в одно эмерджентное целое информацию, сообщение и понимание. Поэтому и единицы коммуникации (события) имеют характер коммуникативных действий, передающих, сообщающих или принимающих информацию. При этом корреспонденты, присвоившие себе право задавать вопросы всегда находятся, подобно журналистам, в гуще событий, которые образуют условно символический центр системы. А за его пределами, на периферии чаще всего обитают респонденты, т.е. те, кто принимает информацию или отвечает на вопросы.

2. Термин «транспарентность» ввел Н. Луман для характеристики комплексности самореферентных систем (см.: [4, с. 17]).

Б.В. Грачев, Д.И. Дубровский

О месте российской цивилизации в современном мире
(Беседа Б.В. Грачева с проф. Д.И. Дубровским)

Bogdan V. Grachev, David I. Dubrovsky

Place of Russian civilization in the modern world
(Conversation of Bogdan V. Grachev and Prof. David I. Dubrovsky)

В наступающем году страна будет отмечать историческую дату – 80 лет победы в Великой Отечественной войне. В текущем году исполнилось 95 лет нашему коллеге, непосредственному участнику операции «Багратион», ветерану Великой Отечественной войны, главному научному сотруднику Института философии РАН, доктору философских наук, профессору Д.И. Дубровскому, значительную часть своей жизни посвятившему философии. Редакция попросила Давида Израилевича поделиться своим видением вопросов, связанных с особенностями российской цивилизации. В материале поднимаются вопросы истории становления российской цивилизации, анализируются ее ключевые ценностные характеристики, дается оценка ее места и роли в современном мире.

Ключевые слова: российская цивилизация, Россия в мире, противостояние Западу, иерархия ценностей, западные ценности, однополярный и многополярный мир, специальная военная операция.

The next year Russia celebrates a historical date – 80 years of the victory in the Great Patriotic War. This year our colleague, chief research fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, veteran of the Great Patriotic War, the participant in Operation Bagration, Doctor of Philosophy, Professor David I. Dubrovsky, who devoted a significant part of his life to the development of philosophy, has celebrated 95th anniversary. The editors asked David Izrailevich to share his vision of issues related to the peculiarities of Russian civilization. The issues of the history of the formation of Russian civilization are discussed, its key value characteristics are analyzed, and an assessment of its place in the world and role in the modern world is given.

Keywords: Russian civilization, Russia in the world, confrontation with the West, hierarchy of values, Western values, unipolar and multipolar world, special military operation.

Б.В.: Сегодня большое число исследований посвящено поискам идейно-ценностных оснований российского общества, в том числе этот вопрос рассматривается и в цивилизационном ракурсе. Признаете ли Вы существование феномена российской цивилизации и, если да, то каково его содержание?

Д.И.: Российская цивилизация – это тысячелетняя цивилизация. Это широкие просторы. Это богатейшая кладовая целого комплекса природных ресурсов. Не только нефть, газ, металлы, но и природа, лес, вода. Все это, несомненно, представляет предмет зависти для западной империалистической ментальности с ее стремлением к экспансии. Вопрос получения доступа к российским ресурсам практически всегда находился в актуальной повестке дня Запада, переходя в разные исторические периоды от одной страны к другой [15]. Неудивительно, что мы видели на своей земле и поляков, и шведов, и французов, и немцев – это были масштабные конфликты, в которых России приходилось отстаивать свое право на существование. Итак, во-первых, российская цивилизация – это огромная территория, огромный полиэтничный народ, противостоящий Западу. В.Н. Шевченко использует метафору «осажденная крепость» [19] – мне кажется, она очень точно передает те исторические условия, в которых происходило и происходит развитие нашего государства. Второе – это торговля с соседями, поиск взаимовыгодных форматов сотрудничества. Третье – важнейшее – это культура. Российская цивилизация сыграла колоссальную роль в культурном развитии человечества. Невозможно помыслить мировую цивилизацию без русской культуры. Великие поэты, писатели, композиторы, ученые – наши люди внесли неоценимый вклад во все сферы.

Участие России в формировании системы международных отношений также сложно переоценить. В XIII в. Европа оказалась как щитом прикрыта Русью от татаро-монгольского нашествия, получив возможность спокойно развиваться. В начале XIX в. благодаря России была одержана победа над Наполеоном, в результате чего Вестфальскую систему международных отношений сменила Венская. Тогда русская армия пришла в Париж и спасла европейские монархии от падения. Далее, в Первой мировой войне для поддержки союзников по Антанте наша страна начала боевые действия, не будучи готовой к этому, открыла новый фронт, что, кстати, стало одним из значимых факторов революции и начала гражданской войны в Российской империи. Наконец, победа во Второй мировой, формирование Ялтинско-Потсдамской системы, институтов ООН и т.д. То есть все наиболее значимые исторические события происходили при непосредственном участии России, и ее вклад часто оказывался наиболее значительным.

Еще один фактор – это ментальность русская, в основе которой лежит некое патриотическое чувство, любовь к Родине, ощущение Матери-земли. Отсюда – непримиримая нетерпимость к захватчикам. Отсюда рождается

страстное желание освободиться от оккупации. Несомненно, патриотические чувства имели большое значение для простых мужиков, которые вставали на защиту отечества все как один. Это ментальность, которая, конечно, культурно обусловлена. У нас есть архетипический образ Ильи Муромца с его тридцатилетним лежанием на печи и образ Микулы Селяниновича, в котором нашел свое точное воплощение русский народ-труженник. Приходит опасность, и богатыри встают и спасают родную землю. Почти каждый русский, наверное, несет в глубине себя эти образы, этот архетип богатыря, по крайней мере, знаком с ним. Веками, из поколения в поколение, передавались истории о наших героических личностях и в устных преданиях, и, я думаю, даже чисто генетически. Поэтому у нас исторически сильное партизанское движение. Поэтому деревенские бабы против солдат выходили с вилами. Это как бы изнутри идет, понимаете? С самых низов.

Б.В.: То есть получается, – попробую связать это с Вашей предыдущей мыслью, – что за два века татаро-монгольского ига сформировалась, выкристаллизовалась такая черта русского характера, как нетерпение к захватчикам и стремление освободиться от них, и мы видим, как эта особенность проявляется на протяжении всей российской истории?

Д.И.: Думаю, что да. Хотя ростки этого, наверное, были даже раньше. Эта черта находит свое выражение и сегодня. И это не единственная особенность. Хотелось бы сказать о присущей российской цивилизации уникальной иерархии ценностей. Это, с одной стороны, – цивилизация совести, с другой, – цивилизация подвига и героического самопожертвования. Это также цивилизация коллектива, точнее сказать, соборности. Значение влияния социума (семьи, ближнего круга, общины, общества и т.п.) на жизнь индивида в целом очень значительно, но не является при этом таким всепоглощающим, как это характерно для некоторых цивилизаций Востока [1].

Б.В.: А с какого времени можно говорить о Российской цивилизации?

Д.И.: На мой взгляд, о завершении процесса оформления российской цивилизации в полном смысле можно говорить со времен Московского царства. Киевская Русь тоже уже имела определенные атрибуты локальной цивилизации: язык, вера. Некая общая ментальность начинала формироваться еще раньше. Ведь даже если признать верными положения норманнской теории, это не отменяет того факта, что потомки варягов приобщились к традициям проживавших на этой земле людей, их потомки были уже русскими.

Тем не менее политическая раздробленность была явным индикатором того, что на тот момент цивилизационная идентичность еще не приобрела государствообразующего значения, а государство – это ядро, это та необходимая политическая форма, которая способна утверждать и распространять какие-то специфические культурно-ценностные, смысловые характеристики.

Не случайно сейчас все больший вес приобретает концепция не просто российской цивилизации, а именно государства-цивилизации [7].

Мы уже отметили влияние татаро-монгольского нашествия на формирование национального характера, но тут вот что хотелось бы добавить. С одной стороны, это сильно затормозило развитие Руси во всех сферах: и культурной, и социальной, и технологической. Но, с другой стороны, было одно очень важное следствие, о котором много писали евразийцы и многие после них. Это формирование такой уникальной национальной, или, может быть, правильнее сказать, такой цивилизационной черты, как способность к принятию другого, способность к культурной интеграции. Не к синтезу, не к унификации, не даже к конвергенции, хотя это, в известном смысле, процесс естественный, а именно к интеграции. И эта черта станет социальной основой по большей части мирного прирастания Российской империи новыми народами и этносами, базисом ее существования, и, впоследствии, развития союзных республик в формате советского государства.

Таким образом, общее культурное и политическое самосознание формировалось веками, постепенно укреплялось, но воцарение Ивана Грозного можно считать, условно, разумеется, некоторым символическим актом, отправной точкой для нашего государства-цивилизации, а Смутное время в этом контексте можно оценить как своеобразную историческую проверку, и Россия, я считаю, не только с честью прошла ее, но и стала сильнее.

Б.В.: Говоря об интегративности российской цивилизации, вы упомянули советский опыт. Как Вы полагаете, СССР наследовал ключевые цивилизационные характеристики Российской империи или все-таки правильнее было бы говорить об отдельном феномене советской цивилизации?

Д.И.: Это сложный вопрос. Конечно, прежде всего, мы должны отметить значение русского языка для жизни советского государства. Язык – основа не только коммуникации, но и сознания, мышления, способа смыслополагания [8]. Поэтому значение широкого внедрения русского языка в систему советского образования, в науку, в официальный дискурс сложно переоценить. Это был мощный центрирующий, организующий, направляющий фактор, который нашел отражение во всех сферах общественной жизни. Таким образом, преемственность советского по отношению к русской традиции отрицать невозможно.

Однако многое изменилось. Практически все идейное содержание дореволюционной традиции, вся философская мысль были религиозными. И одним из самых значительных в духовной сфере «переворотов» революции стал отказ от православия. Но ведь это не стало крахом цивилизации, крахом государства. Произошла смена власти, элит, вся политическая система изменилась, но государство смогло возродиться из пепла гражданской войны. Народ сохранил суверенитет над территорией, аутентичная цивилизация

не была разрушена, не влилась в какую-то другую цивилизацию. Она перестала быть православной – да, но не перестала быть русской. Появились новые идеологии – коммунизм, социализм. Кстати это очень гуманистические, ориентированные на человека идеологии, что, мне кажется, отвечает русскому духу. К тому же они несут в себе многие религиозные черты, в этой области есть научные исследования [6]. Идеология, мифология, религия – это все вероятельные структуры, которые всегда имеются в сознании человека, которые непременно проявляют себя, выполняя компенсаторную, организующую, проективную функции, и одна вероятельная структура, в принципе, может сменять другую.

Б.В.: А какова роль государства и вообще политического фактора в цивилизационной динамике?

Д.И.: Что касается государства – это необходимая форма, которая компенсирует слабость, недостатки и негативные свойства человека. Оно сдерживает людей в известных рамках, блокируя какие-то явные антисоциальные интенции. Но и само государство обременено некоторыми врожденными, генетическими недостатками. Это касается всех государств, и наше – не исключение, и нынешнее, и бывшее. В Советском Союзе было много очень ценного и хорошего. Но были вещи неприемлемые: пресс, чрезмерное принуждение, партийная иерархия. Нельзя было свободно заниматься философией.

Современная Россия выросла из советского государства. На первом этапе я радовался перестройке, были надежды определенные. Но началась приватизация, которая проходила в основном в интересах узкой группы лиц, тех, кто был связан с властью. Я знаю многих директоров заводов, которые стали владельцами этих заводов в результате приватизации. Советские руководители стали кто multimиллионерами, кто – губернаторами и т.п. – образовалась «новая» элита, включившая в себя новую прослойку лиц, необремененных высокими моральными стандартами. Очень опасная ситуация складывалась в стране при М.С. Горбачеве, потом при Б.Н. Ельцине. И правительственная элита, и интеллигенция были захвачены идеей либерализма. Эти люди, желавшие свободы, желавшие жить, как на Западе, вели страну к развалу, и, надо сказать, они преуспели: не стало Советского Союза. А потом уже в России, в некоторых ее регионах, стали критически сильными позиции сепаратистов, например, в Татарстане, на Урале, в Чечне [3; 12].

И в это смутное, можно сказать, время Господь, или какие-то глубинные факторы российской цивилизации привели к руководству страной В.В. Путиным. Он восстановил централизацию государства, выстроил вертикаль власти [14]. Без нее Россия распадалась. Он решил кавказский вопрос. Кавказ – наиболее горячий регион у нас. Сейчас там периодически случаются какие-то небольшие волнения, протесты (из недавнего, например, – антисемитские беспорядки в аэропорту Махачкалы), но это несистемные, малозначимые

по сути для федерального масштаба события, все это пресекается вовремя. И силовой блок, и пропаганда в этом плане проводят качественную работу. Кавказу материально помогают очень сильно, особенно Чечне. Чечня – это же сердцевина Кавказа, всегда она была самой беспокойной его частью, две чеченские войны мы пережили. Но сегодня Р.А. Кадыров называет себя солдатом В.В. Путина. В других республиках тоже кадры проверенные.

Заметим, что какого-то очевидного решения общественных проблем в начале 2000-х гг. просто не было, отменить приватизацию невозможно. Нужно было работать с тем, что есть и с теми, кто есть. Президент РФ оказался тогда в тяжелейшем положении, приходилось находить нестандартные ходы и принимать довольно сложные решения. Он приструнил губернаторов, олигархов. С какими-то кадрами В.В. Путин обошелся жестко, скажем, с М.Б. Ходорковским, Б.А. Березовским, но это стало основой диалога с олигархатом в целом, который сейчас, можно сказать, лоялен власти. То есть в тот момент он определил правила игры. Это не до конца сработало, конечно. Многие на Западе вложили деньги, а вот сейчас они их потеряли, и В.В. Путин оказался прав, он много раз говорил об опасности вывода капитала за рубеж.

Б.В.: Неоднократно, не только в 1990-е гг., наша страна проходила опыт радикальных общественных преобразований. Наблюдаете ли Вы сейчас какие-то социальные процессы, которые создают угрозу стабильности общества и государства?

Д.И.: Нет. Я думаю, что ничего подобного не наблюдается, принципиальных внутренних раздоров сейчас нет. И причину этому я вижу в продуманной политике В.В. Путина. В первую очередь я говорю о социальной политике последних лет. Мы видим повышение пенсий и льгот, эффективные демографические программы. Помимо либеральных идей 1990-х гг., сегодняшняя Россия наследует и другую, нелиберальную модель, применяет некоторые позитивные советские практики.

Должно с удовлетворением упомянуть о тех мерах, которые принимаются у нас для поддержки бедных и многодетных семей, военнослужащих, для стимулирования рождаемости. У нас по большей части сохраняется бесплатная медицина и образование. Бедность в России сегодня во многом побеждена, а ведь это была главная социальная проблема после 1990-х гг. Повысился жизненный уровень в стране, города преображаются, становятся красивее, современнее. Москва здесь, конечно, задает самую высокую планку, соответствует лучшим мировым практикам, но и в глубинке есть прогрессивные сдвиги. Высоко подняли сейчас сельское хозяйство: 120 миллионов тонн зерна собрали, небывалый урожай. Это полностью обеспечивает нас продовольствием. И мы еще экспортируем порядка 50 миллионов тонн. Очень многое изменилось к лучшему, и есть основания для разумного оптимизма.

Задан курс на обновление элиты, причем как политической, так и интеллектуальной. И это полностью отвечает общественному запросу. Это сложный процесс, но очень нужный, я внимательно наблюдаю за тем, как происходит ротация, укрепление государственного аппарата. Борьба с коррупцией приобретает реальные формы, и, главное, системный характер. На освобожденные места приходят действительно достойные люди.

Либеральная идеология и психология все еще имеют очень сильные позиции в нашем обществе, этот специфический дискурс проник во все сферы. Опасность этого заключается в том, что погружение в дискурс, действительно, меняет восприятие реальности, оценки которой производятся исходя из сложившейся, доминирующей терминологическо-языковой модели, не являющейся, разумеется, ценностно нейтральной. Выйти из этой системы координат невозможно без целенаправленной работы. Поэтому неудивительно, что даже в передовых научных кругах ведется ожесточенная дискуссия в этом направлении [5].

На социальном уровне это противоборство тоже наблюдается. Для нового поколения стали очень привычными многие либеральные идеалы: рынок, конкуренция, толерантность, процедурная демократия, личный успех и др. Образ жизни европейцев, американцев воспринимается им как эталонный, а Россию оно либо презирает, либо стесняется ее. Когда я говорю с человеком с подобными взглядами, мне вспоминается запись в дневнике Анны Федоровны Тютчевой, дочери выдающегося русского поэта: «По вечерам у великой княгини мы теперь читаем мемуары об Александре I. Я часто чувствую, как при этом чтении кровь бросается мне в лицо. От царствования Александра I ведет свое начало эта странная и унижительная политика, приносящая в жертву интересы своей страны ради интересов Европы, отказывающаяся от всего нашего прошлого и нашего будущего ради того, чтобы успокоить мнительность Европы по отношению к нам. Мы бы хотели совсем не иметь тела, чтобы не смущать Европу даже тенью, от него падающей; к несчастью, у нас огромное тело, и, как мы ни стараемся казаться маленькими и в движениях, и в словах, это огромное тело, как невероятная бестактность, торчит перед носом Европы, которая, несмотря на всю рыцарскую учтивость Александра I и Николая I, не может примириться с вопиющей бестактностью самого факта нашего существования» [13, с. 82]. Этот пример наглядно показывает, насколько давно и крепко в общественном сознании укоренилась идея национального самоуничтожения.

Но одновременно с этим в нашем обществе исторически проявлены и другие идеалы: служения и преданности, такие качества, как героизм, мужество, отзывчивость, гордость за Родину, самоотверженность для блага народа, помощь ближнему – вот что всегда находило безусловное одобрение и поддержку в русской культуре. И многие молодые люди, переболев идеями

либерализма, к зрелости приходят к здоровому консерватизму, осознанию важности роли государства для выживания страны в суровых природно-климатических и геополитических условиях.

Апофеоз столкновения идейных полюсов мы наблюдали, наверное, в самый социально и политически острый момент последних десятилетий – в противостоянии Болотной площади и Поклонной горы. С того момента уже десять лет прошло, сейчас очевидно, в чью пользу склонилась чаша весов. Исторические, цивилизационные корни народа оказались достаточно крепки, чтобы не быть сломленными либеральным ветром. Вообще, надо признать, характер протестного оппозиционного движения очень напомнил цветные революции в арабских странах, в постсоветских республиках. Это ведь социальные технологии, которые обкатывались не в одной стране, но Россия смогла противостоять этому. Были найдены необходимые компромиссы, способы мобилизации общества.

И сейчас, я полагаю, происходит сплочение российского народа. СВО способствует этому. Эта война действительно очищает, просветляет массовую ментальность, убирает мелкие ценности, сиюминутное, повышает патриотические интенции. Растет добровольческое движение, собираются колоссальные суммы пожертвований на нужды фронта, а также для пострадавших от военных действий.

Общий враг, ненависть к нему, как известно, является очень сильным объединяющим фактором. Общая беда также. Все это понимают. Ситуация довольно сложная: пять десятков стран против нас. Потери будут немалые, как это бывало и в прошлом, но Россия одержит Победу. Никаких внутренних передраг и разногласий быть не может, этого допускать нельзя. Власть за этим следит очень внимательно, мы видим, как оперативно было принято соответствующее законодательство, и насколько строго оно применяется. Но то, что мы победим, не вызывает у меня ни малейших сомнений.

Б.В.: Давайте поговорим об этом подробнее, обсудим главную тему последних двух лет – специальную военную операцию на Украине: является ли она вынужденной мерой по защите русского населения, единственная возможность остановить экспансию Запада, пресечь расширение НАТО или это все-таки какая-то проактивная позиция, какая-то глобальная миссия?

Д.И.: Россия сегодня показала свою ведущую роль в развитии мировой цивилизации. СВО – это, конечно, вынужденный, необходимый шаг, и его надо было делать гораздо раньше. Я внимательно следил за этим, сам жил долгое время в Донецке, знаю украинский язык, у меня много родственников украинцев, моя первая жена была украинка. Очень хорошо представляю их ментальность. У меня довольно большая и разнообразная информация о том, что происходило там. Первый этап – это Донбасс, восстание в Донецке. Там все на русском языке говорили. Это касается и этнических украинцев – они

стали людьми русской культуры. Это доказывает, что нация – это не кровь, это – культура, язык, психология, это – место, где ты живешь, где ты родился, это – близкие люди. Все это – Родина.

Сейчас ведь одно-два поколения украинцев живут в идеологии крайнего национализма, но это результат продуманной внешней политики Запада. З. Бжезинский ведь открыто писал о необходимости контроля над Украиной как средстве ослабления России [2]. И, наверное, сделать из России врага – это очень удобный способ был и очень быстрый. Если тебе не хватает чего-то, в чем причина? Происки врага! А вот он враг – СССР. Москаляка! Вот он же самый близкий и самый главный враг-поработитель. Любопытно, что акцентируя внимание на темных пятнах российской истории, западные, да и российские представители либеральной идеологии как бы забывают об истории самой западной цивилизации с ее бесконечными войнами, колониальными захватами и зверствами, кровавыми религиозными и социальными конфликтами, привычными актами политического обмана и лицемерия [4]. Чистая психология: чем сильнее ненавидишь, тем больше компенсация своей слабости. И снова война между братьями, братоубийство. Это, конечно, и наша недоработка тоже. В тяжелейших условиях 1990-х гг. нам просто не хватило сил на это. Опять история наша: междоусобица, гражданская война, потом мир, дружба, совместное развитие.

Сейчас уже начался второй этап, на котором Россия бросает вызов всему западному миру, вызов техногенной цивилизации и той модели либеральной глобализации, которую «золотой миллиард» пытается навязать всему остальному миру.

Б.В.: Вы считаете вестернизацию, однополярное мироустройство вредными для человечества в целом?

Д.И.: Монополярность определяет экстенсивный путь развития, об опасности которого много говорилось в докладах Римскому клубу еще 50 лет назад [20] и в последующих докладах. Сегодня эта работа тоже ведется, и наши ученые, кстати, принимают участие в таких исследованиях [11]. Перед человечеством стоят очень серьезные проблемы. Масштаб и глубина нынешнего кризиса мировой цивилизации не имеет исторических аналогов, он является глобальным и касается всех сторон жизни общества: политики, экономики, энергетики, демографии, экологии и т.д. и т.п. Негативные тенденции в каждой из этих сфер как бы усиливают, подкрепляют друг друга, затрагивают практически все население планеты. Все более очевидной становится невозможность преодоления этой ситуации в условиях однополярного мироустройства [9], потому как во многом подобные процессы прямо или косвенно являются следствием того, что так называемый «коллективный Запад» во главе с США, нарушая фундаментальные принципы социальной самоорганизации, стремится любой ценой навязывать всему миру свое

безраздельное господство, тем самым неуклонно обостряя глобальный кризис мировой цивилизации, ставит человечество на край гибели. У меня нет ни малейших сомнений в том, что западная цивилизация не является прообразом универсальной цивилизации будущего [4].

Технологический подъем, выход европейских государств в авангард мирового развития, связан с окончанием Средних веков и развитием мощных производственных сил, получением дополнительных ресурсов вследствие беспрецедентной по своим масштабам колонизации. Одновременно начался культурный ренессанс. Понимание общественного развития через призму развития технологий породило техногенную цивилизацию, в которой мы наблюдаем вопиющие противоречия. С одной стороны, она самая производительная, обеспеченная, но, с другой стороны, это и самая хищническая, самая низменная цивилизация. Там доминирует потребительский инстинкт, неукротимая потребительская алчность – так бы я сказал. И сейчас, спустя несколько веков, мы наблюдаем принципиально иную картину.

Запад продолжает удерживать лидерство в технологиях (хотя Китай и Россия уже наступают ему на пятки во многих важных наукоемких отраслях), но культурную динамику там я бы охарактеризовал как деградацию. Причем это проявляется на всех уровнях: как на массовом, так и на уровне элит. Вспомнить хотя бы открытие Парижской олимпиады, вызвавшее широкий негативный резонанс в обществе. Европа и без того испытывает демографический кризис, связанный с низкой рождаемостью среди коренного населения и колоссальным наплывом мигрантов из арабских и африканских государств, но при этом ведется еще открытая пропаганда ЛГБТ. Если такая тенденция сохранится, что очень вероятно, то через пару десятилетий это будет совсем другая Европа. Но самое главное, что нужно четко понимать, это – курс, который осознанно выбирает для себя западная политическая элита. В такой политике мне видится явное снижение уровня ментальности, мыслительного диапазона, своего рода дебилизация. Падение ценностных опор приводит к бессмысленному бытию, к абсурду, который все больше насыщает социальную жизнь. Подтверждение этому мы находим, например, в последнем докладе о трансгендерах в спорте в ООН, где прямо говорится о плачевных последствиях результатов проводимой гендерной политики для женского спорта [21].

На Западе говорят о свободе как о главной ценности, и, действительно, там общество далеко продвинулось в этом, но на практике подмена смысла стала заурядным явлением, и не всегда оказывается возможным обнаружить реальное содержание за громкими лозунгами. На примере недавних событий в США и Западной Европе весь мир мог убедиться, чего стоят принципы демократии, свободы слова, прав человека, мультикультурализма и пресловутой политкорректности, при которой даже самого президента США

выключают из коммуникации, лишают права голоса [4]. Свобода творчества, свобода самосовершенствования замещается индивидуалистической свободой в худшем ее выражении: например, свободой самоопределения гендера. Все эти извращения, все эти противоречия связаны с чрезмерным ненасытным потреблением. Человек не может остановиться, ему все мало, он недоволен, не находит своего места, не нравится сам себе. Природно в нем заложена и социальность, и духовный творческий рост, который подразумевает работу над собой, но с рождения попадая в специфическое информационное поле, где главным дискурсом является бесконечное придумывание и удовлетворение материальных потребностей, индивид направляет свои творческие силы в том числе и на такие формы саморазрушения. Поэтому я критически отношусь к изображению западной цивилизации в качестве образца для России, к утверждениям, что наша страна якобы не созрела до уровня подлинной цивилизации.

Таким образом, культурная деградация оказывается следствием чрезмерного потребительского ажиотажа. Эта ценность, которая подавляет все: деньги, деньги, деньги; еще больше производить, чтобы еще больше потреблять, еще больше вещей и удовольствий, безграничного индивидуализма. Я – центр мира. А на других мне плевать. Нарастивание потребления – экстенсивный процесс, все время нужно больше ресурсов, а где взять? Для этого нужно еще больше власти, и, значит, еще больше непримиримых конфликтов.

Б.В.: То есть в основе конфликтогенности однополярного мира находятся мировоззренческие системы и ценностные установки, но есть ли пути преодоления этого? Успех идеи потребления легко понять, он отсылает к биологической природе человека. Можно ли говорить о какой-либо альтернативе, способной стать столь же массовой?

Д.И.: Развивая это рассуждение, мы вынуждены обращаться уже к антропологическому подходу, рассматривать проблему Homo Sapiens, проблеме природы человека. Я вижу некую перспективу в антропотехнологической эволюции, которая набирает обороты, меняет природу человека, его потребности и ценности, его телесность и психику. Есть материальное потребление, а есть потребление иного типа. И коммуникационное, и, скажем так, ментальное, эмоциональное потребление. Вот такие формы, как, скажем, искусство, поэзия, творчество. Это же важнейшие факторы развития интеллекта человека, его культуры, формирования образа мысли, потребностей, интересов, оценок, жизненного мира. В искусстве все наши противоречия отражены: и личные, и социальные, и все хорошее, и плохое.

Способность к художественному познанию сильно отражается на качестве жизни, самореализации и удовлетворенности человека. Этого не может дать обычное потребление. Небольшой выплеск эндорфинов от очередного приобретения временно притупляет чувство бессмысленности, и это все.

А если человек не достигает желаемого? Вся эта система может быть очень разрушительной, деморализующей. Вот проблема смысла, социальная, экзистенциальная проблема.

По мере изменения мировой социальной самоорганизации и формирования многополярности мы будем наблюдать ценностные преобразования с подъемом на более высокий уровень смысла жизни и деятельности. Будет повышаться статус человеческих отношений: любви, дружбы, ценностей, доброты и благородства, больше внимания будет уделяться вопросам гармоничного взаимодействия человека и природы. Но как эти изменения будут происходить? Какие социальные формы могут обеспечить неконфликтное развитие человечества?

Здесь возникает проблема полисубъектности, т.е. многообразия взаимосвязей и взаимодействий различных социальных субъектов в диапазоне от отдельных личностей до различных институциональных субъектов, мегасубъектов типа государств, их региональных объединений вплоть до мировой цивилизации в целом. Все более или менее крупные социальные субъекты имеют составной характер. Например, государство как мегасубъект часто включает в себя ряд крупных институциональных субъектов, статус которых определяется по их национальным, территориальным, религиозным или иным существенным особенностям. Многие страны мира имеют подобную полисубъектную структуру, которая часто создает для них значительные проблемы, вплоть до острых внутренних социальных конфликтов и угрозы распада государства.

Россия – крупнейшее полисубъектное государство, объединяющее многочисленные области, края, республики и т.п., одним словом, региональные и национальные образования, имеющие свои существенные особенности и интересы. Она ярко демонстрирует всему миру свой плодотворный опыт сохранения единства, содружества, успешного развития этой грандиозной полисубъектности, что является залогом ее суверенитета, могущества и непобедимости в острейших экстремальных ситуациях.

Центральное место в проблеме полисубъектности занимает вопрос определения оптимального соотношения контуров централизации и автономизации управления в составных субъектах, что должно обеспечивать успешное функционирование процессов самоорганизации как на уровне системы в целом, так и на уровне ее подсистем и элементов. Как показывает исторический опыт, чрезмерная централизация управления в сложной социальной системе, включающей в себя многие ее самоорганизующиеся подсистемы и элементы, с их специфическими программами жизнедеятельности, неминуемо приводит к нарушению процессов самоорганизации, нарастанию внутренних противоречий, острых социальных конфликтов, а в итоге – к ее развалу и формированию самоорганизующейся мегасистемы иного типа.

Это особенно ясно в условиях неуклонно нарастающего глобального кризиса, основные причины которого были созданы и продолжают усиливаться именно западной цивилизацией.

Б.В.: Россия сильно отличается в этом плане?

Д.И.: Конечно, есть много проблем и у нас. Россия менее развита технологически, ее экономика невелика, порядка 4 процентов от мирового, но у нее какие-то духовные качества, ментальные интенции сохранились: правда, свобода, справедливость и так далее. Ведь именно ценности являются теми императивами, в соответствии с которыми в конечном счете выстраивается вся социальная система [7], если хотите, это основа социального самосознания, связующая нить между разными классами, этносами.

Я очень рад, что сегодня государство взялось за это, пишутся учебники и методички по национальным, цивилизационным ценностям [7; 16] – эта важная духовно-воспитательная, формирующая личность работа приобретает системный характер. Очень важно, чтобы защита своих национальных ценностей не приводила к нападкам на других. И у России есть этот многовековой опыт сожительства, соразвития десятков этносов и народов в границах поликонфессионального государства, и этим опытом Россия должна поделиться с миром, на это есть спрос сейчас. А еще у нас есть какое-то глубинное самосознание, которое позволило нашей стране бросить вызов однополярной, во многом неокOLONиальной, системе, стать идейным центром этой борьбы. И здесь есть существенные успехи.

Россия сумела противостоять огромному числу санкций и доказать устойчивость и эффективность нашей экономики. Она успешно начала объединение всех тех, чьи интересы подавляются монополярной системой. Все более очевидным для мирового сообщества становится призрачный характер надежд наших врагов сломить Россию, поставить ее на колени. Это относится не только к западным сторонникам идеологии либерализма, но и к адептам этой идеологии в нашей стране [4]. Постепенно будут появляться новые структуры международной организации, не только БРИКС, должен появиться новый тип самоорганизации общества, более эффективный, который позволит уйти от сверхценности потребления как основы жизни и массовой культуры.

Б.В.: Давайте попробуем поразмышлять о будущем, скажем, в перспективе 50 лет: какой Вам видится Россия в долгосрочной перспективе?

Д.И.: Сейчас в истории развития человеческой цивилизации, на мой взгляд, настал острый момент, определенная точка бифуркации, которая важна сама по себе, поэтому не так важно заглядывать далеко. Сейчас можно думать на ближайшую, на среднесрочную перспективу. И самое актуальное – победа в этой войне. Решительная победа! – вот главное. Нет сомнений, что результатом этой победы станет глобальная трансформация. Мы сейчас уже видим, как вокруг России сплываются силы, десятилетиями находящиеся под давлением

Запада, под его технологическим и экономическим контролем. И я говорю не о каких-то второстепенных странах, не о мировой периферии, я говорю о большей части населения Земли. Начнутся процессы нового типа и в мире, и у нас в стране.

Я думаю, содружество государств как организационная форма – это вполне мыслимое состояние человечества. В мире существуют локальные цивилизации, такие как китайская, японская, индийская. Все эти незападные государства-цивилизации проявили способность к весьма длительному историческому развитию по своему особому национальному пути, не исключающему заимствований из других цивилизаций, в том числе и западной как наиболее продвинутой в экономическом отношении. Но подобные заимствования не отменяли существенных специфических особенностей локальных цивилизаций. Я разделяю критические соображения В.Н. Шевченко о несостоятельности концепции так называемой универсальной цивилизации [18]. Примечательно, кстати, что самое длительное мирное время связывают с «Венским концертом» – своеобразной моделью многополярности. И как и тогда, в начале XIX в., России вновь отведено судьбой особое место. Роль нашей страны в грядущей трансформации окажется очень существенной. Убедительным подтверждением этого является успех XVI саммита БРИКС, прошедшего в октябре этого года в Казани.

России, конечно, нужно повысить жизненный уровень населения. Улучшить состав политической элиты. У России широкие перспективы, если не будет мировой войны. Путин взял принципиальный курс на развитие Сибири и Дальнего Востока. Вот где гигантские просторы и кладовая ресурсов. Если это все будет пусть даже на 20 процентов развито соответствующим образом, то вся жизнь в стране изменится. Строительство новых заводов, новых городов, – вот будущее России. И в этих регионах жизнь улучшится, туда народ поедет. Но дело не только в ресурсах, конечно же. Там здоровая атмосфера, реки, горы, леса бескрайние, очень завидная природа, значительный культурный и интеллектуальный капитал. В 2022 г. вышел фундаментальный труд о цивилизационной миссии Сибири, в котором раскрывается, среди прочего, влияние этого региона (и Алтая) на жизнь страны, становление евразийского пространства. В нем обозначен альтернативный, не технологичный, а духовно-экологический путь развития мировой цивилизации [17].

Я думаю, что в России может быть лучшее будущее, чем в любой другой стране мира. Я верю в это, потому что, если у нас будет решительная победа, если произойдет освоение Сибири и Дальнего Востока, это резко повысит ресурсоемкость страны, поднимет жизненный уровень населения. А русскому человеку в массе своей не нужно слишком многого, он привык жить, трудиться и быть счастливым и в весьма скромных условиях. В этом его преимущество. Больше значимы ценности другого порядка: не только

зарплата, одежда и т.п., еще есть многое, что делает жизнь более содержательной, интересной и социально полезной.

И я надеюсь, что ценности этого порядка будут свойственны и новой российской элите, смена которой также назрела и началась. Руководить страной должны те люди, которые доказали свою преданность Родине, которые будут решать задачу государственного плана в интересах всего народа, а не из корыстных каких-то побуждений. Вот это очень важный аспект будущего России. В целом я настроен оптимистически. Моя жизнь подходит к концу. Я верю, что это все должно быть и будет. Самое опасное – это риск начала мировой войны. Но думаю, хватит человечеству разума не довести до этого.

А что будет после успешного завершения СВО? Будет интересно. Большая стройка, воссоединение народов. Куда деваться им, куда деваться нам. Постепенно будет происходить процесс восстановления единства мышления, единства ментальности. Я думаю это очередной виток: будет опять одна Россия. Может, отколетса маленький кусочек Украины западной, понятно. Но в основном должно произойти воссоединение. Русский язык будет государственным, но не будет никаких запретов национальных языков, как и раньше. Советская практика, основанная на принципах национального равенства, была очень успешной в этом отношении. Может быть, с другими постсоветскими республиками объединение произойдет, например, по линии Евразийского союза будет интеграция углубляться. Беларусь, Казахстан, другие среднеазиатские государства. В Грузии сейчас какие-то пророссийские тенденции появляются, хотя 10 лет назад об этом не могло быть и речи. Я не хочу сказать, что они откажутся от своей государственности, но вернется осознание важности дружбы с нами, сотрудничество с Россией может принести им большие выгоды.

Б.В.: Заключительный вопрос: какую роль философа вы видите в современных условиях?

Д.И.: Думаю, в условиях глубокого кризиса, о котором мы поговорили, да и вообще, в тяжелых ситуациях, задача философа не должна ограничиваться критическим осмыслением каких-то концепций или противодействием какой-то идеологии, но должна быть более широкой. Необходимо направлять свою деятельность на поддержание достоинства человека, веры в здравый и творческий разум, чтобы общество видело новые возможности, перспективу сделать мир лучше, справедливее, дружелюбнее. Не радужную, нет, вполне реальную. Позиция ученого, философа требует реалистического взгляда на социальную действительность, требует принципиального критического отношения к ее негативным явлениям, обязывает всемерно противодействовать им. Но в то же время крайне важно сохранять оптимизм, утверждать веру в жизненные силы российской цивилизации, в лучшее будущее

страны, видеть наши несомненные достижения, значительные события последних лет [5]. И очень важно учить наших граждан и всех здравомыслящих людей умению прежде всего обращать внимание на то новое – полезное, хорошее, радостное, – что каждый день появляется у нас и делает нашу жизнь светлее, ярче, благополучнее.

Грачев Богдан Валерьевич – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Bogdan V. Grachev – Ph.D. in Political sciences, Research fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
bogdangrachev@gmail.com

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

David I. Dubrovsky – Sc.D. in Philosophy, Chief research fellow, Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
ddi29@mail.ru

Список литературы

1. Баранов С.Д. Соборный персонализм – ключ к русской философии. М.: Книжный мир, 2019. 192 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
3. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: дис. ... канд. полит. н.: 23.00.01 / М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2004. 163 с.
4. Дубровский Д.И. К вопросу о развитии российской цивилизации. Патриотизм и либерализм // Проблемы цивилизационного развития. Т. 3. № 1. С. 232–240. DOI: <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-232-240>.
5. Дубровский Д.И. К проблемам цивилизационного развития России. Критический анализ концепций А.В. Рубцова // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 1–2 (№№ 109–110). С. 106–125. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_106_125](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_106_125).
6. Еремин А.В. Религиозные основания советского бытия: актуализация парадигмы исихазма в контексте построения коммунизма // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 203–209.
7. Иванов А.В. Российская цивилизация и ее ценности: учебное пособие / А.В. Иванов. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2024. 199 с.
8. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.

9. Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1. С. 29–41.
10. Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
11. Сплетенный мир: кошка перевернулась. Доклад Римскому клубу: резюме / Коллектив авторов. М.: МНИИПУ, 2023. 52 с.
12. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
13. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М.: Захаров, 2008. 592 с.
14. Тянь В.В. Вертикализация власти как фактор иерархической структуризации политической системы (анализ российского опыта) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 6А. С. 35–51.
15. Филатов А.С. Евroatлантическая цивилизационная агрессия в контексте геополитического противоборства с Россией // Свободная мысль. 2022. № 1 (1691). С. 159–169.
16. Ценности российской цивилизации: методическое пособие для вузов / В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. 80 с.
17. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.
18. Шевченко В.Н. К современным дискуссиям вокруг «особого» пути развития России // Вестник РФО. 2019. Вып. 3–4. 2020. Вып. 1–2. С. 39–51.
19. Шевченко В.Н. Особый путь развития России: миф или реальность? // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 43–69.
20. Meadows, Donella H., Meadows, Dennis L.; Randers, Jørgen; Behrens III, William W. (1972). *The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books. URL: https://collections.dartmouth.edu/xcdas-derivative/meadows/pdf/meadows_ltg-001.pdf?disposition=inline (access date: 29.10.2024).
21. Report of the Special Rapporteur on violence against women and girls, its causes and consequences. Violence against women and girls in sports. URL: <https://undocs.org/en/A/79/325> (access date: 29.10.2024).

References

1. Baranov S.D. *Sobornyy personalizm – klyuch k russkoy filosofii*. М.: Knizhnyy mir. 2019. 192 s.
2. Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska*. М.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2009. 280 s.
3. Domareva M.A. *Separatizm v postsovetskoy Rossii: faktory vzniknoveniya, funktsionirovaniya i neytralizatsii: dis. ... kand. polit. n.: 23.00.01 / М.: Ros. gos. sots. un-t, 2004. 163 s.*
4. Dubrovskiy D.I. *K voprosu o razvitii rossiyskoy tsivilizatsii. Patriotizm i liberalizm // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*. Т. 3. № 1. S. 232–240. DOI: <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-232-240>.
5. Dubrovskiy D.I. *K problemam tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii. Kriticheskiy Analiz kontseptsiiy A.V. Rubtsova // lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2021. Т. XXIII. Vyp. 1–2 (№№ 109–110). S 106–125. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_106_125](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_106_125).

6. Yeremin A.V. Religioznye osnovaniya sovetskogo bytiya: aktualizatsiya paradigmy isikhazma v kontekste postroyeniya kommunizma // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2021. № 5 (122). S. 203–209.
7. Ivanov A.V. Rossiyskaya tsivilizatsiya i yeye tsennosti: uchebnoye posobiye / A.V. Ivanov. Barnaul: RIO Altayskogo GAU, 2024. 199 s.
8. Smirnov A.V. Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglasheniye k razmyshleniyu. M.: Izdatel'skiy Dom YASK, 2021. 448 s.
9. Spiridonova V.I. «Tsivilizatsionnoye gosudarstvo» kak vyzov odnopolyarnoy globalizatsii // Vek globalizatsii. 2022. № 1. S. 29–41.
10. Spiridonova V.I. Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: filosofsko-politicheskiy analiz / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; V.I. Spiridonova, R.I. Sokolova, V.N. Shevchenko; otv. red.: V.I. Spiridonova, V.N. Shevchenko. M.: IPh RAN, 2016. 122 s.
11. Spletenny mir: kosha perevernulas'. Doklad Rimskomu klubu: rezyume / Kollektiv avtorov. M.: MNIIPU, 2023. 52 s.
12. Tishkov V.A. Etnologiya i politika. Nauchnaya publitsistika. M.: Nauka, 2001. 240 s.
13. Tyutcheva A.F. Pri dvore dvukh imperatorov. M.: Zakharov, 2008. 592 s.
14. Tyan V.V. Vertikalizatsiya vlasti kak faktor iyerarkhicheskoy strukturizatsii politicheskoy sistemy (analiz rossiyskogo opyta) // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2017. T. 6. № 6A. S. 35–51.
15. Filatov A.S. Yevroatlanticheskaya tsivilizatsionnaya agressiya v kontekste geopoliticheskogo protivoborstva s Rossiyey // Svobodnaya mysl'. 2022. № 1 (1691). S. 159–169.
16. Tsennosti rossiyskoy tsivilizatsii: metodicheskoye posobiye dlya vuzov / V.E. Bagdasaryan, Yu. Yu. Ierusalimskiy. Yaroslavl': IPK «Indigo», 2023. 80 s.
17. Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya: monografiya (kollektiv avtorov; pod red. A.V. Ivanova). Barnaul: Novyy format, 2022. 368 s.
18. Shevchenko V.N. K sovremennym diskussiyam vokrug «osobogo» puti razvitiya Rossii // Vestnik RFO. 2019. Vyp. 3–4. 2020. Vyp. 1–2. S. 39–51.
19. Shevchenko V.N. Osoby put' razvitiya Rossii: mif ili real'nost'? // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. 2022. T. 4. № 2. S. 43–69.
20. Meadows, Donella H., Meadows, Dennis L., Randers, Jørgen; Behrens III, William W. (1972). The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books. URL: https://collections.dartmouth.edu/xcdas-derivative/meadows/pdf/meadows_ltg-001.pdf?disposition=inline (access date: 29.10.2024).
21. Report of the Special Rapporteur on violence against women and girls, its causes and consequences. Violence against women and girls in sports. URL: <https://undocs.org/en/A/79/325> (access date: 29.10.2024).

* * *

**Содержание десяти номеров журнала
«Проблемы цивилизационного развития»:
2019. Том 1. № 1 – 2024. Том 6. № 1**

**Content of the ten issues of
“Civilization studies review”
2019. Vol. 1. No. 1 – 2024. Vol. 6. No. 1**

СТАТЬИ

2019. ТОМ 1. НОМЕР 1

**Беседа директора Института философии РАН академика РАН
А.В. Смирнова с главным редактором журнала В.Н. Шевченко.....5–16**

В интервью директора Института философии РАН А.В. Смирнова говорится о цивилизационном проекте для России, обсуждаются возможности и особенности его конструирования. На различных уровнях социального анализа рассматриваются вопросы исторического и государственного развития страны, оценивается возможность применения зарубежного опыта в отечественных цивилизационных реалиях, озвучиваются угрозы, стоящие сегодня перед российским обществом и государством. Главная мысль директора института, высказанная в интервью, состоит в том, что Россию нельзя рассматривать как монокультурную или моноцивилизационную страну. В России есть православие, ислам, буддизм, иудаизм, традиционные религии народов Севера и Юга, есть люди, свободные от религии. Это все разные культурные потоки. Собрать воедино разнологичные, разнонаправленные, разнокультурные движения, существующие во всех регионах и субъектах республики, понять историю России, ее смысл, ее будущее, независимо от партийных или каких-то иных пристрастий – вот генеральная задача огромного, цивилизационного, по сути дела, мегапроекта. Однако при этом необходимо отказаться от заранее заданной для всех исследователей жестко фиксированной идентификации. В заключение беседы директор подчеркнул, насколько важно, чтобы для решения этой задачи журнал «Проблемы цивилизационного развития» стал общей дискуссионной

площадкой для всех ученых, философов, для всех без исключения интеллектуальных сил страны.

**А.Г. Сыгин. Цивилизационная проблематика
в философско-политических трудах академика Н.Н. Моисеева.....17–32**

Статья посвящена исследованию идей в области цивилизационной проблематики, которые развивал ученый-энциклопедист, академик РАН Никита Николаевич Моисеев. Рассказано о жизненном и творческом пути ученого, о том, почему и как он, специалист в области математики и механики, пришел постепенно к занятиям философией, экономикой, международными отношениями, политическим анализом, экологией и общественно-политической публицистикой. Показано, какое место в его научном и публицистическом творчестве занимала цивилизационная проблематика. Проанализировано данное им авторское определение понятия «цивилизация». Изучена специфика трактовки Н.Н. Моисеевым цивилизации как современного человечества в целом. Исследовано обоснование ученым ценности цивилизационного многообразия и бесперспективность попыток цивилизационной унификации. Проведен анализ трактовки мыслителем России как государства-цивилизации, а также цивилизационной специфики России. Осмыслено существо кризиса современной цивилизации в трактовке Н.Н. Моисеева. Показано существо классического вопроса русской общественной мысли, каким всегда был вопрос «Что делать?», в философско-политическом творчестве Моисеева. Проанализированы предложения Моисеева о путях возможного преодоления кризиса цивилизации и путях «сохранения будущего» для России. Показана ведущая роль науки и образования в преодолении цивилизационных кризисов согласно взглядам Н.Н. Моисеева. Дан анализ идей Моисеева в области мирного взаимодействия различных цивилизаций.

**В.Е. Лепский. Системные основания для перехода от техногенной
цивилизации к социогуманитарной цивилизации.....33–48**

В последние годы все более четко проявляется осознание ограничений техногенной цивилизации, ориентированной на унификацию локальных цивилизаций, свертывание многоцивилизационного мира. Суть этих ограничений сводится к тому, что она вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. При поиске модели пост-техногенной цивилизации в центре внимания оказываются базовые цивилизационные ценности. В техногенной цивилизации базовые ценности – научно-технический прогресс и наука, при этом фактически игнорируются социальные ценности и этические аспекты регулирования социальных процессов. В статье проведен философско-методологический анализ кризиса техногенной цивилизации и предложены системные основания для созидания пост-техногенной цивилизации. Философские основания базируются на работах В.С. Степина и Н.Н. Моисеева. Обоснован кризис экономической детерминации развития в техногенной цивилизации и нарастание угроз в эволюции технологических укладов. Предложены социогуманитарные критерии оценки новаций в техногенной цивилизации и показано, что человечество не готово к адекватному реагированию на новации техногенной цивилизации. Обоснован вывод, что бессубъектность развития – диагноз состояния человечества в техногенной цивилизации. В качестве альтернативы для техногенной цивилизации предлагается модель социогуманитарной цивилизации. Становление социогуманитарной цивилизации оказывается неразрывно связано с решением проблемы становления субъектности развития человечества, решение которой предполагает две первоочередные задачи.

Во-первых, на основе современных представлений философии науки, междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов, разработка адекватных моделей организации управления и развития человечества. Во-вторых, адекватных концепций международной и национальной безопасности, ориентированных на преодоление бессубъектности развития человечества. Предложено решать эти задачи на основе постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред – кибернетики третьего порядка.

М.И. Биалов. Аксиологические основания евразийской идентичности Юга России в глобальной перспективе.....49–68

В статье рассмотрены аксиологические основания евразийской идентичности Юга России как методологически продуктивный ход для осмысления цивилизационных перспектив Евразии, поскольку регион воспринимается как микромодель данного геополитического пространства. Выявлены особые системообразующие ценности, лежащие в основе евразийской идентичности региона и имеющие перспективу в геополитическом будущем России и Евразии. Осмыслению цивилизационной идентичности Юга России способствуют хронологические этапы конкретной духовной атмосферы, создавшейся вокруг него политическими и идеологическими тенденциями истории. Исходя из принципа единства исторического и логического, автор полагает, что аксиологические основания евразийской идентичности Юга России в его многослойной культуре состоят как из этнических ценностей, находящихся свое воплощение в культурных символах, так и из религиозных норм, образовавших поздний слой культуры и прошедших затем своеобразную этнизацию в процессе формирования региональной идентичности.

Рассмотренные и конкретизированные в статье политические, нравственные и гносеологические идеалы и нормы в системе евразийских ценностей Юга России могут быть отнесены к числу фундаментальных, образующих глобализационные стыки Запада и Востока. По мнению автора, евразийская идентичность народов Юга России устремлена на соединение альтернативных ценностей, которые могут рассматриваться не только как фактор консолидации народов соответствующего постсоветского пространства, но и как основа для междисциплинарного и межкультурного диалога. Результат такого диалога и полилога должен привести к коренному изменению категоричных ценностных противоположностей, к трансформации норм, обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития, в первую очередь фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консациональной (сообщественной) демократии и др. И здесь приемлемы и эффективны евразийские ценности, в формирование которых свой вклад внесли исторические и этнические традиции региона Юга России.

Р.Р. Вахитов. Евразийство: мифы революционной эпохи.....69–90

Дан анализ мифа революционной эпохи начала XX в. и мифологического ядра евразийского мировоззрения. Миф в статье понимается не как архаические ненаучные сказки, а как личностная чудесная история, как определял его А.Ф. Лосев. Автор исходит из того, что любая культура имеет свой миф, над которым надстраиваются наука, философия, искусство. В революционную эпоху мифологичность культуры открывается наиболее ярко. Революция 1917 г., перевернув российское общество и значительно архаизировав его, привела к господству в общественном сознании мифа в лосевском смысле. Основным мифом той эпохи был своеобразный космогонический миф, повествующий о явлении нового мира (мира свободного труда).

Евразийство 1920–1930-х гг. родилось из альтернативного мифа – о перерождении России в катастрофе революции и обретении ею своего истинного имени, ее связи с Востоком. Евразийский миф или «евразийское настроение» возникли еще до того, как в 1921 г. П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой и Г.В. Флоровский заявили о возникновении евразийства. Евразийское настроение звучало и в искусстве Серебряного века, в теории империализма Ленина, в политической практике большевиков и Третьего интернационала. Евразийцы облекли его в форму философского и культурологического учения. В этом учении Россия предстала как Евразия, цивилизация, связанная не только с Западом, но и с Востоком, но забывшая свое «истинное имя» в эпоху «романо-германского ига», из-за «гипноза европоцентризма». Евразийцы и большевики при этом предстают как «близнецы-герои» (один – положительный, а другой – отрицательный персонаж), которые призваны разбудить Россию и вернуть ей аутентичное самосознание.

В.И. Спиридонова. Западный дискурс «стандарта цивилизации» и его эволюция.....91–107

Привлечение внимания к дискурсу «стандарта цивилизации», его развитию и трансформации важно с точки зрения осознания процесса самоидентификации Запада, а также как способа перестройки хода мировой истории. Категория «стандарта цивилизации», соотносимая исключительно с европейской динамикой и европейскими ценностями, выстраивает международную иерархию стран и народов, возрождает дихотомию «цивилизация» – «варварство», становится оправданием вторжения в так называемые «страны-изгой» с целью изменения в них политических режимов.

Историческая логика концепта опирается на аргументы о «нарушении» отдельными народами положений «естественного права», понимаемого как привилегия европейского сообщества. Агрессия от имени дискурса цивилизации рассматривается как моральное бремя, осуществляемое «во имя блага этих народов». В результате создается манихейская теория двух миров как антагонистических полюсов – Добра и Зла, оправдывающая своеобразный «доброкачественный колониализм».

Современный «цивилизационный дискурс» обогатился идеологическими и пропагандистскими аспектами, имеющими целью моральное уничтожение, дискредитацию противника, его дискриминацию, диффамацию, криминализацию, и положил начало «фейковой агрессии». Актуален феномен «вторичного, или подражательного, империализма». Страны, недавно вошедшие в «европейскую семью», демонстрируя принадлежность к «цивилизованному сообществу», включаются в процесс «миссионерства» по отношению к «низшим» народам от имени общечеловеческих ценностей. В целом создается ситуация, когда война ведется не во благо или во имя «цивилизации», а от имени «цивилизации» под эгидой «продвижения демократии».

Г.Л. Тульчинский. Российские инверсии в контексте цивилизационного развития: перспективы конструктивно-исторического подхода.....108–122

Объяснение российских инверсий сталкивается с проблемами концептуального характера. Традиционно используемый концептуальный аппарат, набрасываемая на реальность теоретическая сетка, похоже, «не ловит» эту реальность, в лучшем случае пытается ее описать. Не улавливаются природа и механизмы, лежащие в особенностях российского общества, его динамики. Отсюда – заключения о патологии, колее, константной матричности и прочей безысходности и обреченности на воспроизводство «предрешенных» характеристик общественной жизни.

Расширение концептуального аппарата конструктивным подходом в сочетании с конкретным историческим подходом позволяет выделить не одного актора модернизационных процессов (политическую элиту, связанную с государственной властью), а как минимум двух – власть и общество, причем конструктивно не связанных. С этой точки зрения инверсивный характер российских модернизаций имеет две причины. Одна – социальная, связанная с особенностями российского социума, доминированием в нем властной воли при неразвитости социальных сил, для формирования которых нет достаточных условий. Вторая – связана с попытками модернизации, опирающимися на чей-то исторический опыт. Однако, в силу первой причины, эти попытки оказываются поспешными и непродуманными, порождая новые напряжения и деформации социума. Обе причины взаимодополняются и взаимопереплетаются. Вместе с тем общецивилизационные процессы, такие как урбанизация, формирование массового общества, изменяют характер российского общества, реализуя его втягивание в модернизационные процессы, включая формирование гражданского национального самосознания. Это создает предпосылки для качественно нового характера развития социума. Если главные факторы инверсионности со стороны «верхов» – поспешность и заимствование, то со стороны «низов» – это замедленное становление буржуазии, которое тем не менее формирует условия для реальной медиализации. Анализ способов объяснения инверсивной модернизации российского общества обнаруживает особые возможности в плане методологической рефлексии и выявления перспектив конструктивистского и исторического подходов.

**Т.В. Беспалова. Мировоззренческие основания
цивилизационного подхода: к постановке проблемы.....123–136**

В статье обозначаются основные проблемные вопросы цивилизационного развития с точки зрения мировоззренческой мотивации ученых. Отказ от религиозного мировоззрения во многом способствовал созданию агрессивных политических идеологий. Исследование мировоззренческих оснований цивилизационного подхода, несовместимого с идеологизацией гуманитарного знания, позволит сформулировать аргументированный ответ на возникшие в XXI в. в отношении человечества угрозы, а также избежать риска использования цивилизационных теорий в политических целях.

2020. ТОМ 2. НОМЕР 1

**Н.И. Лапин. Рефлексивный обзор работы семинара
Ученого совета Института философии РАН
«Современные проблемы философии истории».....5–19**

21 декабря 2017 г., по представлению академика А.В. Смирнова, Ученый совет Института философии РАН принял решение о создании семинара Ученого совета «Современные проблемы философии истории» под руководством доктора философских наук, профессора, член-корреспондента РАН Лапина Н.И., определившего семинар как проблемно-поисковый. За два года состоялось 12 заседаний, где были представлены актуальные взгляды на философию истории, обозначены проблемы развития дисциплины в России, выявлено ее междисциплинарное значение, даны новые интерпретации классических и неклассических проблем философии истории, обоснована необходимость, важность и своевременность соответствующих исследований в России. Докладчиками стали видные исследователи, сотрудники Института философии РАН и приглашенные специалисты. Предложены темы дальнейшей работы семинара.

**И.К. Лисеев. В.И. Вернадский: от единства знания
к царству разума (цивилизационные мотивы)..... 20–34**

Статья посвящена исследованию представлений выдающегося отечественного ученого В.И. Вернадского, порождающих новые цивилизационные идеи, цели и проекты. Рассматривается вклад В.И. Вернадского в формирование нового обобщенного мышления, ломающего границы отдельных дисциплин, утверждающего единство всего научного знания. Анализируется разработанное В.И. Вернадским целостное, систематическое представление о биосфере как об оболочке Земли, в которой совокупная деятельность живых организмов проявляется как биогеохимический фактор планетарного масштаба. Показывается неотделимость человека и биосферы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исследуется то, каким образом представление Вернадского о научной мысли как планетном явлении вело его к формулировке идеи ноосферы. Рассматриваются взгляды В.И. Вернадского о ноосфере и современные подходы в ее интерпретации с цивилизационных позиций.

**Е.А. Тюгашев, Ю.В. Попков. Теоретико-методологическое
проблемное поле российского проекта
цивилизационного развития.....35–48**

В дискуссионном ключе авторы затрагивают серию вопросов теоретико-методологического характера, составляющих проблемное поле исследовательского мега-проекта «Российский проект цивилизационного развития: философские основания». В частности, для успешной его реализации аргументируется важность обсуждения: зависимости используемых теоретико-методологических средств от исследовательской идентичности философа; необходимости подключения к обсуждению и реализации проекта представителей всех философских дисциплин; характера самоопределения России в системе культурно-цивилизационных типов; неоднозначности интерпретации содержания, форм и типов цивилизационного развития, в том числе применительно к России; научного содержания концепта «проект»; разнообразия смыслов понимания российского проекта цивилизационного развития и возможностей их интеграции; наличия и столкновения различных цивилизационных проектов и подпроектов цивилизационного развития с перспективой разработки соответствующего типового проекта.

Делается вывод, что в настоящее время отсутствуют собственно проекты цивилизационного развития, но начинает осознаваться потребность в них. Возникновение данной потребности у разных субъектов мирового сообщества объясняется завершением определенного цикла всемирно-исторического развития, что выражает ситуацию ресурсной ограниченности стихийно сложившихся моделей цивилизационного развития и на глобальном уровне маркируется концептами «пределы роста» и «столкновение цивилизаций». В этой ситуации выдвинутая ООН концепция устойчивого развития как претендующая на статус универсальной не решает проблему, поскольку она, как и ее альтернативы, опирается на локальный цивилизационный опыт, не устраняя столкновение цивилизаций, а переводя его в плоскость их диалога. Поставлен вопрос о целесообразности разработки «Российского проекта философского развития: цивилизационные основания». Его актуальность обосновывается, во-первых, наличием философской идентичности у конкретных цивилизаций, во-вторых, формированием в ситуации столкновения цивилизаций перспективы соперничества различных философских традиций как оснований проектов локального и глобального цивилизационного развития, в-третьих, возрастанием геополитической значимости в современном мире взаимодействия философских традиций.

**В.Ю. Даренский. Русская философия как фактор
цивилизационной идентичности в XXI веке.....49–67**

В статье рассматривается русская философия как фактор цивилизационной идентичности России, актуализирующийся в XXI в. по объективным причинам. Анализируются исторические истоки русского цивилизационного самосознания и их влияние на историческую судьбу государства и национальный характер. Дано определение отличий западного, восточного и русского типов философии, при этом последний определяется как «пост-оксидентальный», т.е. как рефлексия на западную традицию, а не эпиγονство у нее. Особое внимание уделено недостаточно известным текстам – роману «Русские ночи» В.Ф. Одоевского и письмам «позднего» П.Я. Чаадаева, в которых даны самые ранние, но уже «классические» по содержанию определения цивилизационной идентичности России. Предложены дальнейшие направления разработки данной темы в теоретическом и практическом аспектах.

**И.Н. Сиземская. Евразийство: историософские прозрения
и предупреждения.....68–84**

Автор статьи рассматривает евразийство как философско-историческую идею, обращенную к культурному модусу российской истории, «месторазвитием» которой было географическое пространство между Европой и Азией с характерными для населявших его народов социально-экономическими укладами, религиозными верованиями, национальными традициями, особенностями образа жизни и быта. Представленный ракурс анализа, по мнению автора, созвучен сегодняшним вызовам времени, актуализирующим для России, с одной стороны, проблему собственного развития как многонационального государства, с другой стороны, вопросы о расширении и модернизации экономических, политических и культурных контактов с Европой и странами Ближнего Востока. В статье обращается внимание на идеи евразийства, которые соотносят движение национальной истории с созданием общего для всех регионов мира цивилизационного пространства, сохраняющего каждому народу право на свою культурную идентификацию. В этой связи автор рассматривает свободные от геополитических наслоений историософские и культурологические основы классического евразийства, получившего концептуальную разработку в работах его основателей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского, С.С. Сувчинского в период с 1921 до 1927 г. Теоретические поиски этих мыслителей и их дискуссии с оппонентами по ключевым вопросам евразийской идеи и целей евразийского движения стоят в центре предлагаемого анализа. И.Н. Сиземская делает попытку ответить на вопрос, как философско-исторические концепты евразийства коррелируют с сегодняшними задачами и национальными проектами развития страны.

**Абдеррахман бен Мааммар Сенуси. Актуальность проектов
цивилизационных реформ периода национального
Возрождения в странах Магриба.....85–104**

В представленной статье рассматриваются наиболее важные проекты реформ периода национального Возрождения в странах Магриба, выдвинутых арабскими учеными в годы европейской оккупации региона. Дается краткое описание главных характеристик этих проектов и их инновационного значения. Статья концентрирует внимание на проектах, рожденных в лоне культурного наследия региона, и не затрагивает инициативы, которые представляли собой программы политических движений, связанных с освобождением от колониализма. Это обусловлено тем, что большинству этих замыслов было суждено пережить свою эпоху, а их интеллектуальные продукты,

литература и исследования стали источником вдохновения для нынешних политических, культурных и национальных элит во всех странах Магриба. В статье также рассматривается феномен открытости арабских элит для всего того, что произвело человечество в научном и образовательном смысле. В то же время отмечается альтернативность предлагаемых проектов культурным и цивилизационным планам, навязанным евро-американским Западом в его высокомерном отношении к другим.

В исследовании использовался описательный подход, метод исторического документирования, а также методология анализа и синтеза. В тексте статьи основное внимание уделялось периоду Возрождения в странах Магриба, а также его прошлому, настоящему и будущему.

Н.С. Ищенко. Культурно-архетипические основания русской цивилизации..... 105–126

Статья посвящена анализу цивилизационных угроз при социокультурных трансформациях русской цивилизации в диалоге культур с цивилизацией западной. Социокультурная трансформация может привести к разрушению культурного ядра цивилизации и смене цивилизационной идентичности. Воспроизводство культурного ядра русской цивилизации в социокультурных трансформациях основано на сохранении культурных архетипов, которые задают нормы социального взаимодействия и ценности, регулирующие социальную деятельность. Исследование архетипических оснований русской цивилизации в процессе трансформаций, который происходит на фоне межкультурного взаимодействия, требует наряду с информационным анализом применения компаративистского подхода и теоретико-культурологической методологии. В настоящее время все многообразие существующих культур вовлечено в межкультурную коммуникацию, и межкультурное взаимодействие стало ключевым фактором социокультурных трансформаций. Россия участвует в межкультурном взаимодействии с различными культурными регионами, включая западноевропейский.

Механизм межкультурной коммуникации русской культуры с культурами западноевропейского культурного региона представляет собой диалог культур, в котором Лотман выделяет три фазы. Диалог культур России с европейскими культурами продолжается с конца XVII в. по настоящее время. Полный цикл диалога культур с европейскими культурами повторялся два раза в течение указанного периода (петровские реформы, установление советской власти), и в настоящее время Россия находится во второй фазе диалога культур, который начался как антисоветская революция в 1980-х гг. В ходе диалога культур русская культура усваивает теорию и практику модерности, предлагаемую европейскими культурами как предмет коммуникации и основанную на европейских культурных архетипах «фаустовский человек» и «святое царство». В процессах культурных трансформаций русская культура сохраняет в течение ряда столетий культурную и цивилизационную идентичность. В статье показано, что сохранение культурного ядра русской цивилизации обусловлено воспроизведением культурного архетипа «святое царство».

2020. ТОМ 2. НОМЕР 2

Ю.М. Резник. Логика «дуальных цивилизаций» и их интегральных альтернатив (опыт проектной реконструкции концепций П.А. Сорокина и А.В. Смирнова)..... 5–29

Постижение не только иных культур, но и других исследовательских позиций требует в немалой степени от автора рефлексивности и умения вживаться в мир идей.

Именно это и попытался сделать автор данной статьи, сравнивая два разных и разделенных большим промежутком времени подхода к проектированию цивилизационного развития России. При этом он использовал метод проектной реконструкции, задав собственные параметры предмета и процесса цивилизационного проектирования, понимаемого в основном не в организационно-практическом плане, а в концептуальном ключе.

Анализируя проектные возможности, заложенные в подходах П.А. Сорокина и А.В. Смирнова, автор последовательно рассматривает предмет проектирования (цивилизации), его методологию (версии логико-смыслового подхода), образы желаемого будущего и предполагаемые пути их практического воплощения. Оба подхода пытаются преодолеть логический дуализм, указывающий на существование двух несовместимых по сути базовых логик культуры, и построить их интегральную альтернативу, что приводит к разным версиям логического альтернативизма.

В качестве такой альтернативы выступает у П.А. Сорокина идеалистическая цивилизация, к которой Россия может прийти путем конвергенции преимуществ чувственной и идеациональной суперкультурных систем, а у А.В. Смирнова – «всечеловеческая цивилизация» как реальное воплощение логики всесубъектности и принципа единства множественности.

В.Н. Шевченко. Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект.....30–48

В статье обсуждается вопрос о противоречиях между цивилизацией и латентным варварством, исследуются границы объяснительных возможностей этого понятия. Рассмотрена неравномерность социально-исторического развития общества, которая порождает в обществе с определенным уровнем цивилизованности ценностно-нормативное разнообразие, а следовательно, объективные противоречия между различными социальными слоями и группами. Деятельность более отсталых слоев и групп не может быть сведена только к открытому проявлению латентного варварства. Для понимания его реальных объяснительных возможностей в статье используется понятие исторического тупика, выход из которого предполагает разрушение препятствий, созданных на тупиковом отрезке исторического развития конкретного общества. В действующих социальных силах, которые с помощью радикальных мер выводят общество из тупикового состояния, необходимо выделять два связанных между собой образа действий – разрушительный и созидательный, а не ограничиваться общей оценкой действий как проявлением варварства. Уделяется внимание причинам расширительного толкования латентного варварства.

Ф.Н. Блюхер. Цивилизационные исследования: сложности реализации.....49–64

В статье рассматриваются методологические проблемы, возникающие при переходе от исследования отдельных стран к исследованию цивилизаций. Выделяются три круга проблем. Первый связан с ограниченностью наших эмпирических знаний по истории и культуре цивилизаций. Он может быть преодолен только философским, т.е. теоретическим подходом. Однако при использовании философских методов мы попадаем в два герменевтических круга. Герменевтический «круг историка» возникает при некритическом выборе нами исторических событий при обосновании основ цивилизации. Герменевтический «круг гражданина» связан с выбором нашей гражданской позиции. Герменевтический «круг гражданина» связан с выбором нашей гражданской позиции. Обе познавательные проблемы имеют ярко выраженный идеологический характер и оказывают непосредственное влияние на цивилизационные исследования.

Проблема «герменевтического круга» возникает всегда, когда при помощи простых пар категорий пытаются рассмотреть взаимозависимость сложных субъект-субъектных отношений. Парные категории «причины – следствия», «материи – формы» могут использоваться для понимания отношений «цивилизация и культура». В статье показывается, что формы социальной жизни: религия, государство, национальность, язык, профессиональные отношения имеют свои причинно-следственные связи, которые могут интерпретироваться в категориальной паре «цивилизация – культура». Это приводит к возникновению противоречия «науки» и «идеологии» на каждом из этапов исследования цивилизаций. Задача же философа – создать такую концепцию цивилизации, чтобы отдельные формы культуры были описаны как дополняющие друг друга.

Ю.Д. Гранин. «Цивилизационный подход».

Становление и эволюция.....65–85

В статье анализируется становление и эволюция «цивилизационного подхода» в отечественном и зарубежном дискурсе XX – начала XXI столетия. По мнению автора, наиболее значимые результаты в области теории цивилизаций, их сравнительного изучения были получены в XX в. в исследованиях А. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, П. Сорокина, К. Ясперса и Ш. Эйзенштадта (Ш. Айзенштадта). Если Сорокину удалось решить проблему различия «культурных суперсистем» и «цивилизаций», то труды Эйзенштадта ознаменовали собой прорыв в области трех направлений исследований: теории цивилизаций, теории революций и теории модернизации. Все три области исследований в наследии Эйзенштадта оказались связанными его более общим пониманием истории человечества как многообразия путей цивилизационного развития, в контексте которого революции и модернизации рассматриваются как имманентные характеристики этого процесса. Но эта концептуальная новация Эйзенштадта по ряду причин оказалась недооцененной в цивилизационном дискурсе конца XX столетия. А Россия под пером некоторых отечественных теоретиков превратилась в «варварскую цивилизацию»: оплот «манихейства», «хилиастического сознания», «архаического коллективизма», «тоталитаризма» и «восточного деспотизма». Под прикрытием неких якобы наследуемых «культурных кодов», этот теоретический оксюморон – «варварская цивилизация» – до сих пор кочует по страницам наших изданий.

Его эпистемологической предпосылкой является заимствованный у Ф. Броделя спорный постулат о неизменности «цивилизаций» в качестве неких долговременных «структур», основанных на «культурных традициях». Последние якобы «переваривают» неизбежные социокультурные заимствования и собственные новации, загоня многие народы и страны в «тупики» исторической динамики, вынуждая их из века в век воспроизводить цикл «реформа – стагнация – контрреформа». Разумеется, история нашей страны дает немало примеров для такой интерпретации. Но возможна и другая теоретическая оптика, основанная не на структурном, а на процессуальном и нелинейном понимании человеческой истории. В этом случае последняя интерпретируется как многовекторное движение интегрирования: от простых сообществ ко все более многочисленным и все более сложно (политически, культурно и идеологически) интегрированным объединениям людей, наиболее крупные из которых могут быть определены как «цивилизации». Автор формулирует собственное метадисциплинарное определение категории «цивилизация». Обосновывает тезис о необходимости формирования нового ценностно-смыслового ядра «российской цивилизации».

С.Г. Ильинская, В.И. Рыжкова. Цивилизационная специфика архетипических образов русской и европейской сказок (опыт сравнительного исследования)86–106

Данная статья носит междисциплинарный характер. Будучи выполнена на стыке цивилизационной теории, психоанализа и литературоведения, она позволяет доказательно выявить специфику архетипически-метафорических образов аналогичных русской и европейской сказок (ранее передаваемых посредством устной традиции). Для сравнительного исследования были выбраны две сказки с очень похожим сюжетом: «Кузьма Скоробогатый» (в обработке А.Н. Толстого) и «Кот в сапогах» (в пересказе Ш. Перро). В настоящем исследовании метод психоархеологических раскопок Клариссы Пинколы Эстес, разработанный ею как последовательной юнгианкой для анализа индивидуального бессознательного, существенно дополнен литературным и социально-политическим анализом, что позволило выявить существенную разницу между базовыми ценностями европейского и российского варианта рецепта восхождения по социальной лестнице.

Проведенное исследование призвано продемонстрировать, что у российской цивилизации есть особое ценностно-архетипическое ядро, позволившее ей возникнуть и сохраниться, значительно расширить цивилизационное пространство последующим включением этнических групп, прежде персонифицированных в народной сказке в образах пастухов Змея Горыныча. Воспроизведение аутентичной «сакральной вертикали», по мнению авторов, продолжает оставаться неперемennым условием сохранения российской цивилизации.

2021. ТОМ 3. НОМЕР 1

Н.И. Лапин. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход6–42

Статья подготовлена на основе доклада на состоявшемся 27 октября 2020 г. семинаре № 1 участников «Российского проекта цивилизационного развития» («РПЦР» – мегатема Института философии РАН, ее руководитель – академик А.В. Смирнов). В статье рассматриваются ключевые, по мнению автора, теоретико-методологические проблемы цивилизационных исследований в контексте названной мегатемы. При этом автор использует результаты своих предшествующих исследований (см.: [24; 25]), прежде всего методологию антропосоциокультурного подхода, которую он предложил в рамках исследовательского проекта РФФИ; ее общая характеристика опубликована в журнале «Социологические исследования» при поддержке РФФИ (см.: [26]). В ней автор постарался учесть состоявшееся обсуждение: не меняя смысла текста доклада на семинаре, но уточнив некоторые его положения. Автор также сократил уже опубликованную часть текста о своеобразии цивилизаций (см.: [27]) и дополнил предложениями в конце текста. Подробное обоснование некоторых положений статьи, а также краткие тексты, иллюстрирующие позиции цитируемых авторов, даны в приложениях к основному тексту.

Н.А. Касавина. О «втором дыхании» цивилизационного развития (размышления о докладе Н.И. Лапина).....43–56

Текст представляет собой отклик на некоторые положения доклада Н.И. Лапина, подготовленного для обсуждения теоретических оснований «Российского проекта цивилизационного развития» (Институт философии РАН). В продолжение методо-

логических поисков Н.И. Лапина более подробно рассматриваются взгляды К. Ясперса, касающиеся исторического развития цивилизации, в созвучии с логико-смысловым подходом и концепцией всечеловеческого А.В. Смирнова, а также в контексте проблемы цивилизационного единства через феномен трансверсального разума (В. Вельш).

Концепция исторического развития К. Ясперса позволяет сделать вывод, что отливом первого осевого времени является становление культурной самобытности, локального культурного самосознания как результата пути цивилизации к трансцендентному. Второе осевое время тяготеет к формированию всечеловеческой цивилизации, трансверсально «собирающей» локальные культурные достижения. В современный период важнейшим фактором этого формирования является прогресс в области науки и техники, определяющий магистральные пути цивилизационного развития. На социально-гуманитарные науки при этом ложится миссия обеспечения культурного диалога, участия в общем процессе обсуждения актуальных проблем современности. Глобализацию можно мыслить как взаимодействие, в том числе взаимодействие проектов дальнейшего мирового развития с учетом как уникальных культурных особенностей и истории цивилизаций, так и их сосуществования в мировом целом.

В.Н. Шевченко. Цивилизация и общество как категории социальной философии.....57–80

В статье обсуждается актуальный вопрос об отношениях между цивилизацией и обществом как базовыми понятиями социальной философии. В современной литературе существуют большие разногласия и неясности, обусловленные, прежде всего, расширительной трактовкой цивилизации значительным большинством авторов, трактовкой, во многих случаях фактически совпадающей со значением понятия «общество».

В статье предлагается решение вопроса исходя из социально-философского рассмотрения четырех различных значений слова «общество»: общество вообще, общество как конкретно-исторический тип, конкретное отдельное общество (социор по терминологии Ю.И. Семенова) и человечество как внутренне дифференцированная целостность, как современное человеческое общество. Можно предположить, что цивилизация выступает характеристикой как состояния, так и процесса развития общества в каждом из его значений, характеристикой с точки зрения соответствия конкретного общества социологическому (стадиально-формационному) проекту. С помощью определения общества как целостной социальной системы социологическая теория как научная теория дает ответ на вопрос, что существует (какая это есть общность людей по структуре, функциям, субъектам и общественным отношениям), а с помощью понятия цивилизации – как это общество реально воспроизводит себя, как реально работают регулятивные механизмы, которые определяют действия и поступки людей.

Цивилизация имеет дело с настоящим, с деятельностью людей, изменяющих это настоящее, а общество, в философском смысле, а не в социологическом, есть желанное будущее, те далекие горные вершины, та трансцендентная реальность, к которой устремляется действующий человек. Когда сегодня говорится о том, что Россия возвращается к себе, что она должна сделать цивилизационный выбор, важно всячески подчеркивать, что выбор цивилизационной идентичности по определению немислим без проекта. Социологический проект как научный проект обращен в будущее, намечает контуры будущего, и потому только проектное мышление в состоянии сделать правильный цивилизационный выбор.

Ю.Д. Гранин. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России.....81–98

В докладе анализируется проблема цивилизационной эволюции России на основе использования комплекса идей Ф. Броделя, П. Сорокина, Ш. Айзенштадта, К. Ясперса, других специалистов. Обсуждается содержание термина «цивилизация». Цивилизация интерпретируется автором как социально-философская категория, служащая для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Это определение конкретизируется путем раскрытия диалектики социальных, культурных, когнитивных и институциональных компонентов цивилизации на примере России в историческом диапазоне от Киевской Руси до современной РФ. Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, Российской империи и СССР, автор приходит к выводу, что исторически эти политические формы имели несколько цивилизационных воплощений: «православная цивилизация» Московского царства (XVI–XVII вв.), «цивилизационная псевдоморфоza» империи Романовых в XVIII и середине XIX в., «гибридная цивилизация современного типа» России кануна Первой мировой войны и «советская цивилизация», представлявшая альтернативный Западу тип современного развития. Современная Россия, безусловно, наследует ей, но не является целостным цивилизационным образованием. У нее нет не только объединяющей народы метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой цивилизационный гибрид, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной современности.

С.А. Никольский. О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Исторический анализ.....99–127

Термином «цивилизация» именуется феномен двух видов. В соответствии с первым цивилизация представляет собой исторически вырабатываемый человечеством общественно-экономический уклад, включающий в себя набор институтов и механизмов общественного бытия и общественного сознания, который приходит на смену варварству. В соответствии со вторым значением цивилизация – конкретное человеческое общество, вышедшее из одежд традиционного общества и обладающее «сильной культурой», в котором общечеловеческие цивилизационные институты и механизмы проявляют себя через специфические для данного общества формы, что позволяет говорить о них как об обладающих уникальным всечеловеческим содержанием. В этом случае термин обозначает локальную цивилизацию. Она обнаруживает себя в разных системах культуры в соответствии с присущей им «логикой смыслополагания, берущей начало в глубинных механизмах сознания» и проявляет себя во всечеловеческом. В каждом обществе цивилизационные институты и механизмы в результате революционных событий или эволюционных процессов закрепляются на основе присущих обществу традиционных форм организации и функционирования, наличествующих в индивидуальном и общественном сознании, но перерабатываемых в процессе цивилизации. Для России таковыми формами, принявшими характер констант, являются имперский способ бытия, самодержавная форма правления, механизм поддержания самодержавия «собственность/бессобственность», приученный посредством покорности к самодержавной форме правления народ и выполняющая функцию поддержания власти при небрежении народом православная церковь.

А.В. Рубцов. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса. Состав проекта, тематическая структура, каркас категорий.....128–172

Тема «Российский проект цивилизационного развития» рассмотрена как комплексная и долгосрочная исследовательская программа. Формированию собственных моделей должен предшествовать анализ уже сложившегося общего дискурса о цивилизации во всем многообразии его основных предметов и ракурсов, методологических подходов и языков описания. Охватить целое в его хотя бы приблизительной полноте позволяет метод контурного картирования. Длиннофокусная оптика впервые дает представление о границах и общей структуре объекта. Это позволяет осмысленно выбирать в проекте собственные ракурсы, опуская остальные «зряче», а не в силу незнания или слепой инерции. Метод позволяет справиться с резко выраженной полисемией, в том числе основных категорий темы: «цивилизация», «проект», «российское»... Подключаются смежные предметы: идентичность, конфликт цивилизации и культуры, вызов и ответ, цивилизационный выбор России, постколониальный этос, отношение к проектности в ситуации постмодерна. Акцентируются факторы существования, упадка и гибели исторических и новейших цивилизаций (цивилизационная эсхатология). Особо отмечены сырьевые модели и производные от них ресурсные социумы. Показано уникальное значение философии для понимания всей глубины проблемы смены вектора развития, в том числе с сырьевого на инновационный. Технократические иллюзии мешают понять, что для решения таких поистине цивилизационных, исторических задач недостаточно директив, оперативного администрирования, трансфера технологий и финансов. Показана необходимость изменений в экономике, институциональной среде, политике и психоидеологии, связанной с вековыми архетипами и инерциями сознания.

С.С. Неретина. Контурное картирование цивилизации.....173–187

В статье, которая является реакцией на доклад А.В. Рубцова «Российский проект цивилизационного развития: тематическая структура и каркас категорий», контурное картирование структур, способов выявления содержания, смысла и задач цивилизаций обсуждается как имеющее теоретико-методологическое значение. Вместе с тем ставится проблема понимания терминов «государство», «нация», «цивилизация», «право» и прежде всего «история», с которой тесно связано само появление идеи цивилизации в эпоху модерна. Эти термины могут иметь разное значение не только в разных цивилизациях, но и внутри разных регионов одной цивилизации, лишая смысла потуги добиться консенсуса в спорных ситуациях. Анализ этих понятий, составляющих каркас цивилизаций, повлек за собой необходимость представить различие между понятием новой истории как обозначения границы времени и модерна как содержания нового, показать способы темпоральных смещений. Контурное картирование цивилизации обнаруживает и различие между ними, и их общность, а режим историчности, устанавливающий отношения и стратегии отношений между разными временами, позволяет создать разнообразные акторно-сетевые связи – политические с физическими, историческими, социальными картами, уместающимися в карманах каждого человека и пр., – обнаруживая и сходства, и уникальность времени в каждом отдельном регионе. Такого рода способность выделения с помощью технических налаженных средств дифференциалов цивилизации, истории или культуры позволяет прогнозировать кризисные моменты, во время которых любое время (прошлое, настоящее и будущее) начинает терять свои очертания. Кризис и осознание кризиса дают возможность преодолеть историю как выражение модерна, ибо нельзя ставить вопрос о будущем, находясь внутри истории. Задача состоит в правильном

формировании состава проекта, который должен исключать попытки создавать будущую теорию из прошлого. Пытаться строить только на основании якобы известного и отстоявшегося прошлого – значит обречь свои попытки на неудачу: смысл проекта в том, чтобы преодолеть прошлое, уход от которого свидетельствует о том, что ожидаемые изменения не должны быть похожи на события прошлого. Проект – это попытка обнаружить язык, на котором сможет заговорить будущее.

А.В. Смирнов. Текущие задачи русской философии.....188–210

В статье поставлена задача – органично связать современную общественную ситуацию в стране и сугубо теоретические задачи, вставшие со всей остротой перед философией. За последние тридцать лет существенно изменились отношения между философией и обществом. В 1991 г. в российском обществе были сняты идеологические ограничения, в том числе касающиеся условий развития философии. В результате большая часть усилий отечественных философов оказалась направленной на компенсацию отставания от западной философии. Этот вектор привел к разделению философии и общества, индивидуального философского сознания и сознания общественного к утверждению определенных ценностных установок, характерных для западной цивилизации, как универсальных.

Формирование и принятие адекватного эпистемологического обоснования для российского цивилизационного проекта, равного по масштабу западному, становится насущной задачей для современной русской философской мысли. Российский проект цивилизационного развития не может просто опираться на «традиционные российские ценности», он требует поиска нового, более универсального решения, способного собрать воедино разнородные, несводимые к единому знаменателю ценностные системы, характерные для российского общества. Это требует колоссальной философской работы, развивающей индивидуальное философское сознание и доводящей его до подлинного самосознания – и философии, и общества.

Далее в статье говорится о том, что нынешний язык русской философии должен быть существенно развит, более того, существенно перестроен, и это составляет особую задачу и особое поле работы философа. В философии назрела постановка вопроса о (не)универсальности разума. Для российской культуры основанием мышления, целиком не зависящим от европейского, может стать все субъектность как идея о вселенской целостности, как утопический идеал неутрачиваемой целостности и неутрачиваемой субъектности.

В заключение подчеркивается, что эта идея, взятая как утопия, при продумывании того, как могла бы основанная на ней большая культура развернуть себя в цивилизационную систему, составляет необозримое поле для работы на всех уровнях – от базового, связанного с философией сознания, до самых высоких и конкретных этажей культурно-цивилизационного строительства.

Ю.М. Резник. О некоторых философских основаниях цивилизационного дискурса в современной России.....211–231

Автор статьи разделяет в целом выводы, к которым пришел А.В. Смирнов. Во-первых, Запад с его претензиями на универсальность собственного цивилизационного проекта и политику глобализации не подходит для России. Последняя не может быть Западом в силу логики развития своей культуры (культур). Россия выражает всеобщее в собственной форме и претендует на универсальный проект. Во-вторых, отечественная философия, по мнению докладчика, является во многом «вторичной метафизикой» по отношению к западной мысли, используя ее методологию и понятийный аппарат. И все же у нее есть шанс повернуться в сторону собственного

проекта и сформулировать свою повестку дня. В-третьих, поскольку Россия не может быть Западом, то, значит, она должна руководствоваться собственным разумом, соотнося его с разумами других народов и культур. Чтобы расширить возможности российского разума, надо постепенно преодолевать колониальность системы знания, в т.ч. в области философии, и инициировать новые проекты и дискурсы. В-четвертых, в России существует несколько больших культур и религий, которые возникли в ней изначально и объединены общей исторической судьбой. Соединить эти положения в рамках цивилизационного проекта возможно лишь при наличии интегративных ценностей, а также объединяющей идеи (всечеловечности) и особого способа субъект-предикатного комплекса (например, всесубъектности).

**Д.И. Дубровский. К вопросу о развитии
русской цивилизации. Патриотизм и либерализм232–240**

В статье обсуждаются некоторые актуальные вопросы развития российской цивилизации. Подчеркивается несостоятельность позиций авторов, которые отрицают самобытность российской цивилизации, рассуждают о «недоцивизованности» России и утверждают, что образцом для нее должна служить западная цивилизация. Такую позицию разделяет ряд отечественных философов и деятелей культуры. Среди них заметную роль играет А.В. Рубцов. В многочисленных публикациях он видит в «политическом инфантилизме» избирателей «регрессию российского общественного сознания» и объясняет это предложенной им концепцией нарциссизма. В противоположность деструктивной позиции Рубцова автор защищает патриотическую позицию, которая предполагает конструктивный подход к решению фундаментальных проблем развития российской цивилизации. Идеалы служения и преданности Родине всегда занимали высокое место в русской культуре и общественной деятельности. Патриотизм советского народа был одним из решающих факторов победы в Великой Отечественной войне. Такого рода глубинная ценностная структура общественного сознания неискоренима, она и сейчас в той или иной форме существует в народном сознании и служит важным фактором созидательной деятельности. Подчеркивается первостепенное значение устойчивого развития России в условиях нарастающего глобального кризиса земной цивилизации. Этот вопрос должен занять важное место в разработках проекта российского цивилизационного развития.

В.Г. Буров. Размышления о русской цивилизации.....241–251

Российские ученые (академики Смирнов А.В., Тишков В.А.) отстаивают идею, что Россия не является монорелигиозной страной, что российский народ является многонациональным. На территории нынешней Российской Федерации проживают представители бывших советских республик, ныне суверенных государств. В результате цивилизаторской роли России они во многих отношениях стали именно россиянами, независимо от их этнической принадлежности (украинской, белорусской, армянской, грузинской, казахской, молдавской, узбекской и т.д.). Европейский цивилизационный проект – локальный, он не имеет общечеловеческого статуса, как любой другой локальный цивилизационный проект. Точно так же нельзя считать универсальными европейские ценности. Такой же точки зрения придерживаются китайские политики и ученые. В Китае постоянно подчеркивают специфику своей цивилизации и связанных с ней атрибутов. В настоящее время в стране развернута и реализуется широкая кампания по пропаганде основных социалистических ценностей, которые подчинены общей цели – превращению Китая в богатое, демократическое, цивилизационное, гармоничное социалистическое государство. Эта цель должна быть достигнута к 2049 г. – к 100-й годовщине образования Китайской Народной Республики.

**Р.Р. Вахитов. Кочевые черты в характере русских
в сфере духа и в материальном производстве.....257–267**

В среде русской интеллигенции распространено восприятие русского народа как оседлого. Однако многие деятели русской культуры (от И.С. Аксакова до А.М. Горького) отмечали сходство русского характера с характером кочевых народов. По их мнению, для русских также свойственно стремление к странствиям, поискам лучшей жизни, а в духовной сфере – неудовлетворенность имеющимся положением вещей, поиски высших идеалов.

В нашей статье выдвигается предположение, что эти черты должны иметь соответствие в материальном базисе, в сфере материального производства, в хозяйственных практиках русского народа (великороссов) на разных этапах его истории. Действительно, еще В.О. Ключевский указывал, что при формировании великоросского (русского) этноса колонисты с юга, оказавшиеся в междуречье Волги и Оки, использовали кочевое, подсечно-огневое земледелие. Это оказало влияние на характер русского народа. В XX в. создатель социоестественной истории Э.С. Кульпин-Губайдуллин развил эти идеи, характеризуя русскую цивилизацию как сочетающую черты оседлых, этатистских (Китай) и кочевых (Туран) народов. Социолог Ю.М. Плюснин показал, как велика роль отходничества в хозяйственных практиках русского народа вплоть до современности.

Таким образом, существуют серьезные доказательства тезисов о том, что имеется родство между мировоззрением и ценностями русского и кочевых народов, на что указывали и славянофилы, и евразийцы. Схожие тенденции наличествуют в материальном производстве русского народа как в Средневековье, так и в Новое и Новейшее время. Можно не соглашаться с марксизмом в том, что материальное производство первично, а духовная культура вторична, но существование корреляции между материальным и духовным в обществе – это непреложная истина, открытая марксизмом. Использование его методов позволяет лучше понять истоки ценностей русской культуры. Это позволяет также объяснить феномен комплементарности между славянскими и туранскими культурами Евразии.

2021. ТОМ 3. НОМЕР 2

**Д.Е. Муза. Цивилизационная концепция А.С. Панарина
и проблемы актуального мирополитического процесса.....5–19**

В статье предложена интерпретация философско-исторической концепции А.С. Панарина, которая охватывает большой круг вопросов цивилизационного развития человечества, как и вариантов конституирования культурно-политических порядков бытия дифференцированного по ценностным основаниям человечества.

Исследовательская гипотеза состоит не только в артикуляции панаринского наследия, многолетней деятельности его научной школы, но также в реконструкции и интерпретации основных положений его цивилизационной концепции, приложимых к мирополитическому процессу и его интригам.

Сегодня можно говорить о том, что многие интуиции и прозрения мыслителя сбываются. В частности, состоялся «реванш истории», а именно: ее «восточного мегацикла», где Россия и русская цивилизация играют решающую роль.

Показано, что предложенный А.С. Панариным фокус понимания политической динамики прямо указывает на «цивилизационные стратегии», которые охватывают притязания цивилизаций на форматирование и маршрутирование истории. В свою очередь очерчен сюжет о «цивилизационной стратегии» западной цивилизации,

подчеркнуто деструктивный в отношении незападных цивилизационных систем. Причем во многом такое положение дел вызвано «кризисом постулатов исторической рациональности». Напротив, кооперация незападных цивилизаций, возможная не только на геополитической, но и на этико-аксиологической основе по-прежнему представляется перспективным путем изменения характера и логики истории.

Подводя итоги, можно сказать, что цивилизационная концепция А.С. Панарина служит важным методологическим ориентиром в понимании общемировой динамики, равно как цивилизационного бытия России.

К.В. Ракова. Столкновение или сотрудничество цивилизаций?

Актуальные оценки западными специалистами

концепции С. Хантингтона.....20–50

В статье дана проблемно-тематическая характеристика публикаций последнего времени, в которых обсуждается концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Это прежде всего статьи, опубликованные в американских, канадских, британских, испанских и французских научных журналах с высоким статусом, которые рецензируются в научной базе данных «Scopus». Охарактеризованы пять основных аспектов этих статей, значимых в контексте задач «Российского проекта цивилизационного развития», в том числе интерпретация фактов межцивилизационного сотрудничества. В результате проведенного контент-анализа исследования были разделены на группы по типу основополагающих факторов, рассматриваемых в качестве источников современных международных столкновений и конфликтов, таких как: политические и экономические интересы государств, укрепление национальной идентичности населения США, отношение к православной цивилизации. В отдельные группы вошли исследования, авторы которых позитивно оценивают теорию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, но не разделяют его цивилизационное группирование стран и предлагают свою классификацию, а также оригинальное эмпирическое исследование о взглядах современной молодежи на цивилизационное расположение стран в мире и их коалиций.

Для анализа межцивилизационного сотрудничества, помимо статей, рассмотрен коллективный научный труд «Столкновение или кооперация цивилизаций?», в котором ученые из разных стран обосновывают свою точку зрения на современное положение дел на международной арене в контексте теории С. Хантингтона. Результаты аналитического обзора, полученные при проведении полуформализованной оценки с использованием шести авторских переменных, свидетельствуют о том, что специалисты разных стран выдвигают аргументы за и против концепции «столкновения цивилизаций»; многие сходятся в том, что в международных конфликтах цивилизационные различия играют важную роль, но более существенны столкновения политических и экономических интересов государств.

Р.И. Соколова. Проблема идентичности российской цивилизации

и геополитика.....51–69

Статья посвящена цивилизационной идентичности России в свете современной геополитики, которая является остро актуальной. Исходя из поставленной задачи, в статье предлагается изменить подход к исследованию сущности российской цивилизации, выраженной в символическом виде в вопросе «Кто мы?», что порождает разногласия и ведет в тупик. Более ответственный и проективный подход дает ответ на вопрос «Зачем мы?». Этот вопрос переводит исследование в плоскость поиска смысла цивилизации и органично связан с проблемой идентичности, а также геополитикой. Подчеркивается, что вопрос о смысле является важным метафизическим

вопросом, имеющим также онтологическое измерение. Смысл имманентен целому, пронизывает всю цивилизацию и является для нее, по существу, законом. Автор приходит к выводу, что смысл цивилизации наиболее плодотворно раскрывается в классической русской философии, которой свойственно внимание к объективной реальности, наличие методологического принципа «мы», исследование темы отношений России и Европы. Данные свойства русской классической философии в своей совокупности и взаимопереплетении помогают более осознанно подойти к современной геополитике и способствовать выявлению онтологического смысла российской цивилизации на данном этапе. В связи с этим отмечается происходящая в современной геополитике интенсивная реактивация «образа врага», имеющего своим истоком теорию К. Шмитта. «Образ врага» неотделим от понятия войны, опасность которой отмечают многие военные эксперты. В онтологическом плане основной смысл российской цивилизации заключается в ее защите от многообразных угроз. Постигание метафизической стороны смысла – не менее важная задача. Всечеловечность, сохранение духовных ценностей, утраченных Западом и др. – производные от этого смысла.

Т.А. Сениюшкина. Цивилизационная идентичность: социокультурный феномен или геополитический конструкт?.....70–82

В статье раскрывается двойственная природа цивилизационной идентичности, которая проявляется в том, что она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества и одновременно с этим может выступать в качестве когнитивного конструкта, который применяется для достижения геополитических целей. Для обоснования этого положения автор последовательно решает задачи, которые соответствуют основным тематическим блокам исследования. В первом блоке рассматриваются вопросы теоретико-методологического характера, возникающие при исследовании взаимосвязи цивилизационных и геополитических процессов в междисциплинарном предметном поле.

В качестве методологии используются теоретические положения цивилизационного подхода, критической геополитики и конструктивизма. Во втором блоке через призму ключевой идеи исследования рассматривается традиционная для российской культуры дихотомия «Восток – Запад». Автор приходит к выводу, что составные элементы парного понятия «Восток – Запад» весьма расплывчаты с точки зрения их точного описания, привязки к конкретным странам и народам и имеют исторически-временной характер. Кроме этого, дихотомия «Восток – Запад» имеет разное преломление в мировоззрении разных поколений, в зависимости от исторического опыта или «коллективной судьбы», согласно терминологии К. Манхейма.

На примере античных цивилизационных процессов в Крыму сравнивается геополитический статус Херсонеса, который можно приписать к «Западу» в его эллинском смысле и Боспорского царства, где пересекаются два цивилизационных элемента – эллинский и иранский. Делается вывод о том, что Крым – это место встречи Востока и Запада, что можно применить и к России в целом, с точки зрения междисциплинарных взаимовлияний, которые формируют российский культурный код, готовый к периодической смене идентичности. Результаты исследования подтверждают гипотезу, сформулированную в начале статьи. Делается вывод о том, что цивилизационная идентичность характеризуется дуальной природой – с одной стороны, она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества. С другой стороны, цивилизационная идентичность подвластна конструированию, что облегчает ее использование в качестве инструмента для достижения геополитических целей.

О.А. Воронина. Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX века).....83–101

Цель статьи – описание и анализ общей картины того, как формировалось представление о нормативной женственности в процессе исторического развития российской цивилизации в XV – начале XX в. Эмпирическую базу анализа составляют материалы исследований по социальной и гендерной истории, этнографии, социальной философии. Основную роль в формировании гендерных норм играли православная церковь, самодержавное государство, сословная социальная структура, аграрный тип производства. Так, утверждение в России монотеизма способствовало формированию патриархального социального порядка, для которого характерны главенство мужчин и подчинение женщин. Это вместе с изменением социально-экономических условий, формированием привилегированных сословий и влиянием татаро-монгольского ига привело к лишению женщин тех прав, которыми они обладали в Древней Руси. Через несколько веков реформы Петра I нанесли значительный удар по архаическим традициям. Его инновации положили начало формированию светского законодательства в области брачно-семейных отношений, которое снизило роль канонического права, запрещало некоторые особенно изуверские в отношении женщин бытовые нормы и ограничило власть мужа в семье. Европеизация способствовала секуляризации общественного сознания высших слоев общества и внедрению западных норм социальной и культурной жизни. Позже модернизация России, отмена крепостного права, развитие промышленности и более широкое привлечение в нее женщин требовали повышения уровня их образования. Начавшиеся с середины XIX в. дискуссии о праве женщин на университетское и профессиональное образование, на избирательные права способствовали пробуждению социальной активности женщин.

Автор анализирует специфику трех основных направлений в обсуждении «женского вопроса». Одно из них – так называемая теология пола – шло в русле русской философской традиции. Два других подхода опирались на социалистические и либеральные идеи западных мыслителей. Автор приходит к выводу, что в целом формирование нормативной гендерной структуры в России протекало аналогично тому, как это происходило и в европейской цивилизации: от первоначальной жесткой гендерной иерархии к постепенному расширению прав и возможностей женщин вплоть до получения женщинами избирательных прав в апреле 1917 г. В статье показывается, что развитие российской цивилизации в гендерном аспекте шло от патриархальных традиций к предоставлению женщинам больших прав и возможностей. Эти тенденции были продолжены и в советское время. Статья предоставляет убедительный материал для опровержения утверждений отечественных консервативных идеологов о незыблемости патриархальных гендерных норм в России.

2022. ТОМ 4. НОМЕР 1**Н.А. Касавина. Проблемы цивилизационного развития в текстах сотрудников Института философии РАН разных лет (в контексте подготовки тома “Memoria”)11–18**

В статье предпринимается анализ дискуссий по проблемам цивилизационного развития в текстах периода с 1982 по 2011 г., авторы которых работали в Институте философии РАН. Избранные тексты готовятся к публикации в специальном мемориальном томе изданий в рамках «Российского проекта цивилизационного развития». Делается акцент на методологических подходах к пониманию цивилизации,

границах и взаимосвязях этого понятия и близких к нему категорий с обращением к работам В.С. Библера, В.Ж. Келле, Н.В. Мотрошиловой, А.П. Огурцова, В.С. Степина. На примере некоторых текстов показывается понимание цивилизации как исторического процесса (Л.И. Новикова, Ю.К. Плетников). В 1990–2000-е гг. особенно проблемным является вопрос о специфике России как цивилизации, ее месте в мировом политическом и культурном пространстве (А.С. Ахиезер, В.М. Межуев, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский). Настоящее и будущее цивилизации в проекции философского прозрения звучит в текстах Б.А. Грушина, А.А. Зиновьева. Основными итогами работы сотрудников Института философии РАН по проблеме цивилизации являются многосторонний анализ этого понятия на разных уровнях (мировом, региональном, локальном); обозначение качественных параметров, измерений цивилизации; выводы и прогнозы о России как цивилизации и ее будущем.

И.И. Мюрберг. Тема цивилизации в российском политико-цивилизационном дискурсе XXI в.19–34

В статье применяются сравнительно-исторический, герменевтический и критико-аналитический методы. Прослеживаются периоды теоретико-методологического развития отечественных подходов к проекту цивилизационного развития. Нулевые годы XXI в. отмечены продолжением «классической» линии в цивилизационных исследованиях и началом размежевания по принципу признания либо универсалистской, либо мультицивилизационной парадигмы. Сквозной темой стал опыт содержательного сопоставления их, соответственно, с классическим или неклассическим периодами западноевропейской философии. В аспекте политических стратегий им соответствовали глобализм и антиглобализм. Вторая сквозная тема связана с возникшей позже оппонирующей универсализму мультицивилизационной парадигмой. Постепенно ее стратегии и подходы оформились в установку на аутентичное политико-цивилизационное развитие России. Начало следующей сквозной теме положили расхождения по поводу возможности переосмысления теоретико-методологических средств анализа феномена цивилизации.

В статье утверждается, что прозвучавший в ходе новых дискуссий призыв к отказу от онтологического подхода в пользу дискурсивного безоснователен, т.к. основан на наивном доверии к принципу конструктивизма как источнику получения ясного и надежного знания о «сконструированных» объектах социального мира. Однако с опорой на работы ак. Лекторского о «конструктивном реализме» доказывается, что: (1) в действительности «сконструированные» социальные объекты не уступают по сложности и непредсказуемости объектам природного мира; (2) более того, будучи «очищенным от онтологии», эпистемологический конструктивизм как таковой не способен приносить новых знаний. Этот вывод находит косвенное подтверждение в перечисляемых в статье работах участников проекта, публикации которых соединяют реалистический подход с неклассическими способами изучения цивилизаций. Статья завершается рассмотрением концепции политического философа Б.Г. Капустина о «большой» и «малой» политике. Капустин выделяет две ипостаси политической деятельности: в первом случае – это инновационно-творческая (открытая к встрече с реальностью как источником новизны) деятельность; во втором – деятельность «рутинизирующая», исключающая такую встречу.

М.Т. Степанянц. Многовекторные ориентиры цивилизационного развития России35–54

Проблема выбора пути цивилизационного развития рассматривается в широком историческом контексте. Географическое положение России не позволяло ей быть

удаленной от всего мира: уникальная протяженность территории делала ее «открытой» с запада на восток и с юга на север. Следствием того была и остается, с одной стороны, подверженность вторжениям во всех смыслах слова, а с другой – преимущество доступа и усвоения культурных, научных, технических достижений соседних цивилизаций. Векторы данного процесса постоянно менялись главным образом в силу политических ситуаций.

Россия многократно оказывалась на перепутье, она и сегодня не определилась до конца с выбором между вектором развития, избранным Западом, и тем, что предпочли народы Востока. Привлекательность западной цивилизации в принципе ясна. На Западе создано наиболее комфортное общество, обеспечивающее своим гражданам высокий уровень жизни и существенную социальную поддержку. Он находится в авангарде научного прогресса, оснащен новейшей техникой и использует самые передовые технологии. На Западе широко функционируют демократические институты, различные формы гражданского общества.

А чем может быть полезен для России опыт цивилизационного развития азиатских государств, представляющих восточные цивилизации? Именно на этот вопрос предпринимается попытка ответить в данной статье.

В.Н. Шевченко. Взгляды Ю.К. Плетникова на соотношение формационного и цивилизационного подходов в контексте академических дискуссий второй половины XX в.55–68

В статье рассматриваются теоретические взгляды Ю.К. Плетникова, одного из видных ученых в области социальной философии (исторического материализма) в контексте тех дискуссий, которые проходили в академической среде во второй половине XX в. Показано, что в центре дискуссий 1960–1970-х гг. оказалась теория общественно-экономических формаций. Рядом авторов было предложено новое, современное по тем временам понимание эволюции взглядов К. Маркса на формационное членение истории общества, которое подверглось тогда жесткой и в целом несправедливой критике.

Далее рассмотрена теоретическая деятельность Ю.К. Плетникова после его прихода в Институт философии АН СССР в середине 1970-х гг. Ю.К. Плетников внес большой вклад в системное изложение теории исторического материализма, в том числе в новое понимание формационного учения К. Маркса. В частности, он обосновал необходимость рассмотрения формационного и цивилизационного подходов в их органической связи и взаимозависимости, выступал против вытеснения формационной проблематики на периферию научных исследований. Ю.К. Плетников на протяжении всей своей творческой деятельности последовательно придерживался позиций творческого марксизма.

Особо обращено внимание на актуальность его философских взглядов, согласно которым дальнейшее развитие марксистской социально-философской теории требует не только критического освоения, «диалектического снятия» многих достижений немарксистских ученых и их включения в теоретическое здание марксизма, но и его обогащение новыми идеями и новой проблематикой в тесной связи с поиском решения сложнейших проблем современного многополярного мира.

И.Н. Сиземская. О консенсусе как принципе социально-философских исследований.....69–79

В статье консенсус рассматривается как философско-аналитический принцип, ориентирующий на взаимопонимание и необходимую меру согласия в социальных исследованиях, и как социально-культурное основание движения истории человечества

и локальных цивилизаций от прошлого к настоящему и возможному будущему. В этой связи автор обращается к обсуждению в конце XX в. познавательных возможностей формационного и цивилизационного подходов, общим вектором которого стало освобождение социального знания от идеологических схем и классово-оценочных клише, доминировавших в нем на платформе формационной парадигмы «пятичленки». Одновременно в ходе дискуссии, как показано в статье, за цивилизационной методологией утвердилось общечеловеческое культурное измерение исторического процесса. Это инициировало всплеск интереса к консенсусу как принципу социально-философского анализа. Одним из первых исследователей, рассмотревших консенсус в новом методологическом ключе, был А.С. Панарин.

Н.И. Лапин. Вклад в философское понимание исторического смысла цивилизаций в трудах сотрудников Института философии на рубеже XX–XXI вв.80–89

Данная статья посвящена оценке вклада отечественных мыслителей – сотрудников Института философии РАН в осмысление сущности исторического смысла цивилизаций. Автор обращается к текстам Н.В. Мотрошиловой, П.П. Гайдено, А.С. Панарина, Б.А. Грушина, А.С. Ахизера. В частности, артикулируется, что конкретные проявления цивилизации не обязательно являются универсальными, поскольку представляют собой лишь форму реализации цивилизационного процесса как один из возможных ответов на фундаментально-экзистенциальную потребность выживания человечества. Формулируется презумпция равенства цивилизаций и культур, а сами они являются следствием особой структуры массового сознания. Обозначена возможность перехода цивилизаций в деструктивную фазу и возможные источники «варваризации».

Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко. Меры цивилизованности90–106

В статье предпринимается попытка разностороннего рассмотрения понятия «цивилизованность» и сопряженного с ним понятия «варварство». Показано, как термин «цивилизация» последовательно приобретает идеологическое, научное и философское измерение. Возникновение в ходе истории таких социальных институтов, как религия, торговля, политика, право, наконец, централизованная военная промышленность и развитая экономика, знаменует этапы постепенного наполнения понятия цивилизованности тем содержанием, которое мы обнаруживаем в нем сегодня. Варварство из антропологическо-географической характеристики превращается в обозначение функциональных особенностей социальных процессов – меры их отклонения от «цивилизованного» образа действий. Авторы склонны полагать, что при значительном историческом разнообразии цивилизационных стратегий цивилизационное движение является все же скорее универсальным средством поиска сбалансированного подхода к использованию ресурсов как отдельными человеческими сообществами, так и человечеством в целом. Приблизительной же мерой успешности цивилизационных процессов может служить обобщенное представление об энергетической эффективности.

Ю.Д. Гранин. «Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект «Большая Евразия».....107–124

В статье анализируется оригинальная версия геохронополитики Вадима Цымбурского. Ее теоретическим основанием стало понимание России в качестве особой «цивилизационной платформы» – страны, находящейся за «Великим лимитрофом».

Следствием такого понимания стало обоснование органического характера геополитического движения России на Север и за Урал – в направлении «трудных пространств» вплоть до границ Тихого и Северного Ледовитого океанов. Тогда как продвижение в Центральную Азию и особенно на Запад, на земли «романо-германской цивилизационной платформы», исторически оказывалось контрпродуктивным, из века в век рождая ожесточенное сопротивление «северному гиганту». На этом основании Цымбурский интерпретировал дезинтеграцию СССР как возврат России к органическому состоянию, связывал будущее страны с внешней политикой «гибких союзов», необходимых для внутреннего развития: «трудных территорий» Сибири и Дальнего Востока. Эти идеи оказались востребованы отечественной геополитической мыслью лишь в 2010-х гг. и частично были воплощены в геополитическом проекте «Большая Евразия». Последний стал следствием изменения геополитической и геоэкономической конфигурации мира, стимулировавшим Россию к повороту от недружелюбного Запада на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах «Большой Евразии» и сотрудничества с Индией и Китаем на положении «младшего партнера»? Чтобы избежать провала на азиатском направлении, России необходимо разработать собственную модель модернизации страны на основе альтернативной западному модернизму системы ценностей, развития науки и образования.

С.Г. Ильинская. Актуальность геополитических интуиций

Вадима Цымбурского 125–139

Настоящая статья написана на базе полемиического выступления по докладу Ю.Д. Гранина «Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект «Большой Евразии» в рамках круглого стола «Проблемы цивилизаций в трудах Института философии РАН». Целью работы является прояснение позиций концептолога «острова Россия» в отношении ряда актуальных современных геополитических проблем. Задачи, поставленные в тексте, можно определить как: 1) более точное понимание того, что имел в виду автор под «российской цивилизацией»; 2) четкое различие между «Россией как Евразией» и «Большой Евразией»; 3) методологические размышления в отношении взаимосвязи исторической и проективной составляющей его концепции, а также 4) те перспективы, которые были намечены В. Цымбурским в позитивной версии контрреформации как дополнительно введенном элементе шпенглеровского цикла развития локальных цивилизаций. Базой для герменевтического анализа стали тексты Вадима Леонидовича, посвященные в целом цивилизационной тематике, концепту «остров Россия» и проблеме суверенитета, аккумулированные в двух его монографиях. Итогом анализа стал ряд констатаций. 1) осознание значения русской культурной составляющей для российской цивилизации; 2) понимание задачи развития «острова Россия» как приоритетной по сравнению с задачей общекионтинентальной интеграции путем развития взаимосвязей с иными локальными цивилизационными центрами; 3) вывод о взаимной дополнительности исторического и проективно-конструктивистского модусов локально-цивилизационных исследований; 4) провозглашение актуальности ценностной консолидации российской элиты и рядовых граждан как первоочередной задачи самосохранения российского «острова».

Ю.М. Резник. Проект экологической цивилизации

для России (собственные основания и китайский опыт)..... 140–159

Статья начинается с уточнения понятий, которые используются автором в анализе разных цивилизационных концепций, представленных как философами прошлого,

так и настоящего («идея», «проект», «проектная идея», «проектная реконструкция» и пр.). Автор проводит реконструкцию этих концепций применительно к России, в том числе идей, подчеркивающих значение духовной организации жизни (Г.В.Ф. Гегель, А. Швейцер, С. Хантингтон), софийность, всеединство и интегрализм (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев и П.А. Сорокин), всечеловечность (Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой, А.В. Смирнов). Ни одна из предлагаемых концепций не может быть полностью применена в обосновании цивилизационного проекта России. Однако некоторые идеи могли бы лечь в основу данного проекта (духовность и трансцендентность, ориентация на жизнь и общее дело, софийность и всеединство, идеократический характер и всечеловечность).

Россия может вступить на путь становления цивилизации экологического типа. Но чтобы преодолеть западнцентризм, ей важно учесть китайский опыт в построении экологической цивилизации, ориентированной традиционно на великую гармонию мира. Экологический кризис в Китае побудил политическое руководство страны к принятию взвешенных стратегических решений, в том числе мер по созданию экоприродных заповедников, дорожной карты охраны природы и программы экологического воспитания граждан, и в первую очередь молодых людей. Но главное в этой стратегии – реализация модели экологической модернизации, которая приведет к становлению «зеленой» экономики, соответствующей логике культуры самого Китая.

Все это в известной степени может быть использовано в цивилизационном развитии современной России и тем самым способствовать ее экономической интеграции и культурному сближению с Китаем. Ей, как и последнему, нужно преодолеть парадигму «системной исключительности», допускающей доминирование над природой и прогрессистские устремления в отношении всей окружающей среды, а также отстаивать свой экологический суверенитет.

Экологическая парадигма позволяет интегрировать разные концепции цивилизационного развития России. Она исходит из принципа допустимости как предельно возможного вмешательства в естественные процессы социоприродной среды, а также учитывает факторы местобытия, человекообразности, экологичности, социальной солидарности, самоограничения потребностей и умеренного потребления, мобильной интеллектуальной среды и пр. Кроме того, цивилизационный проект должен иметь этико-экологическое обоснование с учетом идейного наследия русской философии и соблюдения критериев благоговения перед жизнью, нравственной гармонии, профессионального отбора экологических субъектов.

Чэнь Айжу. О философском значении

Сообщества единой судьбы человечества.....160–168

В статье раскрываются историко-философские основания концепции Сообщества единой судьбы человечества, которая выдвинута китайскими политиками и учеными как ответ на самые острые и актуальные угрозы современной эпохи, в конечном итоге ставящие проблему: быть или не быть человечеству на планете. Автор статьи подчеркивает, что появление этой концепции явилось результатом более чем пяти тысячелетнего развития китайской философской мысли и традиционной культуры. Ее важные аспекты были изложены, в частности, в работе великого китайского мыслителя Конфуция «Беседы и суждения» («Лунь юй»). Дается изложение содержания идеи «датун», или общества Великой гармонии. Далее в статье показывается, что современной теоретической основой концепции Сообщества единой судьбы человечества выступает марксизм. В эпоху всемирной истории глобальность человеческого общения приобрела всесторонний характер. И формирование Сообщества единой судьбы человечества соответствует прогрессивному направлению развития человеческого общества. В заключение в статье говорится о том совместном вкладе,

который должны сделать Китай и Россия в создание лучшего будущего для всех стран мира, для сосуществования всего разнообразия цивилизаций, присутствующих в современном мире.

2022. ТОМ 4. НОМЕР 2

В.И. Спиридонова. Контуры многоцивилизационного мира.....5–32

С начала XXI в. в незападном мире (в Китае, России, Индии) начался объективный процесс становления «плюрилатерального миропорядка» с опорой на новые мировые структуры – «государства-цивилизации», что зафиксировало начало «раскола современности», «оспаривание европейской модерности» в качестве безальтернативной универсальной модели развития. Этот процесс совпадает с логикой Ф. Броделя, который утверждал наличие самодостаточных «миров-цивилизаций» (России, Китая, Индии, Турции), которые до поры были «зонами молчания», «спящими» цивилизациями. Такой подход предполагает равенство этих цивилизаций с евро-атлантической цивилизацией, единственным преимуществом которой является ее обстоятельное «историографическое» исследование по сравнению с другими.

К существенным характеристикам евро-американской «мир-цивилизации» относят последовательное перемещение центра и периферии, кульминацией которого стало возвышение США; идею «чистого листа», «пустого» пространства как источника утверждения особого предназначения, исключительности, мессианства американской нации; категорию «фронтира», сопряженную с принципом «очищаемой территории», основы современной американской завоевательной политики; реализацию принципа «terra nullius», «ничейной земли», преобразования глобального фронтира в открытое пространство имперского суверенитета; жесткое разделение народов в рамках дихотомии «цивилизация» – «варварство». Согласно исторической логике и методологии Ф. Броделя, евро-американская «мир-цивилизация» имеет устойчивые материальные и культурно-идентификационные пределы распространения.

Сохранение глубинных структур, вновь вступающих во «время мира» цивилизаций – российской, китайской, индийской – происходит через «цивилизационные» или «долговременные» отказы, отрицающие разрушительные для их сущности заимствования. Главной задачей России является поиск нового энергетического импульса самоидентификации, который выражается в смене онтологического вектора развития, сформулированного Н.С. Трубецким в понятии «геополитического задания» народа, в качестве которого сегодня выступает реализация идеи «русского Севера», «Северной Евразии».

В.Е. Лепский. Рефлексия субъектности «коллективного Запада»....33–42

В настоящей статье обосновывается тренд повышения внимания к проблеме субъекта в широком спектре междисциплинарных исследований, включая и цивилизационную тематику. Проблема субъектности является ключевой для понимания конфликта «коллективного Запада» и России. Проведен анализ базовых качеств субъектности «коллективного Запада»: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Это позволило сделать вывод, что олигархический интернационал оформился в высокоорганизованного субъекта «коллективного Запада» на основе соблазна превосходства над другими и возможностей неограниченного обогащения за чужой счет. Фактически сформировался асоциальный субъект, использующий мировоззрение расизма. Анализ базовых характеристик субъектности «коллективного Запада» показал также, что он

становится все более похожим на тоталитарную секту. Выделены базовые механизмы управления в тоталитарных сектах, наиболее тесно связанные с рефлексивными технологиями: разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности; рефлексивная блокада; социальная изоляция; рефлексивное программирование. Приведены примеры использования этих механизмов «коллективным Западом». Признаки принадлежности «коллективного Запада» к тоталитарной секте отчетливо проявились в условиях пандемии COVID-19, а также при развязывании агрессии против России и Китая. Представленный анализ позволил дать обобщенную оценку специфики субъектности «коллективного Запада».

**В.Н. Шевченко. Особый путь развития России:
миф или реальность?.....43–69**

Статья посвящена анализу дискуссий по вопросу об «особом пути» развития России, приобретающих в последнее время все более острый характер. Рассматриваются доводы противников «особого пути» России, которые настаивают на универсальном характере процесса модернизации, другими словами, трансформации традиционного (аграрного) общества в результате буржуазной революции в современное, т.е. в либерально-демократическое общество или в общество модерн. Странники «особого пути» указывают на асимметричный характер многовековых отношений отстающей в своем развитии России с более развитым Западом, что вынуждает Россию в определенный момент времени отказаться от идеи догоняющего развития и приступить к поиску своего, альтернативного и в этом смысле «особого пути» превращения России в современное общество. В статье делается попытка преодоления идеологически окрашенного спора вокруг «особого пути» посредством обновления методологии исследования российской истории, в частности, более глубокого рассмотрения причин и последствий неравномерного развития европейских стран, включая Россию, на основе применения мир-системного подхода. Автор показывает, что идея особого пути России появляется как антилиберальный ответ на вызовы западного капитализма в условиях его стремительного развития. Впервые эта проблема, именно как проблема выбора нового политического вектора, возникает в явном виде с приходом к власти Николая I, когда Россия могла бы стать новым центром силы, центром иного, но тоже капиталистического развития. Но это была бы другая модель – модель государственного капитализма, в которой целенаправленное строительство экономики ставится на службу государству, способствует реализации им своих национальных интересов, что впоследствии продемонстрировала на своем особом пути Германия Бисмарка. В этой связи дается сравнительный анализ особых путей развития Германии и России в XIX–XX вв., демонстрируется сходство начальных позиций и противоположность полученных результатов.

**А.А. Знаменский, С.П. Тюхтенева. Алтайская этничность,
сибирское областничество и становление
советской Ойротской автономии.....70–87**

В статье анализируется проблема становления национализма у коренного населения Горного Алтая и формирования алтайской этничности начиная с поздней имперского периода и вплоть до начала советского национально-государственного строительства. Данная проблема рассматривается в контексте становления национальной интеллигенции Алтая, а также столкновения культуры алтайцев-кочевников с земледельческой культурой русских крестьян, а затем и в соприкосновении традиционной культуры алтайцев с советским проектом национального строительства. Новизна данного исследования заключается в выделении трех причин, которые привели

к становлению этнического самосознания алтайцев: во-первых, это была культурная деятельность сибирских областников, способствовавших формированию коренной алтайской интеллигенции, представители которой стали лидерами национального движения и продвижения утопического проекта «республики Ойрот». Во-вторых, важную роль сыграло низовое мессианское движение Белая вера (Бурханизм), возникшее снизу в массах в ответ на такой цивилизационный вызов, как освоение алтайских земель земледельцами из европейской части России. В-третьих, благоприятную почву для роста этнической самобытности алтайцев и попыток реализации утопии под названием «республика Ойрот» создали крах российской империи, усилившиеся в связи с этим центробежные тенденции и последовавшее за этим создание советского государства, национальная политика которого основывалась на принципе национально-территориального деления и предполагала создание национальных автономий. В статье отмечается, что алтайские автономисты (1917–1919 гг.), а затем алтайские коммунисты (1919–1923 гг.), основываясь, с одной стороны, на идеях сибирских областников, с другой – на идеях мессианского движения Белой веры, выдвинули проект наднациональной Ойротской республики, которая своими границами частично совпадала с исторической Джунгарией. Данный утопический проект вначале получил поддержку со стороны советского руководства, но затем был отвергнут, а его создатели репрессированы.

2023. ТОМ 5. НОМЕР 1

И.И. Мюрберг. Российский цивилизационный проект: политико-идеологический ракурс.....5–27

В статье подвергается критике принятая в Российской Федерации в 90-е г. XX в. государственная стратегия «деидеологизации» институтов политического управления страной, анализируется внутренняя противоречивость этой стратегии и высказывается поддержка мнения многих известных исследователей о неумиротворимости самого феномена идеологии как принципиального элемента жизнедеятельности современных обществ. При этом отмечается, что идеологии способны возникать и развиваться спонтанно, на низовом уровне, без участия правительственных и других властных инстанций. Принятие перечисленных теоретических положений существенно влияет на понимание места и роли идеологий в жизни цивилизаций. Фиксируется принципиальное взаимопонимание в этом аспекте между философами, представляющими разные типы современных обществ.

В теоретической мысли ведущую роль получают такие методы, следование которым делает возможным адекватно переосмысленное включение в ткань цивилизационных исследований принципа междисциплинарности с особым вниманием к инновационному потенциалу этого понятия. Идеология как явление, затрагивающее самые разные стороны жизни общества, предполагает многоаспектность/мультидисциплинарность анализа ее функционирования. «Конструирование» цивилизационного проекта невозможно без одновременного изучения исторической реальности развивающихся цивилизаций, налагающих на конструкции собственные культурно-исторические границы; благодаря осознанию «истории предмета» возникает то философское видение целого, без которого проект не может обрести ценностно-символического целеполагания. Так, история российской культуры (как литературно-художественной, так и политической) позволяет говорить о ее резистентности в отношении крайностей западного индивидуализма и создавать собственную картину мира с учетом этой и других особенностей.

В.Е. Лепский. Актуальные социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России.....28–46

В условиях нарастания конфликта с «коллективным Западом» необходимо создание адекватных механизмов управления страной, ориентированных на консолидацию государства, общества и бизнеса, на укрепление ее субъектности, обеспечения жизнедеятельности и развития. Предложены философские основания, обосновывающие возрастание роли субъектности, и рассмотрены базовые характеристики субъектности. Проведенный анализ современного состояния субъектности России позволяет сделать вывод, что она обладает слабо организованной субъектностью, которая сформировалась за последние тридцать лет культа денег и преклонения перед «коллективным Западом». Многовековая история России дает основание для утверждения, что она имеет цивилизационный код, который ее спасает в ситуациях, угрожающих потерей суверенитета. Условно этот код можно назвать кодом «мобилизационной субъектности». Рассмотрены актуальные социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России, среди которых важное место занимает проблема совершенствования механизмов общественного участия на всех уровнях – от местного до федерального. Обоснована целесообразность формирования нового направления в обеспечении безопасности социальных систем – «субъектная безопасность». Базовые философско-методологические основания данной работы связаны с постнеклассической научной рациональностью и постнеклассической кибернетикой саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред – кибернетикой третьего порядка. В контексте проблемы субъектности такой подход позволяет при сборке субъектов опираться на гармонию иерархий, сетей и сред, создавая условия для их конвергенции, а не противопоставления. Основой для этих процессов является система онтологий саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, которая позволяет преодолеть ограничения сетевого подхода (неклассическая научная рациональность) и перейти к формированию целостного макросубъекта.

Б.В. Грачев. Эссенциальные характеристики Большой Евразии.....47–66

Статья посвящена определению сущностных основ идеи Большой Евразии, проблеме концептуализации ключевого понятия. В работе показано, почему политологические и экономические исследования Большой Евразии вынуждены прибегать к философскому инструментарию. Объединение больших пространств на протяжении человеческой истории происходило по одной из трех моделей: империя, военный или политический союз, интеграционное объединение. Существенное внимание в работе уделено развенчанию популярного в научной среде мифа о том, что концепцию Большой Евразии можно считать интеграционной. Для реализации этой цели выделяются параметры интеграционного взаимодействия, проводится краткий сравнительный анализ с Европейским союзом. В заключение делается вывод о сущностной характеристике Большой Евразии как концепции межцивилизационного оборонительного союза и ее аксиологическом фундаменте – альтернативности западному проекту.

А.В. Трухан. Советское идеократическое государство в ловушке постсоветского межвременья: от православного либерализма к советскому православию.....67–89

В статье рассматривается кризис постсоветской идентичности как раскол советского сознания между советским и православным идеалами, а также как попадание России в ситуацию межвременья. Главным предметом раскола является противостояние

между двумя направлениями общественной мысли (православного либерализма и советского православия) в понимании природы и исторической роли советского государства. Главный тезис статьи – выход России из кризиса постсоветской идентичности может быть осуществлен только через преодоление идеократического раскола в постсоветском сознании советского человека. Для этого надо оставить губительный для России компромисс православия с политическим либерализмом и продолжить реализацию советского социального проекта, наполнив его нравственным идеалом совершенной личности Христа. Аргументация проводится с использованием концепта русского идеократического сознания и методологии социального анализа в идеократической парадигме, а также с использованием методологии рационализации мифа и реконструкции мифического сознания.

Р.Р. Вахитов. Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в. Миролюбие консерватизма и конфликтогенность либерализма..... 90–113

Статья посвящена рассмотрению отношений России (Российской империи, РСФСР и СССР) и Турции (Османской империи, Турецкой республики) в период с первой половины XIX по первую половину XX в. Автор указывает, что отношения эти включали в себя эпохи как конфронтации, так и замирения или стремления к миру. Автор рассматривает эти эпохи с точки зрения теории модернизации и обнаруживает интересную закономерность. В периоды консервативной модернизации наблюдались периоды мира или по крайней мере мирных инициатив. Конфликты приходились в основном на периоды либерализации и вестернизации как в России, так и в Турции. Автор отмечает при этом, что на либерализацию приходилось еще и господство таких идеологий, как панславизм в России и пантюркизм в Турции, которые несли и несут в себе огромный конфликтогенный потенциал. Автор объясняет это связью либерального мировоззрения и идей национализма, которую обнаружил еще русский философ-консерватор К.Н. Леонтьев. Кроме того, в периоды консерватизма Россия и Турция сталкивались с противостоянием западных держав (прежде всего – Англии и Франции), что подталкивало к сближению две «евразийские империи».

В.Н. Шевченко. Н.Я. Данилевский о геополитических отношениях России и Запада в контексте современной ситуации в стране и мире (к 200-летию со дня рождения)..... 114–130

Статья посвящена рассмотрению теоретического наследия выдающегося русского философа, ученого, политического публициста Н.Я. Данилевского, 200-летие со дня рождения которого недавно отметила научная общественность страны. В центре внимания автора статьи – два главных открытия, сделанных Данилевским. Во-первых, имеется в виду теория культурно-исторических типов, которая была положена в основу формулирования им геополитических закономерностей, что можно считать его вторым открытием, объясняющим отношение России к Европе, к политической системе европейских государств. После длительного забвения, подчеркивается в статье, имя Данилевского в начале 90-х гг. прошлого века было возвращено в отечественную философию и науку. Сегодня время торжества цивилизационного подхода в России. Стремительный рост интереса к идеям Данилевского привел фактически к формированию нового направления в социально-гуманитарных науках – отечественной школы цивилизационного анализа истории российского общества в контексте всемирной истории. В статье подробно рассматривается одна из главных гео-политических закономерностей – является ли Европа целостной политической системой и какое отношение имеет к ней Россия.

По мнению автора, Данилевский убедительно показывает, что интересы России и Европы взаимно противоположны и что в политическом смысле Россия не только не Европа, но Анти-Европа. Ответы Данилевского на русофобскую критику со стороны Запада сегодня стали особенно актуальными и в практическом плане востребованы российским обществом. В заключение говорится о консервативных взглядах Данилевского, о возможности светской их интерпретации. Обсуждается вопрос, насколько социальный консерватизм может стать сегодня перспективным идеологическим конструктом развития Российского государства и общества.

А.В. Никандров. Концепт социалистической цивилизации в позднем советском политическом дискурсе.

(Размышления над книгой М.П. Мчедлова «Социализм – становление нового типа цивилизации»).....131–149

Настоящая статья написана в стиле «размышления над книгой и эпохой» и посвящена судьбе концепта социалистической цивилизации в советскую эпоху. В центре внимания – книга М.П. Мчедлова «Социализм – становление нового типа цивилизации» [13], вышедшая в далеком 1980 г. В этой работе советского ученого в концентрированном виде представлен опыт концептуального оформления социалистической цивилизации на основе марксизма; раскрыты основные возможности репрезентации и потенции развития этого понятия, свойственные советской политической мысли.

Главная идея книги – социалистическая цивилизация как первая ступень коммунистической цивилизации – в свое время не получила должной оценки, вызвав лишь минимальную реакцию в советском научном сообществе, причиной тому был начавшийся спад внимания к поднятой М.П. Мчедловым проблематике. Незадолго до выхода книги в советской политической мысли начался процесс постепенного замещения марксистского формационного подхода новым, цивилизационным подходом, который был противопоставлен формационному. Кардинально менялась советская картина мира, и в дальнейшем под сомнение был поставлен не только формационный подход, но и весь марксизм в целом. В этом плане книга М.П. Мчедлова представляет серьезный научно-политический интерес как одна из последних попыток построения концепции социалистической цивилизации в рамках советской картины мира и советского марксистского мировоззрения в пределах советской истории.

2023. ТОМ 5. НОМЕР 2

Л.А. Асланов. Естественные-научные знания в цивилизационных исследованиях.....5–19

Современные воззрения этологии рассмотрены в их применении к проблемам локальных цивилизаций. Поведение людей определяется врожденными и приобретенными паттернами поведения. Им соответствуют две взаимосвязанные части каждой цивилизации: культура, которая соотносится с приобретенным поведением, и менталитет, отсылающий к наследуемому поведению и обеспечивающий постоянство поведения народа из поколения в поколение. Взаимосвязь культуры и менталитета и отрицательные последствия навязывания чуждой культуры народу с укоренившимся менталитетом показаны на примере организации труда в русской артели. Рассмотрены психологические типы личности, стабильно передающиеся по наследству, и с их учетом рассмотрена роль Московского княжества в становлении Российской державы.

**А.В. Иванов, И.В. Фотиева. Нестяжательство
как важнейшая ценность отечественной культуры.....20–39**

Статья посвящена борьбе двух противоположных мировоззренческих установок и соответствующих течений в политической, социокультурной и духовной жизни России – нестяжательства и иосифлянства. Это противостояние, зародившись в конце XV – начале XVI в., так или иначе воспроизводится на протяжении всей истории страны. Представлен детальный обзор базовых идей данных течений, форм их проявления в разные исторические периоды; рассмотрены подходы отечественных исследователей к данной теме и различные оценки вклада представителей нестяжательской и иосифлянской традиций в становление русской культуры и государства. Авторами обосновывается плодотворность нестяжательских нравственных, ценностных, социальных и политических идей и установок. Она подтверждается, с одной стороны, негативными результатами победы иосифлянского направления уже в XVI в. во всех основных сферах жизни страны; с другой стороны – преемственностью идей и идеалов нестяжателей, их отражением и преломлением в научной, философской, социальной и политической мысли России, а также в искусстве на протяжении всего последующего исторического периода вплоть до настоящего времени. Отмечается, что в западной традиции также присутствуют подобные установки, хотя и в другой терминологии и с опорой на другие источники. Подчеркивается перспективность и своевременность возврата к идеям и ценностям нестяжательства, особенно в сегодняшний переломный момент исторического развития, что может стать важным фактором формирования новой цивилизационной модели, идущей на смену нынешней, во многом тупииковой техногенно-потребительской цивилизации.

**И.Е. Кознова. Русское крестьянство
в российском цивилизационном процессе.....40–77**

В статье рассматривается взаимодействие аграрно-крестьянского компонента российской истории и отечественной цивилизационной динамики. Выявляются возможности и пределы крестьянства, обладающего логикой своего пограничного природно-социального существования, преодолеть собственно рамки «крестьянской цивилизации», ее нормативность и самодостаточность и включиться в цивилизацию иного уровня и типа. Наибольшее внимание уделяется периоду с конца XIX до конца XX в., когда в России дважды происходила смена типов цивилизационного движения, шла урбанизация страны, социальные тенденции характеризовались активным раскрестьяниванием. Выявляется соотношение традиций и новаций в сельской среде. Изучаются изменения в крестьянстве и способах его коммуникации с властью и городом.

**А.С. Сахаров, Л.Б. Четырова. Внутренняя колонизация России
и формирование нации: в контексте земельных взаимоотношений
русских с калмыками в конце XIX – начале XX в.78–92**

Статья посвящена рассмотрению отношений русских крестьян и калмыков на рубеже XIX и XX столетий. В качестве материала избрана работа православного миссионера и этнографа Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г.» [5]. Анализ заявленной темы произведен на методологической основе деколонизальной теории (В. Миньоло, Э. Дуссель, А. Кихано, М. Тлостанова), а также теории внутренней колонизации России (В. Морозов, А. Эткинд). В первом параграфе представлен обзор использованной научной литературы. Выявлены центральные положения и подходы исследователей в контексте темы статьи.

Освещена проблема недостаточного рассмотрения аспекта этнических различий в теории внутренней колонизации России. Во втором параграфе рассматривается национальная политика Российской империи XIX столетия. Показываются механизмы конструирования колониальных иерархий между высшими и низшими сословиями, а также этническими русскими и инородцами. Помимо этого, в данной части исследования задействуется теория национализма британского социолога Б. Андерсона, с помощью которой были выявлены социальные феномены, классифицированные как признаки официального и гражданско-республиканского национализма. Приведены и проанализированы фрагменты книги Дубровы, демонстрирующие проблемы отношений русских крестьян и калмыков в Российской империи. В третьем параграфе представлен анализ национальной политики советской эпохи. В рамках концепции советской модерности М. Дэвид-Фокса показывается сохранение субалтерного положения русских. Одновременно с этим демонстрируется статус этнических русских как «народа-спасителя» – важнейшего сюжета советской колониальной матрицы. В заключении приводятся выводы.

2024. ТОМ 6. НОМЕР 1

Беседа врио первого зам. директора Института философии РАН, руководителя мегатемы «Российский проект цивилизационного развития», академика РАН А.В. Смирнова с главным редактором журнала «Проблемы цивилизационного развития», доктором философских наук В.Н. Шевченко.....5–19

В беседе руководителя научно-исследовательского проекта по плановой теме «Российский проект цивилизационного развития» академика А.В. Смирнова и главного редактора журнала «Проблемы цивилизационного развития» В.Н. Шевченко обсуждаются итоги пятилетней работы исследовательского коллектива – группы сотрудников Института философии РАН, дается общая оценка значения полученных результатов для широкого круга ученых – философов, политологов, культурологов, историков, всего российского научного сообщества. В частности, подняты важные вопросы уточнения первоначально сформулированных целей и задач проекта, обсуждается общий уровень публикаций журнала, созданного в целях освещения научных результатов исследований по мегатеме, а также направления дальнейшего расширения его тематики. Затрагиваются проблемы сочетаемости различных методологических подходов, используемых авторами опубликованных материалов, соотношения в них культурных, политических и правовых аспектов. Большое внимание уделяется обсуждению теоретических взглядов на взаимодействия цивилизаций в современных условиях, а также уникальной логике развития российской цивилизации, связи «высокой» и традиционной культуры в ходе поисков наиболее адекватного выражения сущности цивилизационного проекта и его практической реализации.

В.Н. Шевченко. Особенности социально-философского и философско-исторического подходов к исследованию цивилизационной проблематики.....20–42

Автор статьи настаивает на необходимости выделения двух взаимодополняющих аспектов в понимании природы цивилизации. В одном случае цивилизация есть историческая эпоха, а в другом – цивилизационное развитие отдельных локальных государств или обществ (локальных цивилизаций).

В статье раскрывается тематическое поле исследований по цивилизационной проблематике с позиций социально-философского знания (включая и его философско-историческую составляющую). Отмечается, что неопределенность и размытость понятия цивилизации обусловлены в значительной мере тем, что до сих пор не выявлен его философский статус, поскольку понятие рассматривается, как правило, вне связи с системой социально-философских категорий. Важным теоретическим вопросом выступает вопрос цивилизационного самосознания общества, т.е. осознание себя как цивилизации.

Далее в статье говорится о теоретической и практической значимости изучения уровня развития локальных цивилизаций при переходе от самостоятельного типа развития к зависимому типу развития. Много внимания уделено анализу зависимого и отсталого типа исторического развития незападных цивилизаций, которое длилось в течение пятивекового цикла всемирной истории.

В последнем разделе статьи обсуждается сложный и не до конца проясненный вопрос, который со всей обстоятельностью поставил Ш. Фурье. Имеет ли цивилизация как историческая эпоха временные рамки существования или эта эпоха навсегда? Сегодняшняя смена вектора мирового развития, отказ от однополярности позволяет автору поставить вопрос о переходе человечества от эпохи цивилизации к новой эпохе, к Новой современности, когда дальнейшее развитие человеческого общества будет проходить по законам культуры.

В.И. Шамшурин, Н.Г. Шамшурина. Об историко-цивилизационной и культурной роли философии в современном мире:

Россия и Европа.....43–57

При рассмотрении взаимосвязи истории и культурно-цивилизационных процессов с философией предлагается типология из двух видов философии. Точнее – два вида философии справедливости – «эквиваленция» и «квалификация». Первая, к сожалению, наиболее распространенная в политике, особенно европейской, особенно евроатлантической, точнее – западной политике, является одной из существеннейших причин кризисов и войн как в истории, так и в современности. Именно она (эквиваленция), по сути, является синонимичной кровной мести (талиону), при котором воздаяние становится равноценно преступлению. В этом случае каждая из конфликтующих сторон выступает в качестве субъекта права и считает себя пострадавшей стороной. При этом одна из сторон (как это видно на примере Европы при изучении ее истории, особенно последние 500 лет колониальной истории) – только себя и считает еще и единственным источником нормотворчества в договорной системе координат. Что по факту ведет, без всяких исключений, в истории вопроса, а главное в настоящем – к умножению конфликтов и отказу от мирных переговоров в принципе. И прошлое, и настоящее политического и историко-цивилизационного, культурного развития человечества свидетельствует именно об этом. Это философия политического солипсизма. Квалификация или, как это называется в римском праве, «гуманная справедливость в пользу свободы», более соответствующая, как показывает опыт истории вообще и исторического развития России в частности, с ее многонациональным составом государственности, сохранившим в течение своего многовекового развития около 190 наций и народностей, исходит из того, что норма не релятивна и не конвенциональна. Она имеет аподиктические характеристики и предполагает долгий процесс публично-правового согласования репрезентативных баз данных в виде тех или иных социально-политических отношений (в том числе и конфликтных) в их соотношении с интересами конфликтующих субъектов и нормами, признание всеобщности и необходимости которых договаривающимися сторонами является неременным условием выхода из любого кризиса.

Это философия политического симфонизма и синергии. При соотношении философии и истории, философии и культуры следует иметь в виду, что она (философия) несет на себе прежде всего функцию воспитательного свойства. И вместе с тем функцию стратегического планирования. А не прогностическую функцию. В противном случае мы получаем то, что можно назвать «тоннельным» или, как сейчас говорят, «блоковым мышлением», не способным различать в долговременной, среднесрочной и даже в краткосрочной перспективе истинный и ложный виды прогресса, со всеми их последствиями в истории культур и цивилизаций. Или то, что можно назвать политическим солипсизмом, не способным ни к какому взаимодействию культур и переговорным процессам во внутрисоциальных делах и международных отношениях.

Р.Р. Вахитов, В.К. Петров. Отношения России и Турции во второй половине XX – первой половине XXI в.

Циклический характер отношений.....58–76

Статья представляет собой продолжение и развитие идей статьи Р.Р. Вахитова «Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в. Миролюбие консерватизма и конфликтогенность либерализма». Цель статьи – проверить гипотезу, что в периоды консервативной модернизации в России (СССР) и Турции между странами наблюдались стремление к миру и сотрудничеству, конфликты же приходились в основном на периоды либерализации и вестернизации. В статье рассмотрен этап с конца 1930-х гг. (смерть Ататюрка) до современности и делается вывод, что в целом гипотеза подтверждается. Периоды авторитаризма и консервативной модернизации (1970-е гг. и современность) отмечаются сотрудничеством и сближением двух стран, а периоды либерализации (1950–1960 и 1990-е гг.) – конфликтогенностью.

А.В. Никандров. СССР как цивилизация: взгляд со стороны западных интеллектуалов

(С. и Б. Вебб, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер).....77–94

Статья посвящена историческому анализу развития дискурса цивилизации в применении к СССР («советской цивилизации»), который был развернут западными интеллектуалами, посещавшими СССР в 1930-е гг. Контекстом создания анализируемых произведений являются реалии «сталинского поворота», смысл и содержание которого кратко раскрываются автором. В «Московском дневнике» Р. Роллана образ И.В. Сталина сопоставляется с фигурой императора Августа. Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937» рассказывает о впечатлениях, которые произвела на него становящаяся советская цивилизация. С. и Б. Вебб в своем капитальном труде «Советский коммунизм – новая цивилизация?» дают развернутый анализ советского общества и государства 1930-х гг. и обосновывают вывод о том, что представление СССР как новой цивилизации по существу имеет основания.

Чэнь Чжиган, Чэнь Айжу. Современная цивилизация китайской нации в творческой трансформации традиционной культуры.....95–112

Начиная с 18 съезда Коммунистической партии Китая (далее – КПК) генеральный секретарь Си Цзиньпин настаивает на соединении основных положений марксизма и китайской выдающейся традиционной культуры, продвигает творческую трансформацию и инновационное развитие выдающейся китайской традиционной культуры, определяя направление построения современной цивилизации китайской нации. Генеральный секретарь Си Цзиньпин глубоко понял выдающуюся преемственность

китайской цивилизации и использует элементы традиционной культуры в развитии основных ценностей социализма. Он продвигает гуманистический дух, воплощенный в традиционной культуре, формируя духовное родословное древо китайских коммунистов, осознает единство китайской цивилизации, постоянно совершенствует систему социалистического государства с китайской спецификой, развивает потенциал партийных работников, продвигает миролюбивый и инклюзивный характер китайской цивилизации, проводит политику формирования Сообщества единой судьбы человечества, предлагает китайскую программу глобального управления.

Чжан Сяопин, Чэнь Айжу. Реализация инициативы

«Один пояс – один путь» как способ взаимного

мирного познания цивилизаций..... 113–122

Инициатива «Один пояс – один путь» в новой эпохе – это не только взаимовыгодный способ содействия мировому экономическому сотрудничеству, но и мирный путь к взаимопониманию и обмену между цивилизациями. Участие в строительстве проекта помогает участникам международного процесса осознать цивилизационные различия между ними и выстраивать свое поведение с пониманием глобальной точки зрения. Таким образом, этот вопрос представляет не только теоретическую значимость для развития человеческой цивилизации, но важен и с практической точки зрения. Новая концепция цивилизации, предложенная Китаем, с ее огромной энергией активно способствует новому направлению развития человеческой цивилизации.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2019. ТОМ 1. НОМЕР 1

Т.А. Сенюшкина. Стратегическая нестабильность в XXI веке.

Обзор работы Международного круглого стола

памяти А.С. Панарина..... 137–145

Л.Б. Четырова. Тибетский буддизм

в цивилизационном пространстве России (обзор)..... 146–155

2020. ТОМ 2. НОМЕР 1

Е.Н. Мошелков, В.Н. Расторгуев, А.В. Никандров. Россия и Европа:

общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития

(аналитический обзор XVII Панаринских чтений; ноябрь 2019)..... 127–146

И.А. Бирич. «Большая Евразия»: конференции,

посвященные данной теме..... 147–155

2021. ТОМ 3. НОМЕР 1

А.В. Смирнов. О ходе выполнения мегатемы Института

«Российский проект цивилизационного развития»)..... 252–256

К.Ю. Аласания, Е.Н. Мошелков, А.В. Никандров, В.Н. Расторгуев,

Т.Н. Седых. Глобальные угрозы и солидарность цивилизаций

(аналитический обзор XVIII Панаринских чтений, приуроченных к 80-летию со дня рождения А.С. Панарина; декабрь 2020 г.)	268–289
И.М. Угрин. У истоков евразийства. К 100-летию выхода книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (обзор Международной научной конференции).....	290–300

2021. ТОМ 3. НОМЕР 2

О.С. Крюкова, О.В. Кулешова, В.И. Лутовинов. Четвертая международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества».....	102–121
---	---------

2022. ТОМ 4. НОМЕР 1

К.Ю. Аласания, Е.Н. Моцелков, А.В. Никандров, Т.Н. Седых. Национальная идентичность России в эпоху стратегической нестабильности (аналитический обзор XIX Панаринских чтений, посвященных памяти профессора В.Н. Расторгуева, 23 декабря 2021 г.).....	169–189
--	---------

2023. ТОМ 5. НОМЕР 1

К.Ю. Аласания, Е.Н. Моцелков, А.В. Никандров, Т.Н. Седых. Россия как страна-цивилизация: аналитический обзор XX юбилейных Панаринских чтений, посвященных 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского (1822–1885 гг.), 21 февраля 2023 г.	150–174
М.В. Рубец. Обзор круглого стола – презентации коллективной монографии «От сравнительной к межкультурной философии».....	175–188

2023. ТОМ 5. НОМЕР 2

Б.В. Грачев, И.М. Угрин. Всероссийская научная конференция «Традиция и современность: аксиология российской цивилизации»....	93–111
--	--------

2024. ТОМ 6. НОМЕР 1

К.Ю. Аласания, Е.Н. Моцелков, А.В. Никандров, Т.Н. Седых. «Столкновение цивилизаций» – миф или реальность: аналитический обзор XXI Международных Панаринских чтений, 15 февраля 2024 г.	123–153
--	---------

В.И. Герасимов, С.И. Коданева, В.И. Лутовинов, С.А. Попова.
Шестая международная научно-практическая конференция
«Большая Евразия: национальные и цивилизационные
аспекты развития и сотрудничества».....154–176

РЕЦЕНЗИИ

2019. ТОМ 1. НОМЕР 1

Д.Е. Муза. Рецензия на книгу: «Цивилизационное развитие России:
наследие, потенциал, перспективы» / Под общ. ред. В.А. Черешнева,
В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. 440 с.156–165

И.М. Угрин. Рецензия на книгу А.А. Кара-Мурзы
«Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825)».
М.: Аквилон, 2019. 112 с.166–173

2020. ТОМ 2. НОМЕР 1

Р.Р. Вахитов. Всечеловечность и диалектика. Размышления о книге
А.В. Смирнова «Всечеловеческое vs. Общечеловеческое».
М.: Садра, Издательский дом ЯСК, 2019. 216 с.155–167

2020. ТОМ 2. НОМЕР 2

В.И. Спиридонова. Рецензия на сборник статей
«Россия как цивилизация будущего // Вопросы социальной теории:
Научный альманах». Т. XII / Под ред. Ю.М. Резника.
М.: Издательство Независимого института
гражданского общества, 2020. 288 с.107–124

2021. ТОМ 3. НОМЕР 2

А.В. Трухан. Постсоветская идентичность России в концептуальных
и политических «войнах памяти» (Памяти Валерия Николаевича
Расторгуева). Рецензия на книгу: «Национальная память
в эпоху перемен» / Т.В. Беспалова, С.П. Поцелуев, В.Н. Расторгуев.
М.: 1000 бестселлеров, 2021. 208 с.122–139

2022. ТОМ 4. НОМЕР 1

Е.А. Тюгашев. Современные цивилизационные исследования
России: наблюдения и интуиции (обзор литературы).....190–201

2022. ТОМ 4. НОМЕР 2

- Ю.М. Резник. От философии над культурами к межкультурной философии? (Размышления над книгой М.Т. Степанянц «Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы»).....88–100

2023. ТОМ 5. НОМЕР 1

- Д.Е. Муза. Памяти русского ученого (рецензия на книгу В.Н. Расторгуева «Цивилизационный путь России»).....189–194
- И.М. Угрин Рецензия на книгу: «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография» (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.195–208

2023. ТОМ 5. НОМЕР 2

- В.И. Спиридонова. Еще один важный шаг к осознанию русской цивилизационной многонародной национальной идеи (О книге Р.Р. Вахитова. «Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф». СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.).....112–121
- А.Г. Сытин. Национальная идентичность и коллективная память как опоры для страны-цивилизации. Рецензия на книгу: «Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим» / Отв. ред. Т.А. Сенюшкина; науч. ред. Е.А. Сенюшкин. Симферополь: Н. Орианда, 2022. 320 с. ...122–131

2024. ТОМ 6. НОМЕР 1

- Е.А. Тюгашев. В фокусе внимания российская цивилизация (Обзор монографий 2022–2024 гг.).....177–191

Научно-теоретический журнал

Проблемы цивилизационного развития
Civilization studies review

2024. Том 6. Номер 2

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС77-76168 от 08 июля 2019 г.

Главный редактор *В.Н. Шевченко*
Зам. главного редактора *В.И. Спиридонова*
Ответственный секретарь *И.М. Угрин*
Заведующий редакцией *Б.В. Грачев*

Художник: *Б.В. Грачев*
Технический редактор: *Б.В. Грачев*
Корректор: *Е.М. Пушкина*

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Б.В. Грачев*

Памятка для авторов

- Журнал принимает к рассмотрению научные статьи, рецензии и обзоры научных мероприятий.
- Журнал не принимает материалы, опубликованные ранее или принятые к публикации в других изданиях.
- Предоставление материала для публикации означает передачу прав на публикацию издателю.
- К рассмотрению принимаются рукописи в формате MS Word по адресу электронной почты. Рукописи статей (других материалов) оформляются следующим образом:
 - шрифт: «Times New Roman»;
 - размер шрифта: название статьи, Ф.И.О. автора – 14 кеглем;
 - подзаголовки (полужирным шрифтом), текст – 14; сноски – 10;
 - междустрочный интервал – 1,5;
 - абзацный отступ – 1,25;
 - выравнивание – по ширине поля: 2,5 см со всех сторон.
- Объем научной статьи не должен превышать 1,2 авторского листа, обзоров научных мероприятий – 0,75 авторского листа, библиографических обзоров и рецензий – 0,5 авторского листа (1 авторский лист – 40 тыс. знаков).
- Первая страница статьи обязательно должна содержать следующие элементы на русском и английском языках:
 - фамилию, имя, отчество автора;
 - сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес, адрес электронной почты);
 - название статьи;
 - аннотацию (200–250 слов), в которой характеризуются задачи и методы исследования и полученные результаты;
 - ключевые слова (7–10).
- Обязательным условием для приема материала является наличие библиографического списка, составленного в алфавитном порядке. Каждая библиографическая запись должна соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008.
- Ссылки на литературу оформляются следующим образом: в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы, через запятую номер страницы или страниц издания (в том случае, если приводится цитата). Например: [9], [12, с. 134], [14, с. 12–13].
- Публикация осуществляется на русском языке.
- Решение о публикации принимается на основании внутреннего анонимного рецензирования.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 422. Тел.: +7 (495) 697-91-89; e-mail: info@civstudies.ru; сайт: <https://civstudies.ru>